СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1841.

СОВРЕМЕННИКЪ.

XXII.

СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1841.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK

Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/69 – 2148

НОВОСТИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Въ концѣ прошлаго года Контора привилегированной типографіи Фишера объщала издавать одно за другимъ Сочиненія лучшихъ современныхъ Писателей нашихъ. Начало сдѣлано было прекрасною Повѣстію г. Основьяненка: *Панъ Халявскій*. Выборъ былъ самый счастливый, судя по главной цѣли, которую предположила себѣ Контора при изданіи. Русскія книги вообще до такой степени дорого наконецъ продавались, что невозможно было ими пользоваться человѣку безъ хорошаго достатка. Чтобы распространить по всей Россіи лучшія книги и доставить способъ пріобрѣтать ихъ самымъ небогатымъ людямъ, надобно было продавать ихъ какъ можно дешевле—и, пользуясь внутреннимъ ихъ достоинствомъ,

издержки изданія разлагать не по прежнему на сотни экземпляровъ, а на тысячи. Сочиненія г. Основьяненка, по оригинальности ихъ созданія, слога, по вѣрному взгляду автора на жизнь, людей, страсти, слабости, на все, что входитъ въ область художествъ, единодушно признаны у насъ замѣчательнѣйшими въ нынѣшнюю эпоху. Разказываютъ однако же, что какой-то критикъ пробовалъ обратить въ вину г. Основьяненкѣ именно его достоинства, какъ-то: самобытный слогъ, живость сценъ, яркія краски мѣстности и прочія совершенства, до которыхъ безъ истиннаго таланта ничѣмъ не достигнуть. Въ подобныхъ выходкахъ не бывало недостатка ни при одномъ великомъ писателѣ. Дѣло въ томъ, что предпріятіе Конторы не только не оказалось малоуспѣшнымъ, но и поощрило ее къ дальнѣйшей дѣятельности. Нынѣ въ томъ же предположеніи напечатаны тамъ: *Стихотворенія* Графини Е. Растопчиной.

Мы не удивляемся (какъ это часто теперь дѣлается), что въ *нашъ положительный вѣкъ* еще являются поэты. По нашему мнѣнію, во всѣ вѣка были и прозаики и поэты, и всегда ихъ будетъ довольно, чтобы приводить душу въ ея лучшее настроеніе. Мы только смотримъ на это собраніе Стихотвореній съ чувствомъ, которому трудно пріискать названіе. Тутъ заключены впечатлѣнія, ощущенія, думы, мечты, надежды, радости, утраты, все, чѣмъ жизнь такъ волнуется и чѣмъ она такъ очаровательна въ

лучшіе наши годы—тутъ десять лѣтъ цвѣтущаго возраста женщины, тутъ исторія прекраснѣйшаго существа въ его прекраснѣйшую эпоху. Какъ не сказать, что это явленіе, какаго еще не бывало въ нашей литературѣ—явленіе, на которое нельзя смотрѣть безъ полнаго участія, безъ особеннаго любопытства и непзъяснимаго удовольствія? Передъ нами открытъ непроницаемый лабиринтъ юнаго, пылкаго, трепещущаго сердца; мы видимъ всѣ его изгибы, всѣ уклоненія, весь путь, гдѣ десять лѣтъ играли, тревожились и бодрствовали умъ и воля поэта съ его дѣтства до нынѣшнихъ его блестящихъ дней юношества.

Въ другихъ поэтахъ ничего нѣтъ подобнаго тому, о которомъ мы говоримъ. Онъ все для себя создалъ самъ, или вѣрнѣе — природа вела его особеннымъ путемъ. Существо, по видимому призванное для разсѣянностей жизни, для удовольствій и блеску шумнаго свѣта, для упоенія и торжества въ лучшемъ кругу общества, это существо влечется неодолимою силою въ святилище души своей, сосредоточиваетъ тамъ игривые свои помыслы, раздробляетъ ихъ и преобразуетъ. Еще едва ли не для ребенка, жизнь получаетъ уже высокое для него значеніе. Женщина, не противорѣча радужнымъ мечтамъ души своей и голосу счастливо настроеннаго сердца, находитъ средство вполнѣ жить и посреди очарованія свѣтскихъ радостей и во глубинѣ душевнаго своего уединенія. Для нея поэзія снимаетъ съ себя образъ искуства—и является

какъ душистый цвѣтокъ каждаго понятія, каждаго сознанія, каждаго намѣренія и поступка. Всегда поэтъ и всегда человѣкъ, она не чуждается ничего земнаго и сочувствуетъ всему небесному. И въ то же время она нераздѣльна; она не колеблется, не теряетъ равновѣсія, не склоняется въ одну сторону и не дѣлаетъ усилія, чтобы возвратиться на другую: все въ жизни ея—чистая поэзія.

Теорія творческаго искуства, формы его и условія выраженій также постигнуты ею, какъ самое искуство — сочувствіемъ и потребностію духа. Въ созданіяхъ талантовъ разныхъ вѣковъ и націй она обрѣла для души своей естественную, необходимую пищу, какъ всякое живое существо обрѣтаетъ ее въ дыханіи воздухомъ. Почерпаемое душою изъ этаго источника соединивъ съ тѣмъ, что собственная жизнь внесла въ область ея поэзіи, она образовала такой оригинальный, чудно-разнообразный, но строго-послѣдовательный рядъ поэтическихъ произведеній, что, всматриваясь въ нихъ, познаёшь полную исторію жизни, гдѣ ни одно обстоятельство не лишено поэтической замѣтки. Такимъ образомъ то, что доселѣ у другихъ было чисто искуствомъ, счастливымъ даромъ рѣшить нѣкоторыя опредѣленныя задачи, у нея сдѣлалось, такъ сказать, дыханіемъ бытія.

Напечатано всѣхъ теперь стихотвореній 91. Подъ первымъ изъ нихъ поставлено 1829: г., а

подъ послѣднимъ 1839. Кто лично знаетъ поэта, тотъ можетъ вообразить, какъ рано пробудилась въ немъ поэтическая дѣятельность! Бывали примѣры, что подобное довременное развитіе скоро и прекращалось, свидѣтельствуя не о талантѣ, а о какой-то умственной раздражительности. Но здѣсь, разсматривая книгу, вы чувствуете сами, какъ увеличивается дѣятельность поэта, какъ укрѣпляются силы его таланта, какъ все въ немъ получаетъ зрѣлость и могущество. Надобно признаться, что изданіе сочиненій въ такомъ видѣ, въ какомъ напечатаны *Стихотворенія* Графини Растопчиной, доставляетъ прекрасное средство къ изслѣдованіямъ самымъ разнообразнымъ касательно біографіи автора. Самые обильные годы произведеніями были 1839 и 1831: первому изъ нихъ мы обязаны 21 стихотвореніемъ, а послѣднему 17. Въ 1829 и 1834 написано менѣе, нежели въ другіе годы, а именно: 2 и 4. Ничего не желая приписать случаю въ явленіи, исполненномъ правильности и отчетливости, мы предоставляемъ самому автору изъяснить нѣкогда эти обстоятельства, невольно обратившія на себя наше вниманіе. Еще любопытнѣе остается для разрѣшенія вопросъ: почему 1831 и 1837 годы не ознаменованы ни однимъ стихотвореніемъ? Избытокъ ли поэтическихъ ощущеній, или проза жизни отклонили руку отъ ея привычки, столь неизмѣнной и столь заманчивой? 1830, 32, 35, и 38 годы почти равны драгоцѣнными замѣтками вдохновенія, которыхъ число въ каждый годъ простирается

отъ 9 до 12. Въ этихъ статистическихъ изысканіяхъ всего любопытнѣе отмѣтить для біографіи, гдѣ написана большая часть стихотвореній. Главное число (37) принадлежитъ *Москвѣ*: тамъ авторъ началъ свое поэтическое поприще; тамъ, *новый житель міра*, онъ смотрѣлъ на все испытующимъ взоромъ, изображая раннія свои ощущенія. Возрастъ и мѣстопребываніе рѣзко означились во всемъ: въ выборѣ содержанія, въ степени изслѣдованія идей, въ характерѣ поэзіи. Мысль и воображеніе только скользятъ и играютъ на внѣшней сторонѣ предметовъ. Нѣтъ еще опытовъ, обогащающихъ душу степенными истинами и неизбѣжнымъ разочарованіемъ. Если элегической тонъ и прокрадывается въ сердце—это болѣе естественное предчувствіе таланта, нежели убѣжденіе души. Почти столько же стихотвореній (35) написано въ другомъ мѣстѣ и въ другомъ уже возрастѣ. Подъ ними подпись: *Село Анна* (Воронежской губерніи). Природа и жизнь съ красотами своими и тайнами возобладали уже вдохновеніемъ поэта. Онъ внимаетъ ихъ откровеніямъ. Картины занимательнѣе, краски ярче, мысли глубже и тонъ сильнѣе. Поэзія въ уединеніи становится единственною собесѣдницею, отраднымъ прибѣжищемъ души. Здѣсь возникаютъ снова и переработываются памятныя видѣнія, промелькнувшія надъ поэтомъ въ разсѣянной и безплодной жизни шумнаго свѣта. Подобнымъ образомъ въ его созданіяхъ отпечатлѣлись картины Кавказа, на которой удалось ему полюбоваться. Убѣждаясь, сколько

авторъ нашъ хранитъ въ душѣ сочувствія съ окружающими его предметами, и какъ онъ вѣренъ своему внутреннему состоянію, мы надѣемся доставить нашимъ читателямъ истинное удовольствіе, помѣстивъ здѣсь для повѣрки нѣкоторыя изъ стихотвореній.

ОСЕННІЕ ЛИСТЫ.

Одинъ увядшій листъ несчастному милѣе,
Чѣмъ всѣ блестящіе весенніе цвѣты.
Андрей Тургеневъ.

Сухіе, желтые листы,
Предвѣстники поры печальной,
Вы любы мнѣ!.. Мои мечты
Привыкли къ думѣ погребальной,
Сдружились съ мыслью неземной;
И есть родство, родство святое
Межъ всѣмъ тоскующимъ и мной —
Неизгладимо-роковое
Клеймо судьбы моей былой.

Люблю я колоколъ унылой
Въ вечерній часъ, вдали суетъ;
Мое любимое свѣтило
Не солнце пышное: о нѣтъ!
Нѣтъ, то луна подъ покрываломъ
Прозрачно-сизыхъ облаковъ!
Я въ храмѣ древнемъ, обветшаломъ
Молюсь теплѣй; среди лѣсовъ
Ищу не тополей красивыхъ,

Не липъ роскошныхъ, горделивыхъ,
Но громомъ сломанныхъ дубовъ.
Златаго утра блескъ роскошный
Встрѣчаю хладнымъ окомъ я:
Но бури шумъ, но мракъ полночный,
Вотъ, вотъ поэзія моя!
Вотъ, въ чемъ міръ думы для меня!..
И я отдамъ весну младую
Со всею жатвой гордыхъ розъ
За осень бѣдную, нагую,
Иль за порывы лѣтнихъ грозъ...

Но вы, разметанные рокомъ,
Любимцы блеклые мои,
На лоно матери-земли
Вы принесенные оброкомъ
Съ родимыхъ вѣтвей и вершинъ,
Какъ много думъ и откровеній,
Какъ много горестныхъ видѣній
И занимательныхъ судьбинъ
Я вижу въ низкой вашей долѣ!..
Немного будущности въ васъ —
Но все на жизненной юдоли
Переживете вы неразъ
И рано скошенную младость,
И сонъ любви, и красоту,
И сердца пламеннаго радость,
И вдохновенную мечту.

Быть можетъ, вихрь своимъ дыханьемъ
Васъ на могилу нанесетъ;

Быть можетъ, васъ волна возьметъ —
И васъ послѣднимъ призываньемъ
Младой утопленникъ почтетъ...
Быть можетъ, вамъ и мнѣ судьбою
Удѣлы равные даны:
И вы, какъ я, осуждены
Съ вседневной черною тоскою
И вѣкъ отжить, и умирать
Въ своемъ углу непросвѣщенномъ,
Подъ небомъ вѣчно омраченнымъ,
И странъ желанныхъ не видать
Быть можетъ, васъ со мной зароютъ
Снѣга родные въ саванъ свой,
И вьюги Русскія завоютъ
Надъ нами пѣснью гробовой.

И горе, если уцѣлѣетъ
Одинъ изъ васъ! Весна придетъ,
Весна поляны отогрѣетъ
И ихъ цвѣтами уберетъ,
А онъ, изсохшій, одинокой,
Онъ не истлѣетъ на лугахъ,
Но путника ногой жестокой
Растоптанъ будетъ въ пыль и прахъ...
Такъ память первыхъ впечатлѣній,
Былыхъ надеждъ, былыхъ волненій
Душа и гонитъ и клянетъ,
Когда рой скучныхъ сожалѣній
Любовь другая изженетъ.

Село Анна. Августа, 1834.

ГДѢ МНѢ ХОРОШО.

Когда, насытившись весельемъ шумнымъ свѣта,
Я жизнью умственной вполнѣ хочу пожить,
И просится душа, мечтою разогрѣта,
Среди душъ родственныхъ свободно погостить,
Къ пріюту тихому бесѣды просвѣщенной,
Къ жилищу свѣтлыхъ думъ дорогу знаю я —
И радостно спѣшу къ семьѣ благословенной,
Гдѣ дружескій пріемъ радушно ждетъ меня.

Тамъ говорятъ и думаютъ по-Русски;
Тамъ чувствомъ родины проникнуты сердца;
Тамъ чинность модная, своею цѣпью узкой,
Не душитъ, не тѣснитъ; тамъ памятью Отца
Великаго и славнаго все дышитъ;
Тамъ святъ его примѣръ; тамъ, какъ завѣтный кладъ,
И духъ и мнѣнія его во всемъ хранятъ.
Свидѣтель тронутый всегда тамъ видитъ, слышитъ
Семью согласную, счастливую семью,
Гдѣ души заодно; гдѣ община святая
Надеждъ и радостей; гдѣ каждый жизнь свою
Другимъ приноситъ въ даръ, собой пренебрегая.
Предъ этимъ зрѣлищемъ добрѣешь каждый разъ,
Съ мечтой о счастіи невольно помирясь;
Предъ этимъ зрѣлищемъ въ насъ сердце оживаетъ:
За круговымъ столомъ, у яркаго огня,
Хладъ зимній, свѣтскій хладъ оно позабываетъ,
И-умиленное внезапно постигаетъ
Поэзію домашняго житья.

Отбросивши подъ часъ заботъ и дѣлъ оковы,
Былое вспоминать готовые всегда,
Тамъ собираются, влекомые туда
Старинной дружбою (приманкой вѣчно-новой!),
Всѣ тѣ, кто пѣснію, иль рѣчью, иль перомъ
Себя прославили, кто вѣку путь открыли
Къ святой поэзіи, кто въ сердцѣ не забыли,
Что этотъ мирный кровъ былъ ихъ роднымъ гнѣздомъ.
Они тамъ за-просто, и дома, и покойны;
Ихъ кругъ разрозненный становится тѣснѣй...
Но много мѣстъ пустыхъ!.. но бури вѣтеръ злойный,
Недавно проходя надъ головой гостей,
Унесъ любимаго...

За то воспоминанье
Въ разсказахъ искреннихъ всегда тамъ пополамъ!
За то тамъ всѣхъ влечетъ незримое вліянье
Отъ смѣха рѣзваго къ возвышеннымъ мечтамъ!
Но кто, но кто межъ всѣхъ, какъ Провидѣнье дома,
Своимъ присутствіемъ все держитъ, все хранитъ?
Кто, съ испытаньями житейскими знакома,
Душой и разумомъ и сердцемъ сторожитъ
Своихъ возлюбленныхъ на поприщахъ различныхъ;
Имъ опытность свою въ покровъ и щитъ даетъ;
Объ нихъ и день и ночь все мыслитъ; создаетъ
Въ молитвахъ пламенныхъ, въ мечтаніяхъ привычныхъ
Имъ счастье полное, и жизнью ихъ живетъ?
Кто съ кроткой мудростью, съ небеснымъ снисхожденьемъ
Взираетъ на людей, на ихъ дѣла и свѣтъ,
Не судитъ никого, не вѣритъ обвиненьямъ,

Не терпитъ при себѣ злорѣчія навѣтъ?
Кто рѣдкой красотой своей души высокой
Заставила забыть земную красоту —
И вѣкъ свой прожила, не зная, почему
Для ней сердца полны любовію глубокой?
О! кто ее видалъ, о! кто ей близокъ былъ,
Тотъ знаетъ, тотъ постигъ, какимъ обвороженьемъ
Она влечетъ къ себѣ! Тотъ собственнымъ стремленьемъ
Почувствуетъ, зачѣмъ своимъ благоговѣньемъ
Ее поэтовъ сонмъ издавна окружилъ,
Зачѣмъ она была межъ огненныхъ свѣтилъ
Звѣздою мирною, священнымъ вдохновеньемъ!

Петербургъ. Мартъ, 1838.

НЕДОКОНЧЕННОЕ ШИТЬЕ.

Нѣтъ! прочь съ работою!.. Нѣтъ! болѣе ни шва!
Нигдѣ и никогда мой коврикъ не дошьется,
Трудолюбивая игла не прикоснется
Къ работѣ прерванной, и бѣлая канва
Шитьемъ узорчатымъ вовѣкъ не облечется!
Затѣйливый разводъ, блестящіе цвѣты,
Въ иное время мной вы были начаты...
И много сладостныхъ, живыхъ воспоминаній
Вашъ видъ наводитъ на меня!
И много думъ, событій, упованій
Съ отдѣлкой пестрой этой ткани
Во дни минувшіе слила душа моя!

Для женщины часъ скромныхъ рукодѣлій
Есть часъ спокойствія, молчанья, думъ святыхъ,
Самопознанья часъ вдали суетъ мірскихъ;
То промежутокъ ей межъ выѣздовъ, веселій,
То отдыхъ отъ заботъ, отъ свѣта, отъ людей,
То ей досугъ читать самой въ душѣ своей.
Когда надъ пяльцами, за столикомъ богатымъ,
Она склоняется, работой занята,
Быть можетъ, той порой любимая мечта,
Въ воображеніи крылатомъ,
И разыгралася, и рѣетъ, и горитъ;
Быть можетъ, сердце въ ней волнуется тревожно,
И сонъ надежды невозможной
Она на днѣ души голубитъ и хранитъ.
Завѣтныхъ тайнъ ея свидѣтель безопасный,
Наперсникъ вѣрный и безгласный,
Жизнь задушевную шитье проводитъ съ ней —
И дорого, и любо ей.

Былаго памятникъ, мой коврикъ недошитый,
Когда тебѣ досугъ *я* посвящала свой,
Тогда видаемы бывали часто мной
Минуты свѣтлыя... и трепетной душой
Онѣ теперь еще не позабыты.
Но ихъ блестящая, счастливая чреда...
Увы! она навѣки миновала!
Былыхъ тревогъ, былыхъ надеждъ не стало,
И думы тайныя не придутъ никогда
Мнѣ въ голову опять съ ихъ прелестью бывалой.
Теперь, работая, о радостномъ *вчера*
Съ волненьемъ и тоской ужъ я не вспоминаю...

Теперь, работая, о *завтра* не мечтаю,
Не жду... и мнѣ пришла безцвѣтныхъ дней пора!
Съ холодною душой, съ напраснымъ сожалѣньемъ
Свой трудъ неконченный брать въ руки не хочу:
Его, блестящаго, вотще не омрачу
Отливомъ мрачныхъ думъ!... Тѣхъ дней поминовеньемъ
Пусть онъ останется!.. и глядя на него,
Забывъ ходъ времени, вновь сердца своего
Услышу исповѣдь съ унылымъ наслажденьемъ!..

Село Анна. Октябрь, 1839.

Представляя читателямъ нашимъ пьесы изъ разныхъ эпохъ, мы надѣялись оправдать замѣчанія свои относительно характера, объема, отдѣлки и другихъ особенностей поэзіи Графини Растопчиной. Труднѣе всего въ ней подвести подъ общее заключеніе выборъ предметовъ, источникъ ея вдохновенныхъ думъ. Сліянная съ жизнію, не отдѣляясь отъ нея для исполненія какихъ-нибудь условій искуства, здѣсь поэзія во всемъ есть власть духа надъ явленіями и вещественностію. Вотъ почему здѣсь изложеніе идей и самое ихъ соединеніе не напоминаетъ вамъ никого изъ нашихъ писателей: такъ оно самобытно и непредвидимо.

II.

Въ одну пору съ разсматриваемымъ нами авторомъ явился другой, исполненный насмѣшливости, шутливости и остроты. Его таланту обширное поле

представляли смѣшныя странности, привычки, черты нравовъ и обыкновеній, мнѣнія и тысяча другихъ оттѣнковъ нашего общества. Но онъ всю игру веселаго ума своего обратилъ преимущественно на двѣ слабыя стороны: на глупое пристрастіе къ Французскому языку и невѣжественную прихоть—непремѣнно побывать за границею. Мы говоримъ о *Г-жѣ Курдюковой* И. П. Мятлева. Въ одномъ мѣстѣ героиня его прекрасно (разумѣется, тѣмъ языкомъ и въ томъ духѣ, которыми авторъ такъ счастливо изъ вымышленнаго лица возвелъ ее на степень историческаго) сама выражаетъ главную идею поэта.

«Русской право мнѣ досаденъ:
Онъ ловчей, виднѣе всѣхъ—
А стремится, какъ на-смѣхъ,
Походить на иностранца,
На Француза, Итальянца,
Англичанина *сюр-ту*:
Въ томъ находитъ красоту.
Очень часто я видала:
Тихій, скромненькій сначала—
Какъ побудетъ *а Франкфортъ*,
Ужъ не братъ ему и чортъ.
Точно будто нездорово
Вымолвить по-Русски слово:
Же ве, дескать, *вольтиже*
Годикъ *сюръ лез-этранже*;
Же не вё па, же н-ире па;
Же не манжъ па де ла рѣпа,
Эт-сетра...

Первая изъ этихъ комическихъ болѣзней, т. е. галломанія, много уже разъ подвергалась ланцету эпиграммы, басни, сатиры и комедіи. Мы не думаемъ, чтобы самая колкая поэзія могла лечить людей отъ глупостей. Читатель или зритель, разбирая рѣзкія черты выведеннаго авторомъ лица, никакъ въ душѣ своей не сознается, что и онъ таковъ, если бы даже портретъ съ него списали. Тутъ всегда повторяется неподражаемое замѣчаніе Крылова:

«Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ киваетъ на Петра.»

И такъ, скажутъ намъ, всѣ эти великія созданія комиковъ, баснописцевъ, сатириковъ безполезны? Нѣтъ. Они столько же полезны, сколько и всякое явленіе въ нравственномъ мірѣ, ознаменованное истинною и творчествомъ. Они полезны, какъ глубокомысленная исторія, какъ трагедія, какъ всякое сочиненіе, исполненное человѣковѣдѣнія. Всѣ такія созданія постепенно пополняютъ философію, которая нѣкогда должна произнести намъ слово мудрости. Вотъ единственная, прямая, положительная польза всѣхъ произведеній изящныхъ искуствъ. Но эта польза, какъ само собою разумѣется, не можетъ быть достояніемъ тѣхъ лицъ, которыя такъ обогащаютъ собою сокровищницу Таліи. Между-тѣмъ и сами художники и участники въ ихъ трудахъ, призванные природою, безпрестанно пользуются вдохновенными положеніями, картинами, чувствами, мыслями. Въ Недорослѣ Фонвизина Простакова

восклицаетъ: «*Больна! Ахъ, она бестія! Больна! Какъ будто благородная!*» Кто изъ людей, понимающихъ прелесть искуства, когда-нибудь читалъ, слушалъ или даже вспоминалъ эту сцену безъ какаго-то восторга? А отъ чего? Отъ того, что поэтъ, какъ Колумбъ, открылъ новую часть свѣта въ человѣческомъ сердцѣ. Прежде этой сцены, еще не домыслились мы, куда могутъ завлечь человѣка невѣжество и грубость. Слѣдовательно новыя, неизмѣнныя, плодотворныя истины, будутъ ли относиться онѣ къ изящному высокому, граціозному, умилительному, или къ комическому, всегда должны быть принимаемы какъ пріобрѣтенія полезныя.

По этому и *Курдюкова*, если только она вполнѣ удовлетворяетъ художественнымъ требованіямъ, есть явленіе, достойное вниманія, не какъ шутка, а какъ всякое произведеніе поэзіи. Мы замѣтили, что авторъ остановился съ одной стороны на такой странности, которая была уже предметомъ изслѣдованія нашихъ поэтовъ. Но соединивъ съ нею слабость другую, онъ поставилъ себя въ положеніе очень выгодное, какъ художникъ. По формѣ своей, его сочиненіе входитъ въ разрядъ записокъ путешественника. Планъ ему даетъ сама Курдюкова, которая рѣшилась взглянуть на все любопытное въ Европѣ. Картины разнообразны. Безъ малѣйшаго усилія со стороны художника, онѣ мелькаютъ, смѣняютъ одна другую, завлекаютъ читателя, и такъ поддерживаютъ интересъ книги, что она

читалась бы съ удовольствіемъ, если бы даже была и самая огромная. Въ изданной книгѣ двенадцать картинъ: *Отъѣздъ*, *Любекъ*, *Гамбургъ*, *Дилижансъ*, *Бременъ*, *Оснабрюкъ и Мюнстеръ*, *Колонь*, *Рейнъ*, *Франкфуртъ*, *Мангеймъ*, *Бадъ-Баденъ* и *Шварцвальдъ*. Видно, что это одно начало путешествія Курдюковой. Изъ любопытства послушаемъ разсказъ ея про Бадъ-Баденъ.

Мнѣ осталась отъ Бадъ-Бада
Въ памяти одна досада:
Вовсе не было квартиръ.
Тутъ собрался цѣлый міръ
Изо всѣхъ концевъ Европы:
Адонисы и Езопы,
Богачи и *пролетеръ*,
Омъ д-эта и *милитеръ*,
Адвокаты, депутаты,
Отставные дипломаты,
Отставныя *мажесте*,
Наши Русскія *боте*,
Весь *гранъ жанръ* нашъ Петербургской,
Даже и помѣщикъ Курской
Притащился *сюръ ле лонъ*,
С-этъ энъ раутъ, *с-этъ энъ салонъ*:
Де Франсе лежитимисты,
Де Франсе Бонапартисты,
Де Франсе жюстё милье;
Юнь толпа *де рефюжье*,
Особливо Итальянцевъ,

И вотъ этихъ *дезъ* Испанцевъ,
И *карлистъ* и *кристиносъ*—
Кучей право набралось!
А ужъ Англійскихъ фамилій,
У которыхъ столько *филій*,
И *гарсоновъ*, и *парти*—
Пропасть, Господи прости!
Гонорабель мистрисъ Голи,
Котинкотъ, сиръ Франциcъ Ноли,
Коксъ, и Джонсъ, и Бирлингтонъ
Задаютъ ужасный тонъ,
Носъ высоко поднимаютъ.
Всѣхъ ихъ лордами считаютъ,
А быть можетъ, что иной
Просто въ Лондонѣ портной
Иль сапожникъ. Одна дама
Это все отродье Хама
Назвала *анъ бидинанъ*
Ле милордъ дю континанъ.
Не узнать ихъ здѣсь по справкамъ;
Тамъ опять они по лавкамъ,
За иголкой, съ утюгомъ,
И какъ будто бы ни въ чемъ.

По ихъ милости постели
Не нашла нигдѣ въ *отели* —
И рѣшилась въ ту же ночь
Изъ Бадъ Бадена я прочь.
Но взглянуть бы на Бадъ-Баденъ!
Не уже ль *пуръ ди маладенъ*
Наполняютъ такъ его?

Нѣтъ! У многихъ ничего
Никогда и не болѣло;
Но имъ дома надоѣло:
Захотѣли погулять,
Межъ людьми пощеголять,
Покормить *мадамъ* рулетку,
Или модную кокетку
Проводить сюда къ водамъ,
Какъ законную *мадамъ*,
Дальше отъ супружьихъ взоровъ.
А у многихъ *матадоровъ*
И иное въ головѣ:
Потранжирить *же м-ан-ве*;
Дескать будто бъ не отставленъ,
Будто мной *комплотъ* составленъ
Вновь войти *данъ лезъ аферъ*,
Портфейль и *министеръ*.

Точно, сколько ни гуляла,
Я больнаго не встрѣчала;
Всякой въ струночку одѣтъ:
Шпоры, хлыстикъ и лорнетъ
Кавалеровъ украшаютъ;
Дамы съ перьями гуляютъ,
Въ блондахъ, въ локонахъ, *де шаль*.
И вотъ этаго мораль:
Что не доктора, не воды,
Но одно влеченье моды
Всѣмъ въ Бабъ-Баденъ кажетъ путь,
Хоть бы лопнуть, да блеснуть!

Садъ чудесный, и музыка,
И рулетъ, и политика,
И кокетство: всѣмъ сестрамъ
Здѣсь найдется по серьгамъ.

Не будемъ приводить болѣе выписокъ изъ *Курдюковой*. То, что представили мы читателямъ нашимъ, уже довольно выказываетъ характеристическія черты этаго провинціальнаго Русскаго лица. Вся мелочь избалованной барыни, все невѣжество женщины, не живавшей между порядочными людьми, вся спѣсь помѣщицы, грубой ея языкъ и глупыя Французскія украшенія, которыми она пестритъ свою рѣчь — все это схвачено мастерски и ведено вѣрно. Мы только не желали бы встрѣчать отступленія отъ метра, избраннаго авторомъ. Конечно въ устахъ Курдюковой чѣмъ чаще стихи бываютъ испорчены, тѣмъ они законнѣе принадлежатъ ей; но для сильнѣйшаго впечатлѣнія остроумныхъ и забавныхъ мыслей, замѣчаній и поговорокъ въ памяти и воображеніи читателей необходимѣе былъ бы стихъ правильный по метру. Тонъ и слогъ принадлежатъ Курдюковой и характеризируютъ ее, а метръ есть принадлежность искуства и не можетъ противорѣчить основнымъ его законамъ. Другое замѣчаніе наше относиться будетъ къ тѣмъ прелестнымъ чертамъ нѣкоторыхъ характеровъ людей, нѣкоторыхъ картинъ и вообще всего, что восхищало въ путешествіи лично автора: не напрасно ли онъ ихъ уступилъ Курдюковой? въ минуты этихъ заим-

ствованій не перестаетъ ли она быть интересною въ томъ видѣ, въ какомъ должна оставаться Курдюкова? не наводитъ ли это на поэму какаго-то ошибочнаго цвѣту?

III.

Переходимъ къ новости, которая должна возбудить большое вниманіе. Въ Гельсингфорсѣ напечатанъ и скоро здѣсь явится переводъ знаменитой поэмы *Тегнѣра*: Фритіофъ, Скандинавскій богатырь. Въ XXI т. Современника помѣщена была біографія Тегнѣра, написанная Францёномъ. Соотечественникъ нашъ, Я. К. Гротъ, воспитанникъ Царскосельскаго Лицея, одаренный отъ природы удивительною способностію къ изученію языковъ, посвятившій себя исторіи, языкамъ, древностямъ и этнографіи Скандинавскаго Сѣвера, литераторъ Русской, пріобрѣтшій уже столько всеобщаго уваженія разысканіями своими касательно народной поэзіи Финновъ, нынѣ назначенный Правительствомъ въ ординарные профессоры по части Исторіи Россіи и ея Литературы при Императорскомъ Александровскомъ Университетѣ въ Гельсингфорсѣ, Гротъ украсилъ нашу литературу прекраснымъ переводомъ *Фритіофа*. Странно, что до сихъ поръ мы такъ мало сближались съ нашими сосѣдами. Еще страннѣе, что и объ умственной дѣятельности Финляндіи мы почти ничего не знали. Между-тѣмъ это прекрасный новый міръ. Можно пред-

сказать, что появленіе Фритіофа въ Русскомъ переводѣ произведетъ въ движеніи нашей литературы замѣчательный оборотъ. Красоты поэзіи, которая на насъ естественно сильнѣе подѣйствуетъ, нежели поэзія юга или востока; характеръ и планъ поэмы, ничего почти не имѣющей общаго съ классическими пьесами; въ каждой пѣсни новый метръ, выражающій собою настроеніе разсказа—однимъ словомъ: въ каждомъ отношеніи совершенная новость повлечетъ за собою и подражателей, которые до всего желаютъ достигнуть легко, и изслѣдователей, которые своими разысканіями придадутъ еще болѣе занимательности труду Грота. Впрочемъ, что касается до послѣдняго обстоятельства, переводчикъ, какъ намъ показалось, не оставилъ безъ объясненія ни однаго вопроса, который могъ бы родиться при чтеніи *Фритіофа*. Передъ поэмою напечатаны *Письма* Грота къ А. О. И---вой (числомъ одиннадцать) вмѣсто предисловія. Здѣсь Скандинавская мѳологія, древности края, жизнь и обыкновенія народа изложены занимательно, ясно и живо. Чтобы облегчить изученіе всѣхъ этихъ предметовъ, при концѣ Писемъ напечатана алфавитная таблица, по которой безъ малѣйшаго замѣшательства можно въ Письмахъ отыскать снова лице, тамъ объясненное. За симъ еще помѣщена алфавитная таблица: это герои, упоминающіеся и дѣйствующіе въ поэмѣ. Вполнѣ сохраняя достоинство и характеръ историческаго творенія, *Фритіофъ* требовалъ указаній точныхъ на самыя мѣста, на должности, на множество

особенностей эпохи. Все это здѣсь объяснено. Теперь идетъ самая поэма въ *двадцати четырехъ* разсказахъ, картинахъ, или отдѣлахъ. Русской переводъ вполнѣ выражаетъ характеръ подлинника, не только относительно высшихъ красотъ поэзіи, но даже самыхъ метровъ. Сожалѣемъ, что, до прибытія всѣхъ экземпляровъ изъ Гельсингфорса въ Петербургъ, мы не имѣемъ права украсить эти страницы выписками изъ *Фритіофа*. Читатели наши почувствовали бы, что отъ этихъ стиховъ, исполненныхъ жизни, движенія, простоты и важности, вѣетъ прелестію сѣвернаго лучшаго дня, свѣжестію звѣздной блестящей ночи, и свѣтитъ розовыми огнями сѣвернаго сіянія. Послѣ поэмы напечатано письмо Тегнёра о *Фритіофѣ*. Этотъ любопытный отрывокъ можно принять за драгоцѣнную главу для біографіи автора. Наконецъ переводчикъ, чтобы предупредить читателя во всѣхъ отношеніяхъ, собралъ для него въ системѣ: a) на какіе языки, когда, кѣмъ, вполнѣ или по-частямъ, переведенъ былъ *Фритіофъ*; b) какіе стихи изъ него и кѣмъ были положены на музыку; c) какія мѣста изъ него и гдѣ сдѣлались предметами гравюръ. Вотъ, какъ переводчикъ внимателенъ былъ къ своему труду. Форматъ изданія малая осьмушка; всего въ книгѣ 208 страницъ. Гельсингфорская типографія, печатавшая переводъ Фритіофа, нарочно для сего выписала изъ Петербурга отъ Ревильона лучшія Русскія литеры.

Конечно нельзя безъ удовольствія говорить о такомъ пріятномъ явленіи въ литературѣ. Но радуетъ насъ преимущественно мысль, что наступаетъ пора другихъ впечатлѣній, другихъ идей. Мы столько лѣтъ не выходили изъ-подъ вліянія сперва Французовъ, а потомъ Нѣмцевъ, что разширеніе дѣятельности вкуса, особенно созерцаніе художественныхъ произведеній, ближайшихъ къ нашей природѣ и жизни, должно благотворно отозваться на всемъ, что входитъ въ изящную литературу.

IV.

Повѣсти Графа В. А. Соллогуба, которыя назвалъ онъ: *На сонъ грядущій—Отрывки изъ вседневной жизни*, замѣчательное и (какъ первый опытъ молодаго писателя) любопытное явленіе въ современной нашей литературѣ. Хорошія повѣсти едва ли не самый трудный родъ сочиненій, не смотря на то, что теперь всѣ почти начинаютъ съ него. Для повѣсти умной и занимательной надобно соединить всю прелесть поэзіи съ обдуманностію прозы. Вводите ли вы въ положеніе и страсть какаго-нибудь лица: надобно вамъ развивать черты и другія особенности не по системѣ метафизика или натуралиста, а въ свободномъ одушевленіи художника, оттѣняя ихъ, группируя и размѣщая въ перспективѣ. Для самыхъ трудныхъ требованій чувства и вкуса никто вамъ не въ состояніи набросать даже приблизительныхъ намековъ, не только опредѣлительныхъ правилъ. Въ то же время, ко-

гда съ этой стороны все предоставлено внутреннему, врожденному, такъ сказать, чутью вашему, съ другой васъ преслѣдуютъ математическими, самыми холодными запросами — и если вы со всею отчетливостію не рѣшите ихъ, сочиненіе ваше по-справедливости подвергается осужденію. Докажите, что у васъ есть самый занимательный, даже совсѣмъ новый планъ; что герои ваши не говорятъ ни однаго слова, не дѣлаютъ ни однаго шага безъ вашей предусмотрительности; что они скрываются или выходятъ, забавляютъ насъ или сердятъ въ слѣдствіе неотвратимыхъ обстоятельствъ жизни, вами созданныхъ, но никѣмъ не предугадываемыхъ.

Въ этомъ еще наименьшее затрудненіе. Нѣкоторое душевное участіе въ созданіи, нѣсколько опытности въ управленіи внѣшними пружинами приблизятъ васъ къ цѣли. Но самому отрѣшиться отъ всего, что за другихъ говоришь, что чувствуешь за нихъ, чѣмъ живешь для нихъ—вотъ задача труднѣйшая. Всѣ требованія, налагаемыя искуствомъ на драматическаго писателя, и здѣсь законны. Драматическая часть повѣсти почти безпрестанно выходитъ передъ наблюдательное око читателя. Въ ней тайна удивительныхъ успѣховъ великаго повѣствователя. Другія формы утомительны, безжизненны. Да и для нихъ (на прим. для чистыхъ разсказовъ, или описаній) какой надобно заготовить запасъ знаній; какою надобно обладать проницательностію; какое обиліе должно быть въ краскахъ!

Отъ общаго перейдемъ къ частностямъ. Вы избираете для повѣсти одну эпоху, опредѣленное мѣсто и лица, къ нимъ прикованныя уже или историческимъ событіемъ, или неизмѣнными, каждому извѣстными нравами. Тутъ отъ вашихъ идеаловъ потребуютъ дѣйствительной жизни, жизни, которая не нами создается, а только воплощается, или, вѣрнѣе сказать, возсоздается. Какая осмотрительность, какая отчетливость, какая истина должна являться въ самыхъ легкихъ очеркахъ вашего труда!

Указавъ нѣсколько сторонъ, представляющихъ сочинителю повѣстей поприще, столько же соблазнительное для славной побѣды, сколько и разочаровывающее безчисленностію усилій, не будемъ останавливаться на безконечномъ вычисленіи разныхъ видовъ повѣстей, которыя снова потребовали бы особенныхъ правилъ. Оживимъ наши соображенія нѣкоторыми сценами изъ прекраснаго сочиненія Графа Соллогуба. Въ повѣсти: *Большой свѣтъ* есть лице Наденька. Войдемъ въ ея комнату и послушаемъ разговоровъ ея съ нянюшкой.

«Представьте себѣ теперь комнатку Наденьки, комнатку маленькую, о двухъ окошкахъ съ бѣлыми занавѣсками. Въ углу нѣсколько куколъ подлѣ толстыхъ лексиконовъ; у стѣнки столикъ съ тетрадями и маленькимъ альбомомъ. Рядомъ ширмы и зеркало, а за ширмами кровать.

«Не правда ли: въ этой комнаткѣ вѣетъ какой-то душевной прохладой? Въ ней, кажется, воздухъ чище, свѣтъ свѣтлѣе. Все носитъ въ ней отпечатокъ такихъ свѣжихъ, непорочныхъ впечатлѣній...

«На креслахъ сидѣла Наденька и задумчиво перебирала изсохшіе цвѣты, высушенные ею въ Русской Грамматикѣ Греча.

«У дверей стояла старушка Савишна, съ повязаннымъ на головѣ платкомъ, и молча глядѣла на задумчивое личико своей барышни.

«Дѣвочка къ ней обернулась.

«Что, нянюшка?

«Ничего, сударыня... такъ... поглядѣть пришла на васъ. Мадамъ-то видно въ-гости уѣхала. Да какое имъ другое дѣло, нанятымъ, прости ихъ Господи, какъ только-что по гостямъ рыскать? А о томъ не подумаетъ, что васъ однѣхъ оставляетъ. Хороши онѣ всѣ... Пришла понавѣдать васъ, сударыня, не нужно ли чего?..

«Мнѣ скучно!.. сказала дѣвочка и грустно взглянула на старуху.

«То-то, родная моя... А мнѣ-то каково? Жила-себѣ вѣкъ въ деревнѣ, съ своими, по-своему, и вотъ на старости лѣтъ перетащили меня старуху неразумную въ Питеръ, въ знатный домъ, гдѣ все на иностранный ладъ, и людп-то все иностранцы. Да еще по Нѣмецки меня хотѣли нарядить. Видно и къ лѣтамъ-то нѣтъ почтенія никакаго. Статочное ли это дѣло?.. Намедни еще графинины горничныя такъ и пристаютъ, чтобъ я чепчикъ надѣла. Нѣтъ, ужъ какъ имъ угодно, а этакаго стыда я на себѣ не допущу.

«Въ деревнѣ было лучше! сказала дѣвочка.

«Какъ не лучше, сударыня! То ли дѣло? Тамъ все свое. Была бы охота, а работы вдоволь; скуки не узнаешь. И въ амбаръ-то, и на птичникъ, и на кухню, и рыжики-то солить, и варенье-то варить, и наливки-то настаивать... Что и говорить!.. Въ деревнѣ... тамъ житье; а здѣсь сидишь-себѣ, сложивши руки, какъ негодная какая, да хлѣбъ только даромъ ѣшь.

«Въ деревнѣ было лучше, думала Наденька: въ деревнѣ можно было бѣгать безъ позволенія гувернантки. Въ деревнѣ весной распускались деревья. Въ деревнѣ было весело и свободно. Въ деревнѣ былъ свой маленькій садикъ, свои цвѣты; была своя ло-

шадь, была своя коричневая корова.—Няня, ты помнишь мою коричневую корову?..

«Какъ, сударыня, не помнить? съ бѣлыми пятнами... Чай присмотра за нею теперь нѣтъ никакого. И въ домѣ-то, я думаю, все повытаскали да поломали. Да что и говорить! Все пошло вверхъ дномъ съ тѣхъ поръ, какъ скончалась матушка-барыня, дай Богъ ей царство небесное и жизнь вѣчную!

«Нянюшка вздохнула и перекрестилась. Дѣвочка не отвѣчала ничего: на глазахъ ея навернулись слезы.

«Ну, и было всегда съ кѣмъ слово молвить, продолжала нянька, не такъ какъ здѣсь съ этими лакеями, что въ позументахъ ходятъ, да о театрахъ толкуютъ. Пойдешь, бывало, къ пономарихѣ, или къ дьячихѣ побесѣдовать: дьячиха-то такая веселая—не видишь, какъ время проходитъ; а потомъ, въ праздникъ, поѣдешь въ-гости къ сосѣдямъ, вотъ хоть къ Ѳоминишнѣ, что у Свербиной въ ключницахъ. Сидишь-себѣ да разговариваешь; иной разъ и сама старая барыня выйдетъ. А! Савишна! здорово, мать моя! —Здравствуйте, матушка Настасья Александровна!— А что, Савишна, всѣ ли у васъ здоровы?—Слава Богу, матушка Настасья Александровна. Ну, смотрите жъ: напойте Савишну чаемъ. Она у меня гостья.—Много

довольны, матушка Настасья Александровна, благодарим покорно за ласковое слово. — Вотъ барыня, такъ барыня, не такъ, какъ здѣшнія, прости Господи! Русская барыня, набожная, нами бѣдными людьми не брезгуетъ. Дай Богъ ей много лѣтъ здравствовать.

«Наденька задумчиво перебирала пзсохшіе цвѣты. Передъ нею тоже развивалась картина прошедшей деревенской жизни.

«Тамъ, на берегу рѣки, передъ густой рощей, сѣренькій домикъ съ земными ставнями... Въ томъ домикѣ началась ея жизнь. Маленькая, помнила она, что у нея была старшая сестра, и что всѣ говорили, что сестра ея красавица, и что точно она была красавица. Потомъ помнила она, что много къ нимъ ѣздило военныхъ офицеровъ, но одинъ чаще всѣхъ. Вдругъ пріѣхалъ какой-то господинъ въ каретѣ. Сестра ея три дня плакала. Офицеръ сердился и кричалъ, а потомъ уѣхалъ и не возвращался болѣе. Послѣ церковь была освѣщена. Господинъ сталъ съ сестрой передъ налоемъ. Ей сказали, что это свадьба. Потомъ сестра сѣла съ господиномъ въ карету и уѣхала, и съ тѣхъ поръ осталась она одна съ матерью своей, и жизнь ихъ была тихая. Ѣзжали онѣ иногда къ Свербиной по сосѣдству, а больше оставались дома; и были у нея свои овечки, своя лошадка, своя коричневая коровка съ бѣлыми пят-

нами, и былъ у нея свѣжій воздухъ, и сельская свобода, и жила она жизнію полей.

«И минуло ей двенадцать лѣтъ. О, это она живо помнила! На дворѣ была осень. Снѣгъ билъ хлопьями объ тусклыя окна. Было грустно вездѣ. Мать ея сдѣлалась больна... Погода сдѣлалась хуже... Мать ея слегла въ постель. Долго ходила она за нею, долго подавала она ей лекарства, и не спала ночи у ея изголовья... Зима наступила; такой ужасной зимы она не видывала... Мать подозвала ее къ себѣ, положила ей на голову изхудалую руку, благословила и начала дышать тяжело. Потомъ занавѣсили въ комнатѣ зеркало, поставили среди комнаты столъ, на столъ положили ея заснувшую мать бездвижную и холодную. Пришелъ священникъ въ черной рясѣ. Положили мертвую въ гробъ, и унесли ее, и положили въ землю — и въ сѣренькомъ домикѣ осталась дѣвочка одна одинехонька съ нянькой Савишной, которая повязала голову чернымъ платкомъ, и каждый день ходила съ дѣвочкой въ церковь молиться и плакать надъ свѣжей могилой.

«При этой мысли Наденька взглянула съ невыразимымъ чувствомъ дѣтской любви на старую няньку.

«Ты меня не оставила, няня! сказала она; ты пріѣхала со мной въ Петербургъ, когда сестра меня

къ себѣ вытребовала. Ты не хотѣла со мной разстаться!

«Что ты, что ты, сударыня?.. грѣхъ какой! Покойница меня даромъ что ли жаловала? Что я, неблагодарная развѣ какая? Нѣтъ, какъ мнѣ подъчасъ и не приходится скорбно, а все-таки отъ тебя, мое красное солнышко, ни на шагъ не отстану.

«И начто промѣняла я свою прежнюю жизнь! думала Наденька. На душную комнату, гдѣ окошки занавѣшены, гдѣ нѣтъ мнѣ простора. Едва лѣтомъ, на дачѣ, могу подышать свободно и весело, да и тутъ мѣшаетъ мнѣ теперь *madame Pointue*; все ходитъ за мной да говоритъ: *Держитесь прямо! Не смѣйтесь. Не говорите громко. Не ходите скоро. Не ходите тихо. Опускайте глаза.* Да къ чему это?.. Хоть бы поскорѣе быть совсѣмъ большой! Когда я буду большая, сестра мнѣ говорила, что я съ нею буду ѣздить въ большой свѣтъ. Тамъ должно быть очень весело—ужъ вѣрно весело, потому что сестра каждый день туда ѣздитъ! Буду и въ театрѣ, буду на балахъ, буду танцовать съ военными кавалерами. А хотѣла бы я знать, о чемъ говорятъ они, когда танцуютъ?.. Вѣрно все о любопытномъ... Няня! дома сестра?

«Кажись, дома, сударыня: въ колокольчикъ ударяли; ни что, видно гость какой наверху

«Наденькѣ запрещено было ходить къ сестрѣ, когда были гости, но ей такъ на одномъ мѣстѣ соскучилось!.. *Madame Pointue* не было дома. Лицо ея развеселилось—и легкая какъ птичка, она выпорхнула изъ комнаты.»

Если молодой авторъ, начиная свое поприще, уже такъ вѣрно постигаетъ первыя совершенства разсказа и разговора — безыскуственность выраженій, смѣлую подвижность предметовъ, своеобразіе идей и мнѣній дѣйствующихъ лицъ, отстраненіе всего, чуждаго ихъ духу и настроенію; если авторъ уже теперь умѣлъ высвободить себя изъ-подъ тяжести современнаго слога, преобладающаго и у насъ и у другихъ Европейскихъ народовъ: то можно до нѣкоторой степени опредѣлить, какъ счастливо и какъ надежно будетъ развиваться и совершенствоваться его талантъ! Мы убѣждены, что онъ, оставаясь неизмѣнно при нынѣшнемъ своемъ направленіи, въ состояніи будетъ изъ себя образовать писателя, столько же замѣчательнаго въ Россіи, какъ и въ Европѣ.

Всѣхъ повѣстей Графа Соллогуба пять; онѣ называются: *Три жениха*, *Два студента*, *Серёжа*, *Исторія двухъ калошъ* и *Большой свѣтъ*. Не всѣ онѣ равнаго достоинства по объему и занимательности сценъ; но въ нихъ есть сторона, съ которой онѣ всѣ представляются наблюдателю равно любопытными и —какъ художественное произведеніе—равно совершен-

ными: авторъ не теряется въ исчисленіи подробностей, не перемѣшиваетъ существеннаго съ мечтательнымъ, не вымышляетъ противорѣчащаго жизни, оставаясь въ ея очаровательной сферѣ. Его талантъ воспользовался тѣмъ, что сама жизнь ему доставила. Можетъ быть, и чаще встрѣчалось бы въ нашей литературѣ это согласіе жизни съ созданіями фантазіи, необходимое условіе для успѣха каждаго писателя, если бы всѣ могли и умѣли изучать собственными ощущеніями то, чего нерѣдко сочинители должны доискиваться или въ книгахъ, или въ своихъ вымыслахъ.

V.

Сказанія Русскаго народа, собранныя И. Сахаровымъ. Томъ первый. Вотъ предпріятіе, котораго исполненіемъ могла бы заслужить всеобщую признательность и справедливую славу какая-нибудь Академія, предпріятіе почти на цѣлую жизнь частнаго человѣка. Въ изданномъ теперь томѣ, который напечатанъ въ большую осьмушку мелкимъ шрифтомъ въ два столбца, содержится до 600 стран. Г. Сахаровъ приложилъ къ нему программу, изъ которой видно, что онъ такихъ томовъ напечатаетъ еще шесть. Сколько трудолюбія, терпѣнія, времени и разнообразія познаній надобно имѣть, чтобы обнять и привести въ исполненіе мысль такаго предпріятія! Семь томовъ *Сказаній Русскаго народа* подраздѣлены

издателемъ, соотвѣтственно содержанію, на тридцать книгъ. Это библіотека народной литературы, т. е. полной жизни народа. Здѣсь чистые, драгоцѣнные источники народности Русской. Поэты и художники до сихъ поръ нуждались въ краскахъ и типахъ самобытной старинной жизни нашей: здѣсь ихъ воображенію предстанутъ въ полномъ свѣтѣ фигуры, картины, группы, цѣлыя галлереи изъ каждаго періода Русской исторіи. Чтобы читатели наши могли составить какое-нибудь понятіе о важности труда Г. Сахарова, мы приведемъ заглавія книгъ, имъ издаваемыхъ: 1. Русская народная литература. 2. Очерки семейной Русской жизни. 3. Русскія народныя пѣсни. 4. Памятники древней Русской литературы. 5. Старые словари Русскаго языка. 6. Русскія народныя свадьбы. 7. Русская народная годовщина. 8. Путешествія Русскихъ людей. 9. Русская народная демонологія. 10. Словари Русскихъ областныхъ наръчій. 11. Русскія народныя охоты. 12. Сказанія о Русскомъ народномъ врачеваніи. 13. Русская народная символика. 14. Лѣтопись Русской библіографіи. 15. Русскія народныя повѣрья и примѣты. 16. Русскія народныя пословицы. 17. Лѣтопись древнихъ искуствъ и художествъ. 18. Лѣтопись Славяно-Русскихъ типографій. 19. Лѣтопись Русской литературы. 20. Русскія народныя сказки. 21. Записки Русскихъ людей. 22. Обозрѣніе древняго Русскаго права. 23. Обозрѣніе Русскихъ гербовъ и печатей. 24. Русскія народныя одежды.

25. Родословная книга Русскихъ дворянскихъ родовъ. 26. Лѣтопись Русской нумизматики. 27. Образцы Великорусскихъ, Бѣлорусскихъ и Малорусскихъ нарѣчій. 28. Славянорусская миѳологія. 29. Русскіе разрядные списки. 30. Приложенія и указатели.

По частямъ нѣкоторые изъ означенныхъ матеріаловъ давно изданы. Иные изъ нихъ и самъ Г. Сахаровъ напечаталъ отдѣльными книжками. Но и то будетъ съ его стороны неоцѣненною заслугою для отечественной исторіи, если онъ изъ разбросанныхъ пособій составитъ систематической сборникъ, дополнитъ его плодами собственныхъ пріобрѣтеній и разысканій—и укажетъ путь, по которому надобно итти, чтобы нѣкогда образовать всестороннюю исторію Россіи. Просматривая одни заглавія книгъ его, начинаешь постигать всю важность, всю великость идеи Литературы. Она одна возсоздаетъ для потомства исчезнувшую жизнь предковъ. Тамъ не можетъ быть истинной исторіи, гдѣ первоначально по частямъ не обработали, не изучили, не привели въ точныя и положительныя истины всѣхъ отраслей литературы.

VI.

Въ числѣ современныхъ новостей Русской литературы намъ встрѣтились три тетради, на которыхъ напечатано слѣдующее заглавіе: *Портретная и біогра-*

фическая галлерея словесности, наукъ, художествъ и искуствъ въ Россіи. При изданіяхъ этаго рода невольно раждается вопросъ: біографіи ли вызвали художника заняться портретами, или для заготовленныхъ портретовъ приступлено было къ составленію біографій? Отъ рѣшенія вопроса зависитъ степень взыскательности литературной критики. Ежели по изданнымъ шести біографіямъ позволено уже составить заключеніе, то мы готовы литературную часть въ Галлереѣ не подвергать разбору наравнѣ съ другими произведеніями словесности, считая ее случайнымъ дополненіемъ къ предпріятію чисто художническому. Мы къ этому заключенію нѣсколько приготовлены были статьею *Отечественныхъ Записокъ* (*№* 4, 1841), гдѣ указано, какими непростительными ошибками испещрена біографія А. С. Пушкина. Но еще болѣе убѣдились, что біографіи Галлереи приложены къ портретамъ только для нѣкотораго развлеченія глазъ, пробѣжавъ статью о Крыловѣ. Между разными о немъ анекдотами, расказанными невѣрно и потому ничего не доказывающими, вотъ для примѣра одинъ. «Невозможно, напечатано въ Галлереѣ, представить «себѣ человѣка скромнѣе и снисходительнѣе, при «такой колоссальной славѣ, на такой высотѣ лите«ратурнаго величія. Но какъ истинный философъ, «онъ (Крыловъ) цѣнитъ славу въ то, чего она «стоитъ для мудраго, и, *чтобы показать ея практи«ческую безполезность* (NB: есть ли какой-нибудь «смыслъ въ наборѣ этихъ словъ?), онъ послалъ

«однажды въ бумажную лавку, находившуюся про-«тивъ оконъ его квартиры, попросить листа бумаги—«*для Крылова*, предсказавъ напередъ своимъ собесѣд-«никамъ, что за славу люди не дадутъ и листа бу-«маги безъ денегъ; и предсказаніе сбылось.» Что надобно вывести изъ этаго разсказа? Не то ли, что слава даетъ право требовать безъ денегъ вещей, за которыя безъ славы платятъ наличными? И какое понятіе должны бы составить читатели о Крыловѣ, если бы онъ дѣйствительно, считая себя въ правѣ брать чужія вещи безъ денегъ, презиралъ людей единственно за то, что они не хотятъ ему платить *такой справедливой дани за его славу*? Вся эта безсмыслица вышла только отъ того, что сочинитель, не позаботясь узнать дѣла, какъ оно было, замѣняетъ факты своими вымыслами. Анекдотъ о листѣ бумаги вотъ въ чемъ состоитъ: «Однажды Крыловъ зашелъ въ лавку Королева, что была прежде подъ Англійскимъ магазиномъ, полакомиться устрицами, до которыхъ онъ большой охотникъ. Тамъ было много разныхъ посѣтителей, и между прочими одинъ весьма извѣстный вельможа. Расплачиваясь за устрицы, этотъ господинъ спросилъ у лавочника, можетъ ли онъ повѣрить ему на слово, такъ какъ у него денегъ нѣсколько недостало для уплаты, воображая, что его тамъ знаютъ. Купецъ извинялся, что не имѣетъ чести его знать и, обращаясь къ Крылову, прибавилъ: вотъ если угодно поручиться Ивану Андреевичу, то онъ съ удовольствіемъ повѣритъ.

Крыловъ при этомъ спросилъ: а почему же ты меня знаешь? «Помилуйте, Иванъ Андреевичь, отвѣчалъ добродушно лавочникъ, да васъ, я думаю, всякой мальчишка вездѣ знаетъ.» Признаюсь, замѣчаетъ Крыловъ, расказывая объ этомъ, моему самолюбію польстилъ отвѣтъ купца. Возвращаясь домой, онъ зашелъ въ лавку Гостиннаго двора противъ своей квартиры, чтобы взять листокъ нотной бумаги. За деньгами, сказалъ онъ въ полной увѣренности, что и здѣсь его знаютъ, пришлите ко мнѣ: вѣдь вы меня знаете; я Крыловъ, и живу насупротивъ лавки вашей. «Да какъ намъ всѣхъ людей знать, отвѣчалъ купецъ; здѣсь, сударь, много живетъ народу » Тутъ, замѣчаетъ Крыловъ, моему самолюбію данъ былъ прекрасный урокъ: нѣтъ извѣстности совершенной.» Если Галлерея будетъ всѣ анекдоты о великихъ людяхъ сочинять по образцу приведеннаго нами изъ нея, можно вообразить, каковы выйдутъ литературные ея портреты!

VII.

Съ начала нынѣшняго года въ Москвѣ издается профессоромъ М. П. Погодинымъ журналъ, подъ названіемъ: *Москвитянинъ*. Вышедшіе уже четыре *№№* его вполнѣ оправдываютъ ожиданія всѣхъ, знающихъ трудолюбіе и свѣдѣнія Издателя. Въ характерѣ Москвитянина столько занимательности, благородства и мѣткости, что нельзя не радоваться его появленію.

Разысканія по части отечественной исторіи, извѣстія о состояніи учености въ Европѣ и особенно критика современныхъ Русскихъ сочиненій приносятъ видимую и несомнѣнную пользу нашей литературѣ. Между сотрудниками Издателя является чаще другихъ профессоръ С. П. Шевыревъ. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи, чтобы не познакомить нашихъ читателей съ его критическимъ взглядомъ.

«Двоякимъ образомъ, говоритъ онъ, можно разсматривать произведенія изящной Словесности по тѣмъ двумъ сторонамъ, которыя каждое изъ нихъ въ себѣ заключаетъ. Одною изъ этихъ сторонъ обращается оно къ жизни современной, и служитъ ей отраженіемъ. Для публики это—сторона самая любопытная, самая занимательная. Чѣмъ произведеніе выше, тѣмъ болѣе оно имѣетъ точекъ соприкосновенія съ текущею жизнію. Только одни бездушныя, безцвѣтныя созданія Словесности лишены этаго внутренняго біенія жизни, по которому иногда дальновидный критикъ можетъ проникать въ тайны общественнаго пульса. Есть произведенія, которыя своимъ содержаніемъ прямо взяты изъ жизни намъ современной: любопытно и поучительно свѣрять ихъ съ дѣйствительностію, и выбирать изъ нихъ то, что относится къ настоящему. Есть другія, которыхъ содержаніе принадлежитъ инымъ столѣтіямъ, инымъ народамъ, или воображенію самаго автора: какъ бы то ни было — а для того, чтобы дѣйствовать на современную публику, они должны

имѣть что-нибудь отвѣчающее на ея потребность; должны имѣть какую-нибудь связь, съ перваго раза незамѣтную, съ современными читателями. Весьма важенъ бываетъ вопросъ о томъ, какъ вѣрно передаютъ они тотъ вѣкъ или народъ, который изображаютъ; но не менѣе важенъ и гораздо болѣе затруднителенъ другой, касающійся современныхъ отношеній между произведеніемъ и публикою. Мы вмѣнимъ себѣ въ особенную обязанность подмѣчать движеніе общественной жизни въ нашей Словесности, безъ чего конечно никакая Словесность существовать не можетъ. Мы употребимъ всѣ усилія, необходимыя для разрѣшенія вопроса жизненнаго: въ какой степени Словесность наша отражаетъ жизнь нашего общества? въ какой степени можетъ она служить зеркаломъ Русскаго быта со всѣмъ его безконечнымъ разнообразіемъ? что беретъ она у жизни и что отдаетъ ей? какими вопросами съ нею связана? Разрѣшеніе всего этаго можетъ привести насъ къ нѣкоторому сознанію настоящей минуты нашего отечественнаго быта, можетъ указать намъ на наши недостатки и достоинства, можетъ опредѣлить наше положеніе въ настоящемъ и надежды на будущее.

«Но кромѣ этой стороны, которою Словесность обращена къ современной жизни, есть въ ней сторона другая, неотъемлемо принадлежащая каждому изъ призванныхъ дѣйствовать на ея поприщѣ. Эту сторону называемъ мы эстетическою или художествен-

ною. Въ ней также можетъ быть видѣнъ, кромѣ личнаго вкуса автора, современный вкусъ читающаго общества. Но въ главной, въ существенной своей стихіи, вся эта сторона исключительно принадлежитъ автору. Въ ней отражаются и творческій его талантъ, и душа его, и характеръ, и образованіе. Произведеніе истиннаго поэта можетъ содержаніемъ своимъ все принадлежать жизни прошедшей или современной такъ, что вы въ состояніи разорвать его по клочкамъ, и возвратить тому міру, откуда оно взято. Но въ глубинѣ этаго произведенія будетъ таиться поэтическая мысль, на которую никто, кромѣ творца ея, не имѣетъ права. Ея тайна кроется въ святилищѣ души его. Обличить эту тайну поэта, проникнуть въ ея источникъ — вотъ самое трудное, самое важное дѣло критики. Эта мысль опредѣлитъ и поэтическую форму произведенія, которая тѣсно сопряжена съ нею.

«Мы вмѣнимъ себѣ въ обязанность, кромѣ исторической критики, какъ можно назвать ту первую, съ которой мы начали, вести и критику эстетическую, тѣмъ болѣе, что ею только можно иногда руководствовать общественный вкусъ и приносить истинную пользу образованію своего народа и отечества. Да не обвинятъ насъ при этомъ въ гордости, въ излишнихъ притязаніяхъ на вліяніе современное! Безъ чувства своего призванія, безъ нѣкоторой увѣренности въ пользѣ, какую можемъ принести, мы конечно и не вышли

бы на то скользкое поприще, на какое выходимъ. Къ тому же занятіе критика, какъ и всякое другое, требуетъ своей опытности. Надобно для этаго жить непрерывно въ атмосферѣ литературной, дышать ея воздухомъ, замѣчать ея явленія и пріучить свой глазъ къ такимъ подробностямъ, которыя ускользаютъ отъ обыкновеннаго наблюдателя.»

Принявши въ основаніе критики своей столь вѣрныя начала, Москвитянинъ можетъ сдѣлаться руководителемъ вкуса и распространителемъ надлежащихъ понятій о словесности. Опыты суда его надъ нѣкоторыми книгами принесли уже истинную пользу. Точныя и краснорѣчиво выраженныя идеи о литературѣ способствуютъ успѣхамъ всѣхъ знаній и наукъ, потому-что *слово* есть единственный и общій представитель мыслящей силы.

*

P. S. Въ XXIII т. Современника представленъ будетъ Разборъ всѣхъ Русскихъ книгъ, появившихся *въ теченіе первой половины* 1841 *года.*

ЛИТЕРАТУРА ФИНЛЯНДІИ.

ТРѢЛКИ ОЛЕНЕЙ, ПОЭМА РУНЕБЕРГА.

Читатели наши знаютъ уже Иліаду Финновъ, Калевалу; но есть еще большая поэма, которая, хотя на Шведскомъ языкѣ, всегда должна стоять рядомъ съ Калевалой, когда рѣчь идетъ объ изученіи поэзіи и нравовъ въ Финляндіи. Я разумѣю «*Стрѣлки оленей* (или вѣрнѣе лосей, Elgskyttarne)», поэму Рунеберга, написанную экзаметрами въ 9-ти пѣсняхъ. Ея происхожденіе (1826—1832) почти современно отысканію Калевалы Ленротомъ. Обѣ послужатъ для потомства блистательнымъ памятникомъ, до какой степени просвѣщеніе, наравнѣ со всѣми другими вѣтвями благосостоянія народнаго, достигнуло въ Финляндіи подъ хранительною сѣнью Русской Державы.

Но, принадлежа Финляндіи по предмету и по творцу своему, «Стрѣлки» составляютъ въ то же время одно изъ первыхъ украшеній нынѣшней Шведской литературы. Сами Шведы единогласно сознаются, что между немногими ихъ поэмами названное нами произведеніе занимаетъ почетное мѣсто. Здѣсь талантъ Рунеберга, какъ живописца природы и простонародной жизни, достигаетъ высшей степени своего развитія. «Стрѣлки» *эпическая идиллія*: вотъ собственно родъ, въ которомъ Рунебергъ всего счастливѣе. *Повѣствованіе* вообще составляетъ блестящую сторону его дарованія *, ибо онъ обладаетъ всѣмъ тѣмъ спокойствіемъ и тою способностью какъ бы отдѣляться отъ самаго себя, какія нужны для совершенства по этой вѣтви искуства. Въ «Стрѣлкахъ» онъ поставилъ себѣ задачею изобразить главныя черты быта и характера Финскихъ поселянъ. Когда онъ принялся за трудъ сей (въ 1826 г.), его согрѣвали — какъ самъ онъ говоритъ въ одномъ письмѣ — воспоминанія о тѣхъ пустынныхъ, но дивныхъ мѣстахъ, о тѣхъ людяхъ съ суровою наружностію, но съ благородною и сильною душой, среди которыхъ онъ провелъ два года передъ тѣмъ. «Если мнѣ удалось, продолжаетъ онъ, придать занимательность иной картинѣ въ «Стрѣлкахъ»; то этимъ обязанъ я единственно интересу подлинника, съ котораго писалъ. Для меня память тѣхъ двухъ

* Онъ написалъ и въ прозѣ нѣсколько превосходныхъ повѣстей, напечатанныхъ въ Листкѣ, который онъ издавалъ за нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

лѣтъ всегда будетъ драгоцѣнна. Происходя самъ отъ Шведовъ, издавна поселившихся въ Остроботніи, я воображалъ, что Финнъ по душѣ таковъ же, какимъ казался мнѣ по наружности, когда по временамъ пріѣзжалъ съ товарами въ нашъ городъ (Якобштадъ). Но какъ перемѣнилось мое мнѣніе о немъ, когда я при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ увидѣлъ, каковъ онъ у себя дома. Патріархальная простота, непоколебимое, мужественное терпѣніе и врожденное ясное понятіе о сокровеннѣйшихъ отношеніяхъ жизни: вотъ свойства, какими онъ поразилъ меня, но которыхъ, къ сожалѣнію, я не умѣлъ вполнѣ передать въ своихъ описаніяхъ. Лучше всего вы узнаете Финна въ его собственныхъ пѣсняхъ.»

Вопреки такому скромному увѣренію, всѣ, коротко знакомые съ Финляндіею, согласны въ томъ, что поэма «Стрѣлки», какъ картина нравовъ, вполнѣ достигаетъ своей цѣли. Но не усомнятся ли нѣкоторые, судя по предмету, въ ея поэтическомъ достоинствѣ? Правда, міръ дѣйствительности, откуда взято ея содержаніе, не высокъ; въ ней нѣтъ ни изображенія сильныхъ страстей, ни развитія глубокихъ характеровъ, ни тѣхъ запутанныхъ отношеній между дѣйствующими лицами и того разнообразія событій, какими можетъ воспользоваться поэтъ, когда изберетъ своихъ героевъ въ другомъ мірѣ; но развѣ и простая, однообразная жизнь поселянъ не имѣетъ своей занимательности для ума наблюдательнаго? Званіе людей

и обстоятельства, ихъ окружающія, суть однѣ случайности; все чисто-человѣческое, неизмѣнное, вѣковое въ нашей двойственной природѣ такъ же точно заслуживаетъ изученія въ поселянинѣ, какъ и въ вельможѣ, въ художникѣ, въ полководцѣ. Вотъ отъ чего вѣрная картина быта крестьянскаго, въ отношеніи къ искуству, можетъ имѣть столько же безусловнаго достоинства, какъ и та, въ которой представлены люди и дѣйствія другаго разряда. Всякій воленъ, по своимъ собственнымъ понятіямъ, предпочитать ту или другую сферу въ области искуства; но никто не имѣетъ права требовать у поэта отчета въ его выборѣ, лишь бы исполненіе было удачно.

Мы сочли нужнымъ напомнить здѣсь эти старыя истины, потому-что нерѣдко слышатся толки, доказывающіе, какъ онѣ, при всей своей ясности, легко забываются.

Подтвердивъ для себя такимъ образомъ несомнѣнное право гражданства идилліи въ царствѣ истинной поэзіи, посмотримъ, какое въ немъ мѣсто занимаютъ «Стрѣлки». Для этаго пойдемъ сперва по слѣдамъ поэта, и потомъ, узнавъ содержаніе цѣлаго, скажемъ нѣсколько словъ о совершенствахъ или недостаткахъ, принадлежащихъ «Стрѣлкамъ.» Къ сожалѣнію, о поэтическихъ красотахъ поэмы невозможно дать понятія переводомъ изъ нея хотя нѣкоторыхъ отрывковъ: по національности ея, онѣ никакъ не могутъ быть со-

хранены на Русскомъ языкѣ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ. Между характерами Финскимъ и Шведскимъ гораздо болѣе родства, нежели между которымъ-либо изъ нихъ и характеромъ Русскимъ. Отъ того Рунебергъ могъ по-Шведски выразить съ большимъ удобствомъ тонъ рѣчей Финскаго крестьянина; но сего нельзя было бы сдѣлать по-Русски. Прибавьте, что въ Финляндіи, какъ странѣ, куда и вѣра и законы и языкъ перешли изъ Швеціи, почти всѣ особенныя черты мѣстности имѣютъ свои соотвѣтствующія названія на Шведскомъ языкѣ, но съ трудомъ могутъ быть переданы на Русскомъ.

Потому, желая ознакомиться съ «Стрѣлками», надобно довольствоваться изложеніемъ ихъ содержанія и развѣ *приблизительнымъ* переводомъ въ прозѣ нѣкоторыхъ мѣстъ поэмы. Пройдемъ же, съ большею или меньшею подробностію, всѣ девять пѣсень ея.

*

1. Между дѣйствующими лицами въ «Стрѣлкахъ», только одно — не крестьянинъ. Это владѣлецъ участка земли или, такъ называемаго по-Шведски, *торпа* (torp), на которомъ живутъ и которымъ пользуются вольные крестьяне, обязанные за то въ извѣстные дни являться въ имѣніе, гдѣ живетъ самъ хозяинъ, для разныхъ работъ, иногда между про-

чимъ и для охоты. Таково обыкновенно бываетъ въ Финляндіи условіе между поселянами и хозяиномъ земли, ими обработываемой. Иногда они платятъ, по взаимному условію, и нѣкоторый оброкъ или исполняютъ какія-нибудь другія повинности. Каждый такой крестьянинъ называется *торпаремъ* (torpare), а владѣлецъ, если онъ занимаетъ какую-нибудь маловажную должность въ сельскомъ управленіи, пользуется именемъ *коммисара*.

Поэму открываетъ картина того, что происходитъ въ избѣ *торпарей* въ зимній вечеръ наканунѣ дня, въ который имъ назначено съ утра собраться на мызѣ *коммисара*, откуда они вмѣстѣ съ нимъ отправятся на ловлю лосей, показывавшихся въ окрестностяхъ. «Въ торпѣ только-что отужинали. На широкомъ столѣ еще видны были куски плоскаго сухаго хлѣба, разбросанные около ведра съ кальей (kalja — напитокъ, похожій на Русскій квасъ); а въ деревянныхъ чашкахъ лежалъ картофель съ корюшкой. Въ избѣ было тепло; съ очага трескучее пламя разливало отрадный жаръ, застилая крышу облаками дыма, изъ-за которыхъ едва-едва мелькали сохнувшія на стропилахъ лучины и сани. Но дымъ оставался вверху, и горѣвшая подъ нимъ лучина освѣщала поздніе работы поселянъ. Хозяйка Анна стлала себѣ и мужу постель, дочка ихъ чистила у стѣны закоптѣлый горшокъ, напѣвая въ полголоса пѣсню, а сынъ поспѣшно набиралъ въ корыто сѣчки, смѣшанной съ

мукою, для двухъ лошадей, которыя, стуча копытами, стояли у двери».

Самъ же хозяинъ, торпарь Петръ, всталъ со скамьи, на которой сидѣлъ въ сладкой дремотѣ. Проработавъ цѣлый день, онъ бы теперь охотно легъ спать, но надобно было готовиться къ завтрашней охотѣ и привести ружье въ исправность. Между-тѣмъ, какъ онъ разговариваетъ съ своею «велерѣчивою» Анной, вдругъ раздается съ дороги звонъ колокольчиковъ (бубенчиковъ, которые въ Финляндіи не только на дорогахъ, но и въ городахъ очень употребительны; изъ нихъ обыкновенно составляютъ цѣлую связку, прикрѣпляемую къ верхней части хомута). Прислушиваются, встаютъ, отворяютъ волоковое окно и смотрятъ: въ ту же минуту кто-то на лихомъ конѣ взъѣхалъ на дворъ. То былъ гость изъ округа Куру, удалой Матвѣй, братъ Анны. Это одно изъ главныхъ лицъ поэмы, красивый собой и богатый вдовецъ. Его богатство видно уже и въ шумномъ пріѣздѣ его и въ мѣховой одеждѣ, которая послѣ описывается. Зажиточные крестьяне въ Финляндіи любятъ показывать свою достаточность, и въ торжественные случаи умѣютъ щегольнуть одеждой и экипажемъ. Особливо замѣтно это, когда они по праздникамъ отправляются въ церковь: тогда такаго поселянина легко принять за помѣщика.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій Анна попросила брата сѣсть за столъ на почетномъ мѣстѣ, «тамъ, гдѣ одна лавка сходится угломъ съ другою». Онъ сѣлъ, закурилъ трубку, обитую мѣдью, и задымился табакъ, который самъ онъ и садилъ и рѣзалъ. Въ то же время онъ весело отвѣчалъ на всѣ вопросы сестры о дѣтяхъ его и о богатой мызѣ въ Куру.

Когда гостя накормили, Анна сказала ему: «Трудно мущинѣ смотрѣть одному и за домомъ и за дѣлами своими, особливо, когда онъ богатъ какъ ты. Не видимъ ли часто, что и сильный конь устаетъ, подымаясь въ гору съ тяжелою повозкой? Но когда вожатый идетъ возлѣ оглобли и помогаетъ, произнося ласковыя слова, тогда оба подвигаются быстрѣе; такъ-то и мужу меньше заботы, когда съ нимъ вмѣстѣ идетъ вѣрная жена, раздѣляя труды его».

Матвѣй и самъ сознается, что ему необходимо вновь пріискать себѣ хозяйку, но жалуется на трудность выбора, и не знаетъ, предпочесть ли ему старую, но степенную подругу, или молодую и вѣтреную. «Такъ, отвѣчала Анна, мущина всегда любитъ расчитывать и соображать. Прежде нежели онъ предприметъ что-нибудь, онъ думастъ, думаетъ, и, пугаясь вымышленныхъ опасностей, часто выпускаетъ изъ рукъ свою собственную пользу. Не все, что молодо, то и непостоянно; не все то постоянно, что давно наслаждается жизнію. Разнообразна богатая природа

въ произведеніяхъ земли, разнообразна она также и въ нравахъ и мысляхъ человѣческихъ. Спокойно и неподвижно стоитъ на берегу вешній цвѣтокъ, а столѣтній ручей рѣзво скачетъ мимо его и наполняетъ шумомъ окрестность. Возьми, Матвѣй, дѣвушку, и возьми ту, которую я сейчасъ предложу тебѣ. Дорожишь ли ты молодостью — ей, другъ мой, восемнадцать лѣтъ; дорожишь ли тѣлесною красотою и прелестью румяныхъ щекъ — нигдѣ не сыщешь такой красавицы. Если же ты дорожишь нравомъ — въ ней столько кротости, спокойствія, гибкости; нужда съ дѣтства научила ее принимать всякое добро съ благодарностію. Теперь она живетъ въ счастіи на господскомъ дворѣ; много тамъ работницъ кромѣ ея, но она для всѣхъ первая. Ей господа повѣряютъ и надзоръ за тканьемъ, и заботы о пищѣ, и ключи отъ погреба и кладовой; легко подумать, что она тамъ воспитывалась какъ хозяйская дочь.—Тогда и разумный Петръ вмѣшался въ разговоръ, желая окончить то, что жена начала: ты конечно разумѣешь Гедду, дочь Захара; тотчасъ узнаю Гедду въ этой заслуженной похвалѣ... Она для всѣхъ молодыхъ людей то же, что покрытая ягодами, приманчивая рябина для стаи дроздовъ: быстро мчатся они на воздушныхъ крыльяхъ, пока не замѣтятъ краснѣющагося дерева. Тогда, вскрикнувъ отъ радости, всѣ жадно бросаются на сочныя кисти, цѣпляются за нихъ и не боятся ни шума, ни летающихъ палокъ, которыми хочешь прогнать ихъ. Поэтому я и совѣтую тому, кто достоинъ

счастія, тотчасъ же явиться къ ней, чтобъ кто-нибудь не успѣлъ предупредить его; поэтому, почтенный мой шуринъ, скорѣе отправляйся на господской дворъ».

Матвѣй отвѣчаетъ, что ему любопытно было бы посмотрѣть на хваленую дѣвушку, только бы найти предлогъ смѣлому посѣщенію. Соглашаются, что на слѣдующее утро онъ, взявъ ружье, вмѣстѣ съ Петромъ пойдетъ на господскій дворъ, гдѣ легко узнаетъ Гедду по описанію, а во время охоты обдумаетъ, годится ли она для него. «И если, прибавляетъ Петръ, ты захочешь на ней жениться, я пожалуй буду опять твоимъ сватомъ». Анна въ восхищеніи, что ея совѣтъ одобренъ. Теперь она наполняетъ съѣстнымъ дорожную сумку изъ березовой коры и, повѣсивъ ее на стѣнѣ, стелетъ для Матвѣя постель. Погасивъ лучину, всѣ предаются покою.

Иное въ приведенныхъ нами разговорахъ могло показаться читателю необыкновеннымъ въ устахъ необразованныхъ крестьянъ; но онъ не долженъ забывать, что тутъ видитъ передъ собою *Финновъ*, которыхъ «поэтическая природа», какъ было замѣчено въ другомъ мѣстѣ, «отражается очень явственно даже въ ихъ ежедневномъ разговорѣ. Безпрестанно употребляютъ они сравненія, метафоры, аллегоріи и особенно олицетворенія *». Въ продолженіе поэмы еще

* См. Соврем. 1840. № 3., стр. 46.

не разъ могутъ встрѣтиться намъ подробности, для объясненія которыхъ необходимо имѣть въ виду особенность характера и умственныхъ способностей Финна. Эти подробности были бы невѣрны, если бъ передъ нами дѣйствовали крестьяне какой бы ни было другой націи; такъ оригинальны нравы коренныхъ жителей внутренней Финляндіи! Вотъ что придаетъ «Стрѣлкамъ» великую занимательность, даже въ глазахъ иностранца.

II. Въ началѣ 2-й пѣсни встрѣчаемъ въ избѣ у Петра два новыя лица: *Паво* и *Арона*. Первый принадлежитъ къ разряду, такъ называемыхъ, Inhysingar, *бобылей* или *нахлѣбниковъ*: это крестьянинъ, который, не имѣя собственнаго дома, живетъ безъ платы у другаго и только оказываетъ ему за свое содержаніе кое-какія ничтожныя услуги. Второй—едва ли не самое замѣчательное лицо поэмы— есть *нищій*. Такихъ бѣдняковъ всякій Финнъ внутри края добродушно принимаетъ у себя, иногда по нѣскольку вдругъ, какъ дорогихъ гостей, и даже нерѣдко самъ отвозитъ ихъ на своей лошади до ближняго селенія. И *нахлѣбника* и *нищаго* Рунебергъ прекрасно характеризуетъ въ статьѣ, гдѣ онъ, какъ наблюдатель, отчасти описываетъ то же, что въ «Стрѣлкахъ« рисуетъ, какъ поэтъ. Эта статья, прежде уже напечатанная въ Современникѣ *, могла бы служить лучшимъ вступленіемъ къ разсматриваемой здѣсь поэмѣ.

* Въ I-й кн. 1840 г.

«Уже сверчки замолкли на закоптѣлой печи, уже почернѣли уголья, и на обычномъ шестѣ въ своемъ углу запѣлъ неусыпный пѣтухъ, возвѣщая наступленіе утра. Но Петръ, утомленный трудами предшествовавшихъ дней, проспалъ бы еще долго, если бъ не шумная ссора, которая вдругъ поднялась на печи и ежеминутно становилась громче. Тамъ, лежа въ сладкомъ покоѣ, честный Аронъ одинъ пользовался дымнымъ жаромъ, между тѣмъ какъ Паво, лежавшій возлѣ него, чувствовалъ слишкомъ мало отраднаго тепла. Сосѣдъ хотѣлъ насильно отнять мѣсто у честнаго Арона, и проворно перелѣзъ черезъ него, пробиваясь какъ клинъ. Но раздосадованный Аронъ приподнялся, ощупью нашелъ Паво, схватилъ его и, какъ тотъ ни сопротивлялся, сбросилъ съ печки на полъ будто мѣшокъ съ отрубями. Петръ въ испугѣ проснулся отъ шума, и обиженный Паво сталъ горько жаловаться ему на дерзость нищаго; однако жъ скоро забылъ свою бѣду, когда вползъ въ самую печь и посреди ея жара заснулъ крѣпкимъ сномъ.»

Чтобы вполнѣ понять описанную сцену, надобно знать устройство печи, о которой часто идетъ рѣчь въ поэмѣ. Она вверху оканчивается площадкой, отъ которой до крыши остается еще столько мѣста, сколько нужно, чтобы свободно сидѣть. На этой площадкѣ располагаются охотники до тепла. Передній край ея всегда бываетъ закопченъ, потому-что тру-

бы у печки нѣтъ, и дымъ медленно выходитъ въ окно, сдѣланное въ крышѣ. Передъ печнымъ устьемъ находится небольшой выступъ съ углубленіемъ, служащій очагомъ. Примѣръ Паво показываетъ, что Финнъ отъ холода ищетъ убѣжища и въ самой печи. Таково ея старинное устройство; надобно замѣтить, что дѣйствіе поэмы относится еще ко времени Шведскаго владѣнія въ Финляндіи. Въ избахъ, вновь строимыхъ Финнами, печь дѣлается съ трубою, вертикально подымающеюся надъ ея верхомъ. Но возвратимся къ «Стрѣлкамъ.»

Когда Петръ и Матвѣй одѣлись, Петръ взвалилъ на широкія плечи мѣшокъ съ кушаньемъ, привѣсилъ къ шеѣ ружье и далъ Матвѣю другое, старинное Шведское, которое досталось ему въ наслѣдство отъ отца и съ той поры висѣло неприкосновеннымъ на стѣнѣ. Выпивъ потомъ водки, они вышли на просторный дворъ и увидѣли ясное небо, усѣянное звѣздами; подъ ногами ихъ заскрипѣлъ снѣгъ, сіявшій тысячами искръ; оба встали на быстрыя лыжи *, и Петръ, радуясь отъ души, сказалъ: «Ну, товарищъ, сегодня будетъ легкая охота; гладкія лыжи какъ сталь скользятъ по льду, а оле-

* Это двѣ длинныя нетолстыя доски, лежащія плашмя на землѣ и съ обоихъ концовъ немного загнутыя къ верху; къ каждой изъ нихъ придѣланъ на серединѣ ремень, въ который вставляется нога: противъ этаго мѣста на нижней сторонѣ обыкновенно прикрѣпляютъ мѣхъ, чтобы при всходѣ на возвышеніе лыжи не скользили. Сверхъ того бѣгающій на нихъ держитъ въ каждой рукѣ палку.

нямъ трудно бѣгать по насту. Пустимся! черезъ луга лежитъ прямая дорога къ господскому дому. Сказалъ, и помчался и добѣжалъ до горы, которая отъ хлѣвовъ его круто спускалась къ лугу. Матвѣй за нимъ, и понеслись они съ горы, какъ быстрыя тѣни облаковъ, гонимыхъ бурею по тверди.»

Достигнувъ равнины, они побѣжали тише, но ихъ не удерживали изгороды, которыя всѣ были покрыты снѣгомъ. Дорогою Матвѣй, зная, что частнымъ людямъ запрещено стрѣлять оленей, спрашиваетъ Петра, не опасно ли нарушать королевское запрещеніе и не будетъ ли владѣльцу непріятно, что въ охоту его вмѣшивается чужой человѣкъ. Петръ успокоиваетъ его. «Не опасайся, говоритъ онъ между прочимъ, что господинъ худо приметъ тебя: хоть насъ восемь торпарей, но между нами только двое слывутъ искусными стрѣлками: Петръ да Захаръ. Петръ на первомъ мѣстѣ, отъ того, что старичекъ Захаръ — сущій огонь: всякій разъ, какъ возьметъ ружье, онъ сгоряча радъ выпалить хоть въ облако. Надо побольше людей, которые бы съ разныхъ сторонъ умѣли принимать оленей пулями, тогда какъ лыжники съ крикомъ загоняютъ ихъ. Повѣрь, что тебѣ будутъ рады на господскомъ дворѣ: вѣдь ты шуринъ мой, прибавилъ онъ хвастливо, а притомъ хорошій стрѣлокъ и человѣкъ извѣстный.»

«Видишь ли, отвѣчаетъ Матвѣй: въ чужомъ мѣстѣ всѣ на тебя пристально глядятъ; всякій—ужъ такъ водится у людей—всякій хочетъ подмѣтить въ чужомъ человѣкѣ слабую сторону и тихомолкомъ посмѣяться надъ его ошибкой. Дома, если и провинюсь какъ-нибудь, никто не обратитъ на то вниманія, зная, что въ другой разъ я поступлю лучше; а здѣсь, какъ сначала себя покажу, такъ будутъ и уважать меня. Скажи же мнѣ, вѣрно ли старое ружье попадаетъ въ цѣль; боюсь, что, слишкомъ на него надѣясь, дамъ промахъ и сдѣлаюсь посмѣшищемъ для другихъ.»

Тогда Петръ хвастливо разсказываетъ товарищу, какъ это ружье, когда оно еще принадлежало его дядѣ капралу, отличилось однажды во время войны, какъ оно потомъ, при отобраніи оружія отъ раненаго капрала, было оставлено при немъ по особенной милости начальства, и какъ отъ него перешло по наслѣдству сперва къ отцу Петра, а послѣ и къ нему самому.

Въ такихъ разговорахъ путники приблизились къ господскому дому. Самъ коммисаръ, услышавъ лай собакъ, вышелъ на крыльцо и, не видя никого въ потьмахъ, спросилъ: кто тутъ? Разумный Петръ снялъ шапку и сказалъ: «я, ваша милость! я пришелъ по вашему приказанію для охоты; шуринъ мой Матвѣй, изъ Куру, также со мной; онъ стрѣлять мастеръ и для того принесъ ружье.» Похваливъ Петра,

владѣлецъ велѣлъ обоимъ отправиться въ избу и тамъ обождать его.

III. Вошедши въ избу, пришельцы увидѣли тамъ, при свѣтѣ лучины, семерыхъ сидѣвшихъ за столомъ крестьянъ, уже вооруженныхъ, и дѣвушекъ, которыя работали за прялками. Матвѣй также сѣлъ къ столу и тотчасъ началъ глазами искать Гедды: какъ Петръ предсказывалъ ему, онъ легко отличилъ ее между всѣми.

«Въ углу, возлѣ закоптѣлой печки, лежало на соломѣ нѣсколько бородатыхъ молодцовъ, которыхъ никто не замѣчалъ. То были странствующіе купцы изъ богатаго Архангельска; съ трудомъ и въ потѣ лица, они ради приманчиваго золота, ходятъ изъ однаго села въ другое, нося на плечахъ тяжелыя котомки съ бездѣлками, драгоцѣнными для неприхотливаго селянина.» Обратите особенное вниманіе на этихъ купцовъ, мастерски изображенныхъ въ поэмѣ и дѣйствительно списанныхъ съ натуры. Рунебергъ называетъ ихъ Русскими, потому-что они изъ Русской губерніи, одѣваются какъ наши крестьяне, и кромѣ Финскаго языка знаютъ Русскій, хотя очень ломаютъ его; да они и сами называютъ себя Русскими; но собственно, по племени, принадлежатъ къ Финнамъ, которыхъ много въ Архангельской и въ Олонецкой губерніяхъ. Тамошніе Финны характеромъ своимъ замѣтно отличаются отъ живущихъ въ Финляндіи и

подлинно болѣе похожи на Русскихъ, нежели на своихъ соплеменниковъ: развязны, веселы, общительны, склонны къ торговлѣ. Всю осень и зиму многіе изъ нихъ странствуютъ по Финляндіи и отчасти по Остзейскимъ губерніямъ съ товарами, закупленными лѣтомъ въ Москвѣ и другихъ нашихъ городахъ.

«Сюда (на мызу коммисара) пришли они наканунѣ вечеромъ изъ Куру, гдѣ Матвѣй давалъ имъ пристанище, и теперь отдыхали на полу, каждый при своей котомкѣ. Услышавъ голосъ Матвѣя, они проснулись, тотчасъ узнали его и вспрыгнули, радуясь, что въ чужомъ мѣстѣ нашли своего прежняго хозяина. Съ шумомъ подбѣжали они къ нему, и, пожимая его руки, говорили всѣ вдругъ, хваля его за гостепріимство и за мѣха, которые купили у него. Наконецъ одинъ изъ нихъ, *бурокосматобородый* Онтрусъ, пошелъ къ своей котомкѣ, раскрылъ ее и, улыбаясь, такъ-что подъ усами забѣлѣлись яркіе зубы, вынулъ закупоренную тщательно бутылку, въ которой онъ вездѣ носилъ съ собою вкусный ромъ. Моргая, принялся онъ пить, и потомъ передалъ прекрасный напитокъ Матвѣю.»

Но Матвѣй занятъ другимъ; чтобы угодить краснымъ дѣвушкамъ, которыя, обступивъ Онтруса и глядя въ его котомку, жалѣютъ, что у нихъ нѣтъ денегъ, онъ покупаетъ имъ леденцу и иголокъ, а

Геддѣ даритъ сверхъ того гребешокъ. За это другіе крестьяне начинаютъ дразнить его.

На разсвѣтѣ всѣ они, по данному приказанію, становятся на лыжи и слѣдуютъ за господиномъ. «Какъ гуси, стадами удаляющіеся отъ оледенѣлыхъ озеръ Сѣвера, облегчаютъ тягость полета взаимнымъ окликаніемъ и пѣснями; такъ, несясь по снѣжнымъ равнинамъ, стрѣлки попеременно разсказывали другъ другу какой-нибудь свой или чужой подвигъ.

«Не знаешь ли и ты какой-нибудь веселой были?» такъ господинъ сказалъ наконецъ Матвѣю, дружески ударивъ его по плечу: «что ты не сидѣлъ за печкой, это доказываютъ и сильное твое сложеніе, и имя родины твоей. *Куру* славится смѣлыми и искусными стрѣлками; я часто слышалъ, что вы отважно истребляете дикихъ звѣрей, и особенно зимою мастерски обходите медвѣдя въ его берлогѣ. Слышалъ я также, что дорогая медвѣжья кожа, которую мнѣ вчера продали Русскіе, куплена въ Куру; она небывалой величины; на нее и теперь еще страшно смотрѣть. Скажи-ка, другъ мой, не видалъ ли ты того отчаяннаго молодца, который рѣшился поднять копье на такаго медвѣдя: мнѣ говорили, что онъ убитъ копьемъ.»

Приподнявъ голову, Матвѣй отвѣчалъ: — мы съ добрымъ товарищемъ вдвоемъ положили медвѣдя;

однако жъ, признаюсь, дѣло было нелегкое: никогда еще я не видѣлъ такаго огромнаго и сердитаго звѣря. — «Посмотри, пожалуй,» привѣтливо отвѣчалъ господинъ: «какъ неожиданно сбылось мое желаніе! Вчера еще, когда я купилъ непомѣрную кожу и, схвативъ одну изъ лапъ, разсматривалъ когти и жилы, мнѣ смертельно захотѣлось увидѣть смѣльчака, который такъ отличился. Разкажи жъ, какъ это было: мнѣ послѣ пріятно будетъ говорить о твоемъ подвигѣ, сидя съ друзьями въ саняхъ и слыша, какъ кожа яркими зубами стучитъ объ дерево» (NB. Въ Финляндіи мѣхъ для щегольства разстилается на сѣдалищѣ, такъ-что верхняя часть его виситъ позади саней).

Тотчасъ всѣ съ любопытствомъ приблизились къ Матвѣю, и онъ началъ: «Вы конечно знаете, какъ обходятъ медвѣдя, и какъ замѣчаютъ осенью берлогу его. Мы поступили такъ точно, какъ задолго до насъ поступали отцы наши. Вотъ послѣ Рождества, когда снѣгу въ лѣсу накопилось много и онъ уже успѣлъ покрыться настомъ, мы однажды съ копьями и ружьями пошли на медвѣдя. Скоро отыскали мы его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оставили: онъ лежалъ подъ огромной сосной въ берлогѣ изъ навалепныхъ въ кучу вѣтвей. Весь засыпанный снѣгомъ, покоился онъ безпечно въ своемъ зимнемъ жильѣ. Я былъ въ недоумѣніи: тотчасъ ли выпалить и прострѣлить насквозь гнѣздо его, или напередъ выгнать звѣря крикомъ.

Немедленно выстрѣлить показалось мнѣ лучше: если счастливо попаду съ-разу, вся слава удачи будетъ за мной; взвожу курокъ, палю. Съ ревомъ выскочилъ разъяренный медвѣдь, лапой очистилъ себѣ дорогу, стряхнулъ снѣгъ съ берлоги, и сталъ въ отверзтіи, страшно сверкая глазами. Товарищъ мой тотчасъ прицѣлился, и въ пылу своемъ далъ промахъ. Пуля только слегка оцарапала морду ужаснаго звѣря. Между-тѣмъ онъ, какъ ревучая буря, бросился впередъ, какъ ливень или молнія настигъ товарища, и повалилъ его наземь: съ ужасомъ видѣлъ я, что и когти и зубы медвѣдя готовились растерзать молодаго человѣка прежде, нежели я успѣлъ бы направить копье въ защиту его. Но когда я смѣло подбѣжалъ и глубоко всунулъ копье ему въ горло, тогда онъ на меня обратилъ и всю свою ярость и окровавленную пасть. Съ громкимъ ревомъ, шатаясь, онъ подвигался на копье и искалъ меня когтьми, зубами, взорами. Но тщетны были его усплія: чѣмъ болѣе онъ преслѣдовалъ меня, тѣмъ я дальше отступалъ, вертя острое желѣзо въ пасти его. Наконецъ вся кровь его излилась на багровѣющій снѣгъ; въ изнуреніи упалъ онъ къ ногамъ моимъ и, хрипя, испустилъ духъ.» Всѣ съ участіемъ слушали Матвѣя, и легко бѣжали впередъ.

IV. «Уже на Востокѣ алѣло зимнее солнце, когда торопливые стрѣлки достигли острова, покрытаго соснами, и какъ будто выраставшаго изъ снѣга.

Тамъ спокойно скрывались олени. Шесть лыжниковъ тотчасъ построились для загона, а стрѣлки спрятались поодаль въ засадѣ. Съ громкими кликами началась охота. Залетали между деревьями испуганные тетерева и рябчики; посыпались выстрѣлы и крики; вся окрестность огласилась гуломъ.

«Между-тѣмъ въ просторной избѣ господскаго двора сидѣли по-прежнему «бурокосматобородый» Онтрусъ и его веселые товарищи. Съ ними остались тамъ только дѣвушки-прядильщицы и дряхлая, хромая Ревекка; работники всѣ отправились въ лѣсъ. Вотъ гульливые братья усѣлись вокругъ длиннаго стола, лакомясь пѣнистымъ пивомъ и пиво приправляя водкою. Какъ деревья у корней орошаются безъ труда и борьбы стремительными ручьями, когда весна убираетъ вѣтви въ зелень; такъ пили купцы, сидя за столомъ. Только младшій изъ нихъ, прекрасный Тобіасъ, бѣгалъ взадъ и впередъ; на немъ лежала забота, чтобы кружка не оставалась пустою. Чѣмъ онъ чаще ходилъ къ Геддѣ въ кладовую и чѣмъ болѣе онъ въ похмѣльи глядѣлъ на прелестную дѣвушку, тѣмъ сильнѣе овладѣвала имъ любовь. Еще ни одна красавица Архангельская, ни одна изъ разцвѣтавшихъ на Двинскихъ берегахъ не плѣнила вѣтреника; сердце его было свободно и кипѣло какъ ключь. Теперь, одуренный и пѣнистымъ пивомъ и красной дѣвицей, онъ поперемѣнно прыгалъ, плясалъ, плакалъ и смѣялся, а напослѣдокъ съ быстротою вихря взбросилъ

себѣ на спину тяжелую котомку съ товарами и выбѣжалъ вонъ. Оптрусъ такъ испугался, что пивная кружка выпала у него изъ рукъ: онъ соскочилъ съ лавки и погнался за молодцомъ. Очутившись на дворѣ, Оптрусъ хотѣлъ-было прямо ворваться въ кладовую, но передъ нею встрѣтилъ двухъ собакъ, только-что проводившихъ громкимъ лаемъ Тобіаса. Видя, съ какимъ гнѣвомъ и шумомъ онѣ осаждаютъ дверь, Оптрусъ почувствовалъ страхъ, остановился, началъ манить ихъ, свистать, улыбаться, трепать себя по колѣнямъ и называть обѣихъ собакъ по имени, но все было тщетно; наконецъ онъ вынулъ изъ кармана приманчивый крендель, раздѣлилъ его пополамъ и понесъ, протянувъ руки. Такимъ образомъ сталъ онъ украдкой всходить на крыльцо, маня собакъ и кидая куски кренделя. Собаки, хватая ихъ, ворчали сквозь зубы, но Оптрусъ невредимо пробрался въ кладовую.

«Тамъ Тобіасъ предъ открытой котомкой стоялъ уже на колѣняхъ и усердно вытаскивалъ товары, какъ будто спасая ихъ отъ пламени; онъ безъ разбору выбрасывалъ бусы, халаты, кисею, шелковые платки. Гедда въ изумленіи соскочила со своего стула и выронила катушку изъ рукъ, а пригожій Тобіасъ въ слезахъ закричалъ: «Все, все возьми, красавица; только дай поцаловать себя.» Сказавъ, онъ бросился цаловать дѣвушку.

«Эти слова услышалъ въ дверяхъ бородатый Онтрусъ; какъ орелъ, вцѣпился онъ товарищу въ затылокъ и закричалъ Геддѣ: «Берегись, берегись, красавица, не слушай его. У него, у глупаго, нѣтъ даже прусака, который бѣгаетъ въ котомкѣ, а шелковаго платка и подавно.» Между-тѣмъ въ пыли валяются ситцы и выбойки, цѣною рублей на 50. «Эй, Тобіасъ, собака!» такъ вскрикнувъ, держалъ Онтрусъ одной рукой сопротивлявшагося товарища за волосы, а другой, наклонившись, началъ подбирать разбросанные товары и прятать ихъ въ котомку. Когда онъ все уложилъ, и на полу не оставалось больше ни одной бусоньки, тогда онъ взялъ суму свою, отперъ дверь, и за волосы повелъ, какъ лошадь, товарища въ избу.

Однако жъ все намѣреніе Онтруса состояло только въ томъ, чтобы принять участіе въ сердечныхъ дѣлахъ Тобіаса: но напередъ онъ выпилъ остатокъ пива изъ кружки, потомъ отеръ съ усовъ и съ бороды приставшую къ нимъ пѣну, и тогда уже отправился сватать за брата.

«Гедда, воскликнулъ онъ, вошедши въ кладовую: чудный онъ парень, чуденъ удалой Архангельскій парень; выдь за-мужъ за цвѣтущаго, прекраснаго Тобіаса; ну, по рукамъ же! Видѣла ли ты, какъ онъ дороденъ и полонъ, какъ его щеки и губы алы, какъ волосы его, стоющіе собольяго мѣха, гладко лежатъ на лбу,

отѣняютъ щеки и затылокъ? Видѣла ли ты, какъ густо пробивается у него борода? скоро, длинна и пушиста, словно лисій хвостъ, будетъ она падать на грудь его. Чудный онъ парень, чуденъ удалой Архангельскій парень! Выдь за него за-мужъ; ну, по рукамъ же! А какъ онъ мастерски пляшетъ! На каблукахъ ли, на цыпочкахъ ли нужно отличиться, падаетъ ли онъ на полъ плоскимъ кренделемъ, или съ полу подымается ракеткой, ему нѣтъ равныхъ. Все въ его пляскѣ безподобно: онъ съ одинаковымъ искуствомъ владѣетъ и руками и ногами; онъ въ одно и то же время поетъ, закидываетъ ноги, щелкаетъ пальцами, топаетъ, свищетъ, смѣется. Чудный онъ парень, чуденъ удалый Архангельскій парень. Выдь за-мужъ за прекраснаго Тобіаса. Ну, по рукамъ же! Что за бѣда, что мы подъ часъ выпьемъ, и хмѣльные валяемся на полу! Не все же мы пьемъ, а только изрѣдка; о, очень рѣдко, иногда только! Холодна вѣдь зима-сестрица, и тяжела скитальцу котомка. Попостившись у чужихъ людей, чтобъ не пострадать отъ воровъ и мошенниковъ, мы, когда придемъ къ старымъ знакомымъ и покупщикамъ, любимъ выпить кружечку добраго пива. Чудный онъ парень, чуденъ удалый Архангельскій парень! Выдь за него за-мужъ! Ну, по рукамъ же! Приходи въ Архангельскъ; прекраснъ богатый Архангельскъ! Тамъ будутъ у тебя шелковыя платья, будутъ серебряные рубли. Бѣдна Финляндія: въ ней только скалы да лѣса! Ступай вмѣстѣ съ нами, перейди въ Архангельскъ, поселись на берегахъ Дви-

ны! Богатъ бородатый Онтрусъ; богатъ братъ его: чудесный онъ парень, чуденъ удалой Архангельскій парень! Выдь за-мужъ за цвѣтущаго и прекраснаго Тобіаса; ну, по рукамъ же!

«Сказавъ, вынулъ онъ изъ-за пазухи большой бумажникъ, набитый ассигнаціями, и бросилъ его вверхъ. Какъ легкіе мотыльки, разлетѣлись красныя, бѣлыя и синія ассигнаціи; тысячъ на пять и болѣе попадало ихъ на полъ, а между ними и по нимъ прыгалъ Онтрусъ, сверкая глазами отъ радости.

«Тогда Гедда, оставляя его шумѣть и свататься наединѣ, отправилась къ госпожѣ своей, которая съ улыбкой услышала, какъ Онтрусъ кричалъ и возился въ кладовой.

«Онтрусъ, увидѣвъ, что онъ одинъ, тотчасъ забылъ любовь и оставилъ воздушные прыжки свои. Подобравъ деньги руками, дрожавшими отъ умиленія, онъ съ восторгомъ цаловалъ, конечно въ тысячный уже разъ, каждую изъ ассигнацій, пряталъ ихъ въ бумажникъ свой, а наконецъ, сладко улыбаясь, спряталъ и самый бумажникъ, по-прежнему полный, за пазуху, и пошелъ опять въ избу.

«Тамъ пригожій Тобіасъ заплясывалъ мученія любви; но голова его была такъ тяжела, что онъ насилу держался на ногахъ. Мѣшая смѣхъ со слезами,

а заунывныя пѣсни съ кликами радости и припѣвая, онъ еще старался прыгать, пока наконецъ, обманутый и головой и ногами, упалъ, ввѣряя сердечныя раны цѣлебному сну.

«Въ такомъ-то положеніи былъ онъ, когда Онтрусъ возвратился со сватанья и, бормоча, вошелъ въ избу. Его тревожили двѣ заботы. Сперва онъ пошелъ къ столу, посмотрѣлъ въ кружку и, съ прискорбіемъ увидѣвъ, что она пуста, тотчасъ послалъ бородатаго товарища наполнить ее. Потомъ онъ сталъ глазами искать мѣста, куда бы положить упавшаго, чтобы этотъ не мѣшалъ плясать и ему и другимъ. Самымъ лучшимъ ложемъ для товарища показалась ему соломенная постель у печки, съ подушкой изъ камыша. Тамъ въ мирѣ отдыхала старая Ревекка *, а возлѣ нея нѣжилась кошка; туда-то Онтрусъ притащилъ и отягощеннаго пивомъ товарища; онъ улыбался, видя, какъ крѣпокъ сонъ его, опустился на колѣна и, слегка тряся старушку за плечо, сказалъ ей: придвинься-ка, Ревекка, поближе къ печкѣ, да прогони кошку, и пусти на мѣсто ея красиваго парня!

«Вотъ я васъ! крикнула, вскакивая, дряхлая, хромая Ревекка. Пусть бы лукавый зажалъ тебѣ поганый ротъ, длиннобородое чучело! Ни на минуту не могла я вздремнуть изъ-за его козлиныхъ прыжковъ!

* Бѣдная старуха, которую всѣ поселяне въ приходѣ по очереди содержатъ и кормятъ.

Цѣлыя сутки не дадутъ мнѣ покоя! Надо же мнѣ было увидѣть на своемъ вѣку, какъ ты, проклятый нехристь, скитаешься у насъ Божіей казнью!» При этихъ словахъ старуха дрожащею рукою бросила кошку Русскому въ лицо. Испуганная кошка, шипя, вцѣпилась въ его косматую бороду, оцарапала ему подбородокъ и щеки, и потомъ убѣжала на печку, гдѣ долго ворчала, сверкая въ потьмахъ глазами. Старая Ревекка спокойно легла на свою постель.

«Оптрусъ же, не сходя съ мѣста, поперемѣнно гладилъ подбородокъ, бранился, бормоталъ сквозь зубы, улыбался въ удивленіи. Наконецъ принесли пиво, и онъ, забывъ свою неудачу, стащилъ брата съ опасной постели и очистилъ ему мѣсто на скамьѣ, гдѣ и самъ усѣлся съ кружкой. Между-тѣмъ дѣвушки все еще хохотали безъ умолку за отдыхающими прялками, а старая Ревекка привстала, сѣла, позвала кошку и опять легла!»

V. Такъ веселая толпа Русскихъ проводила день въ домѣ владѣльца: они поперемѣнно пили и сватались, между-тѣмъ какъ стрѣлки охотились на островѣ. Когда солнце сѣло, тамъ не оставалось болѣе ни одного живаго оленя. Шесть лыжниковъ сидѣли на стражѣ вокругъ добычи, ужинали и пили водку; а Петръ и господинъ катились по свѣтлому озеру домой. За ними, въ нѣкоторомъ отдаленіи, бѣжалъ Захаръ, отецъ Гедды, а на большомъ разстоя-

ніи отъ него Матвѣй. Два послѣдніе равно славились умѣньемъ бѣгать на лыжахъ, и неслись взапуски, съ условіемъ, что кто прежде поспѣетъ на господскій дворъ и доставитъ въ лѣсъ лошадей для перевозки оленей, того другой поподчуетъ штофомъ пива и чаркой водки. Но Матвѣй на этотъ разъ отсталъ, и когда онъ только-что достигъ горы близъ господскаго дома, старый Захаръ уже ѣхалъ ему на встрѣчу, стоя молодцомъ на переднихъ саняхъ, за которыми свободно бѣжали еще двѣ лошади. Тутъ Захаръ весело сказалъ Матвѣю: «ну, теперь, Матвѣй, припасай-ка пиво да водку, чтобъ были готовы, когда я вечеромъ ворочусь съ оленями и захочу погрѣться! «Съ этими словами онъ хотѣлъ пуститься далѣе, но Матвѣй, ухватясь за вожжу, остановилъ его: «хорошо, сказалъ онъ: пиво да водка будутъ готовы къ вечеру, только дай слово, Захаръ, что выдашь за меня дочь свою.»

Старикъ отсылаетъ его къ самой Геддѣ. Но Матвѣй не засталъ ее въ избѣ: тамъ онъ увидѣлъ только Русскихъ и съ ними старую Ревекку. Длиннобородые братья лежали, гдѣ кому случилось упасть. Они спали хмѣльные, не помня своихъ тягостныхъ странствій. Одинъ Онтрусъ сидѣлъ передъ своей кружкой, пьянъ и блаженъ, и смотрѣлъ на падшихъ товарищей. Но чуть онъ завидѣлъ въ дверяхъ Матвѣя, какъ вспрыгнулъ со скамьи и сталъ плясать отъ радости. Онъ и плясалъ и пѣлъ и мѣрилъ ша-

гами просторную комнату, такъ-что испуганная Ревекка спряталась въ уголъ.

Потомъ, изъ разговора съ возвратившеюся Геддою, Матвѣй видитъ, что она не равнодушна къ нему, и съ согласія коммисара проситъ Петра пойти посватать за него Гедду. Роль свата у Финновъ требуетъ особеннаго искуства и соблюденія нѣкоторыхъ формъ: онъ долженъ снести невѣстѣ подарокъ отъ жениха и исчислить ей всѣ его добрыя качества, все его имущество. Сватами избираются обыкновенно люди, которые своимъ благоразуміемъ и краснорѣчіемъ пріобрѣли довѣренность цѣлаго прихода, или по крайней мѣрѣ извѣстны этими достоинствами жениху. Таковъ и Петръ. «Но, отвѣчалъ онъ: не пттти же мнѣ съ пустыми руками, будто я сватъ нищаго. Нѣтъ, коли мнѣ говорить за тебя, пусть напередъ кружка пива развяжетъ мой языкъ, а потомъ надо же мнѣ снести невѣстѣ и подарокъ отъ жениха.» Коммисаръ съ улыбкою тотчасъ позвалъ Петра къ себѣ, и напоилъ его пивомъ. Между-тѣмъ Матвѣй пошелъ въ избу. «Онтрусъ!» закричалъ онъ весело, отворяя дверь: «вынимай-ка скорѣй платокъ изъ котомки: мы въ минуту сторгуемся.» Какъ туча, раздвоенная сверкающею молніей, засіяло отъ радости лицо Онтруса. «Не долго они торговались; однако жъ половину купецъ уступилъ тотчасъ», и Матвѣй поспѣшилъ съ купленнымъ платкомъ къ зятю.

Какъ скоро этотъ выпилъ пиво и взялъ подарокъ, онъ торжественно и велпчаво отправился къ Геддѣ, которая ткала въ кладовой. Пришедши туда, онъ сѣлъ передъ трескучимъ пламенемъ очага, набилъ трубку, взялъ суровыми пальцами горящій уголь, закурилъ ее и не говорилъ ни слова. Гедда продолжала ткать. Посидѣвъ нѣсколько минутъ безмолвно (NB. Финнъ заводитъ рѣчь не иначе, какъ подумавъ напередъ), Петръ приблизился къ дѣвушкѣ и, положивъ пестрый платокъ на ткань: «это, сказалъ онъ, даритъ тебѣ Матвѣй, изъ Куру. Рѣдко достается дѣвушкѣ такой подарокъ, будь она и пригожа и всѣми любима какъ ты.» Сказавъ, онъ опять сѣлъ, еще покурилъ и снова началъ: «онъ тебѣ не только даритъ платокъ, но предлагаетъ и самаго себя. А чтобы ты не думала, будто на тебѣ сватается какой-нибудь бѣднякъ, я раскажу тебѣ все, что у него есть»... Послѣ подробнаго исчисленія его движимаго и недвижимаго имущества, Петръ даетъ невѣстѣ нѣкоторые совѣты, какъ вести себя въ замужествѣ, и кончаетъ такъ: «Не расчитывай слишкомъ много, разумная Гедда, какъ тотъ, кто, въ своемъ непостоянствѣ, всегда пренебрегаетъ полученнымъ добромъ, ожидая еще большаго. Вѣрь: и въ самое знойное лѣто на лугахъ не столько цвѣтовъ, сколько радостей на пути, по которому всѣ мы безпрестанно приближаемся къ могилѣ. Только будемъ остерегаться обмановъ невѣрной надежды. Гдѣ бъ мы ни остановились на минуту, чтобы насладиться счастіемъ,

надежда тотчасъ упреждаетъ насъ, указывая на что-то лучшее въ отдаленіи. Безумецъ жадно слѣдуетъ за нею съ мѣста на мѣсто, и, ничѣмъ не довольный, все презираетъ, пока наконецъ смерть не прекратитъ его вздоховъ.»

«Онъ умолкъ, поднялъ глаза къ небу и самодовольно придавилъ указательнымъ пальцемъ золу въ своей трубкѣ. А дѣвушка, покрасивъ до ушей, потупила взоры и, крутя углы шейнаго платка своего, сказала: «не скрою отъ тебя, любезный Петръ, съ какимъ удовольствіемъ я слышу, что Матвѣй хочетъ на мнѣ жениться: ты конечно знаешь, куда обращаются безпрестанно и взоры и тайныя мысли бѣдной дѣвушки. Тяжело служить другому, даже и доброму человѣку, когда за деньги онъ можетъ требовать трудовъ нашихъ; еще тягостнѣе будетъ послѣ кормиться въ пзнеможеніи даровымъ хлѣбомъ. Вотъ отъ чего у дѣвушки самая сладкая мечта — сдѣлаться хозяйкою самой и служить благородному человѣку не изъ нужды, а изъ любви. Какъ часто, сидя здѣсь на единѣ передъ станкомъ, я думала про себя: «Когда-то ты, Гедда, будешь ткать *свое*? Челнокъ часто пролеталъ мимо руки, и слезинка скатывалась на ткань. И такъ, если согласенъ батюшка, я готова выйти за Матвѣя.» Сказавъ, она заплакала отъ радости, и взявъ Петра за руку, потрясла ее, и старикъ также заплакалъ.

Теперь, исполнивъ свое дѣло съ успѣхомъ, онъ пошелъ въ избу и тамъ увидѣлъ Матвѣя. «Дѣло слажено, сказалъ онъ весело, ступай въ кладовую къ невѣстѣ! А я скорѣй отправлюсь домой на лыжахъ и привезу сюда своихъ.» Съ этими словами онъ вышелъ, сталъ на лыжи, и радостно побѣжалъ къ своему торпу.

VI. Отсюда собственно начинаетъ развиваться характеръ нищаго Арона, въ которомъ поэтъ умѣлъ представить намъ подъ рубищемъ столь занимательный образчикъ патріархальныхъ добродѣтелей Финна. Нельзя не быть тронутымъ, видя это соединеніе набожной покорности судьбѣ, добродушной веселости и тихаго, но глубокаго чувства. Въ хижинѣ, среди самыхъ ежедневныхъ сценъ, среди самыхъ низкихъ предметовъ, невольно благоговѣешь предъ достоинствомъ человѣка, сохранившаго сердце во всей его чистотѣ и не оторваннаго бурями страстей отъ благотворнаго лона Природы.

Тутъ же увидимъ во всей подробности разительный примѣръ того бѣдственнаго положенія, въ какое и достаточный Финнъ внутри края можетъ быть внезапно ввержень жестокостію тамошняго климата.

«Тамъ (въ торпѣ) сидѣла спокойно разумная Анна съ сыномъ и дочерью. Кончилась недѣля съ своими трудами; отдыхаетъ веретено и молчитъ

станокъ ткацкій: забыта всякая работа; сложа руки и распустивъ на волю заботы, всѣ сидятъ на лавкѣ; нищій Аронъ забавляетъ ихъ, играя польской на варганѣ.

«Весело было слушать его мастерскую игру: какъ золотая струна звенѣлъ во рту его желѣзный варганъ.»

Скоро однако жъ онъ прерываетъ игру, чтобы для праздника явиться опрятнѣе обыкновеннаго, и когда Анна, увидѣвъ его какъ-бы преображеннымъ, удивляется его виду, онъ съ трубкою въ рукахъ отвѣчаетъ: «Да, если бъ какой-нибудь родственникъ или старый мой знакомый пришелъ сюда изъ пустыннаго Сонни и увидѣлъ меня здѣсь при свѣтѣ лучины, онъ могъ бы сказать: «посмотри, разумная Анна, вотъ Аронъ! Не таковъ онъ былъ въ старые счастливые годы; не былъ удрученъ лѣтами и бѣдностью зажиточный владѣлецъ Сонской мызы: онъ цвѣлъ годами, былъ веселъ какъ царь, былъ всѣми любимъ и уважаемъ!» Вотъ что, можетъ быть, сказалъ бы иной, и со слезами бъ я слышалъ его, и вспомнилъ бы радость лучшей поры.» Умолкъ, и сильнѣе втянулъ въ себя дымъ изъ трубки, и поднялъ взоры, и слеза скатилась по щекѣ его.

«Но, продолжалъ онъ послѣ, мое несчастіе не тяготитъ меня безпрерывно: только изрѣдка, когда я

задумаюсь о Соини и моей мызѣ, которая теперь приноситъ жатву другому, только тогда, если отру глаза жесткимъ рукавомъ, на немъ заблещетъ слезинка. Анна, хочешь ли знать мою судьбу? я раскажу тебѣ все, какъ было.

«У меня была въ Соини мыза Кангасъ, которая одна стоила четырехъ; много въ ней было лѣсу и полей, было и озеро съ зелеными берегами. Эту мызу наслѣдовалъ отецъ мой вмѣстѣ съ ея молодою хозяйкой, и тамъ спокоенъ, какъ лѣтній вечеръ, окончилъ свой вѣкъ. Отъ него имѣніе перешло ко мнѣ, и я въ свою очередь начиналъ старѣть, живя какъ царь въ своемъ богатомъ Кангасѣ. У меня были работники за плугомъ и съ топоромъ въ рукахъ; были и работницы; какъ цвѣты росли вокругъ меня ребята утѣшеніемъ своей матери, надеждою моей старости. Годъ за годомъ я платилъ безъ труда тяжелыя подати; были люди, которые мнѣ завидовали, но всѣ меня уважали, пока не пришло несчастіе и не уничтожило моей радости. Холодная ночь истребила хлѣбъ, еще не сжатый; хищный звѣрь пожралъ почти все стадо. Такъ прожилъ я съ горемъ зиму. Я занялъ ржи и хотѣлъ осенью заплатить этотъ долгъ; но осенью колосья дали не хлѣбъ, а однѣ ледяныя иглы. Работники и работницы оставили домъ мой, подати платить было не-чѣмъ, жизнь требовала хлѣба, а въ печкѣ сохла только кора. Однако жъ еще можно было жить кое-какъ, пока уцѣлѣвшія коровы давали

молоко, чѣмъ запивали мы хлѣбъ изъ коры и такимъ образомъ существовали. Наступило Рождество; мы были изнурены; однако еще перемогались. Вотъ разъ, возвращаясь изъ лѣсу съ ношей коры на спинѣ, встрѣчаю чужихъ у своихъ дверей. «Пріятель, сказалъ одинъ изъ нихъ, заплати-ка долгъ, коли не хочешь, чтобъ съ тебя насильно взыскали его.» Пораженный этимъ, я отвѣчалъ:—оставь, почтенный господинъ; я заплачу, когда Господь позволитъ.—Не говоря ни слова, они вошли въ избу, сняли со стѣны какія у насъ были орудія, забрали все, что еще оставалось изъ платья, и снесли въ сани. Добрая жена моя сидѣла въ постелѣ на соломѣ и плакала, видя это; но она молчала и только старалась унять ребенка, который родился за сутки передъ тѣмъ и жалостно кричалъ на ея груди. Я пошелъ вслѣдъ за жестокими и вынесъ послѣднее, что еще можно было заложить: я былъ равнодушенъ какъ сосна, когда топоры стучатъ у корней ея. Но на дворѣ произвели оцѣнку моимъ вещамъ; онѣ не покрывали половины моего долга. «Пріятель, сказали мнѣ: мало; да нѣтъ ли у тебя коровъ на скотномъ дворѣ? Сказавъ, тотчасъ пошли въ хлѣвъ, гдѣ коровы мычали отъ голода. Ихъ отвязали, и начали выводить; бѣдныя животныя сопротивлялись и печально оставляли мѣста свои. Шесть изъ нихъ уже были приведены къ санямъ; седьмая, самая тощая и слабая, никакъ не хотѣла идти, и мнѣ изъ милости позволили удержать ее. Молча отправился я въ избу и отворилъ дверь. «Аронъ, другъ

мой, сказала жена моя, лежа на кровати, дай чѣмъ-нибудь утолить голодъ: я такъ голодна! и капля молока была бы мнѣ утѣшеніемъ: мнѣ хочется пить, ребенокъ не находитъ болѣе пищи.» У меня потемнѣло въ глазахъ. Съ трудомъ добрался я до хлѣва. Корова стояла повѣся голову и жевала солому. Я хотѣлъ подоить ее, но напрасно хватался дрожащею рукой то за одинъ, то за другой сосецъ — изъ нихъ не выходило ни капли молока. Наконецъ я въ отчаяніи пожалъ ихъ сильнѣе, кровь показалась на днѣ ведра. Въ бѣшенствѣ, какъ медвѣдь, которому копье пронзило грудь, я пошелъ въ избу, взялъ хлѣбъ съ шеста (NB. онъ печется въ видѣ лепешекъ съ дырой въ серединѣ, которыя сушатся на шестахъ, протянутыхъ подъ крышею), разрубилъ его топоромъ, и во всѣ стороны полетѣли куски черной коры. Я снесъ ихъ женѣ: «вотъ, сказалъ я, все, что у насъ осталось: ѣшь и накорми ребенка». Она взяла кусочекъ, молча повертѣла его въ рукахъ, поглядѣла на него; потомъ прижала дитя ко груди, и безъ чувствъ упала навзничь на солому. Я скорѣй надѣлъ лыжи и побѣжалъ къ ближайшему сосѣду; до него была только трубка табаку при скорой ходьбѣ (NB. Финскіе крестьяне, между собой, считаютъ дорогу числомъ трубокъ табаку, которыя можно выкурить отъ мѣста до мѣста). Я попросилъ у него помощи, и онъ по-братски подѣлился со мной своимъ имуществомъ. Съ бутылкой молока на спинѣ возвратился я поспѣшно домой. Въ дверяхъ услышалъ я печальный вопль, и когда во-

шелъ, то увидѣлъ, что двое старшихъ дѣтей, рыдая, стояли возлѣ матери; одинъ трясъ ее за руку, а другой за кудрявую голову; но она лежала неподвижно и безмолвно; смертная блѣдность покрывала одеревенѣлыя щеки, на глазахъ лежала ночь. Такъ все погибло, и прекрасный Кангасъ превратился въ пустыню. Я поднялъ руки къ небу, взялъ посохъ и пошелъ, и потащилъ за собою дѣтей на салазкахъ: такъ скитался я, сѣдой, изъ прихода въ приходъ и просилъ милостыни. Но время исцѣлило печаль: дѣти цвѣтутъ опять на чужихъ дворахъ; а я съ довольнымъ сердцемъ вымаливаю свой хлѣбъ и играю на своемъ варганѣ, какъ кузнечикъ, который, сидя на изсохшемъ листѣ, поетъ и въ пасмурное время.»

«Вотъ что разсказывалъ честный Аронъ, и добрая Анна слушала его со слезами. Когда же онъ кончилъ, она рукавомъ отерла себѣ щеку и рѣсницу, покачала головой, заплакала, и побѣжала въ свою кладовую, откуда принесла, чѣмъ поподчивать Арона.

«Вдругъ Петръ вошелъ въ сѣни, отперъ скорѣе скрыпучую дверь избы, топая, сбилъ снѣгъ съ своихъ ногъ, и сѣлъ у стола на почетномъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ лавка угломъ сходится съ лавкою. Закуривъ трубку и положивъ мѣховую шапку свою на столъ, онъ весело пустилъ длинную струю дыма и сказалъ съ улыбкой: «Ну, Анна, не скоро твой братъ воротится отъ

Гедды; онъ пойманъ, какъ щука на удочку; коли хочешь, поѣдемъ вечеромъ всѣ вмѣстѣ отпраздновать помолвку его въ господскомъ домѣ.»

Въ радости всѣ поспѣшно готовятся къ отъѣзду. Одѣвшись, Аронъ началъ: «пора мнѣ, добрый Петръ, сказать вамъ спасибо и отправиться: вѣдь я ужъ цѣлыя сутки гощу подъ вашей крышей. На господскомъ дворѣ увижу я сегодня многихъ достаточныхъ людей, которые ко мнѣ такъ же ласковы, какъ ты, и вѣрно пригласятъ меня къ себѣ.» Онъ взялъ посохъ, сбираясь итти.

«Но честный Петръ остановилъ его и сказалъ: «Аронъ, я не дамъ тебѣ въ семьдесятъ лѣтъ итти отъ меня пѣшкомъ, когда у насъ въ избѣ есть лошади. Тебѣ это было бы трудно, а меня осрамило бы въ глазахъ цѣлаго прихода. Нѣтъ, ты поѣдешь, а сынъ мой, у котораго ноги попрытче, отправится на лыжахъ.» Старикъ, обрадованный предложеніемъ, сѣлъ дожидаться передъ огнемъ.

«Скоро вышла Анна, роскошно убранная и пестрая какъ лѣто: на ней было шерстяное платье съ красно-зеленой каймой, шею покрывалъ платокъ изъ выбойки. Уже и мать и дочь были готовы къ отъѣзду. Карлъ заложилъ лошадь, въ сани снесли мѣховую полость, и вся семья отправилась, ожидая веселья и пляски. Только Паво остался дома на печи, вытя-

гивая то одну, то другую ногу. Ему не хотѣлось тревожиться и зябнуть; должность домоваго сторожа болѣе плѣняла его, и онъ предпочелъ веселью покой и жаръ, и дымъ, и общество ребятишекъ да кузнечиковъ.»

VII. Петръ везетъ жену свою, дочь и Арона. Дорогою нищій, хваля гостепріимство, съ какимъ его принимаютъ крестьяне, расказываетъ, для противоположности, что̀ однажды испыталъ онъ, отправившись просить милостыни въ городъ. «Былъ неурожай, въ приходахъ голодали, крестьянинъ сталъ скупъ, нищему приходилось плохо. Въ городѣ, думалъ я, живетъ народъ побогаче; тамъ вѣрно нѣтъ недостатка въ тучныхъ поляхъ. Вотъ я и отправился, съ трудомъ вымаливая хлѣбъ по дорогѣ. Старыя ноги часто отказывались отъ ходьбы, и котомка, хоть пустая, тяготила спину. Наконецъ, весь испитой отъ голода, я дотащился кое-какъ до мѣста, и увидѣлъ чудо изъ чудесъ, увидѣлъ, друзья мои, то, чего никогда еще не видывалъ: передо мной стояли дома, но вокругъ нихъ не было полей съ пашнями и лугами, не было ни клочка земли, который приносилъ бы хоть трубку табаку, а все только одни дома, высокіе, разноцвѣтные, съ окнами, ну, заглядѣнье! Они тянулись длинными пестрыми рядами, между которыми пересекалось множество дорогъ. На дорогахъ слышенъ былъ безпрестанный шумъ, будто громъ или буря; взадъ и впередъ ѣздили тележки о четырехъ колесахъ, обитыя сереб-

ромъ, красивыя, похожія на цѣлые дома; стукъ копытъ, хлестъ кнутьевъ, крикъ кучеровъ и шумъ колесъ сливались въ ужасный гулъ, отъ котораго окна и стѣны дрожали. Не зная заботъ, проводя дни въ веселье, сидѣли въ повозкахъ господа и барыни съ золотыми украшеніями: такъ мотылекъ въ пестромъ нарядѣ своемъ сидитъ на цвѣткѣ, который колышется теплымъ вѣтеркомъ.

«Въ изумленіи крался я вдоль стѣнъ; шапку держалъ я въ рукахъ и часто останавливался, кланяясь; но люди проѣзжали мимо, даже не посмотрѣвъ на меня. Такъ очутился я, никѣмъ не замѣченный, на открытомъ мѣстѣ, ровномъ, вымощенномъ каменьями, окруженномъ великолѣпными домами. Тутъ я остановился и, видя себя въ безопасности, спокойно сложилъ руки на-крестъ, началъ любоваться тѣмъ, что меня окружало. Особенно прекрасенъ былъ одинъ домъ, величиной съ деревню, вышиной съ гору. Я не могъ надивиться ему; конечно его строили великаны, потому-что это трудъ не человѣческій. Близехонько отъ меня кто-то прилежно мелъ дорогу и метлою складывалъ грязь въ кучи. Желая распросить его обо всемъ, я наконецъ завелъ съ нимъ разговоръ: «скажи, почтенный, церковь что ли это, или какое-нибудь строеніе для государя; отъ удивленія я самъ не свой.» Онъ не сказалъ ни слова, только закусилъ губу и усмѣхнулся лукаво, а между-тѣмъ затѣвалъ безсовѣстную проказу. Только-что я отвернулся, онъ опустилъ

метлу свою въ лужу и вдругъ ударилъ меня по спинѣ: на выстиранномъ камзолѣ моемъ осталось черное пятно.

«Я съ огорченіемъ пошелъ далѣе, видя, что заводить ссору было бы не кстати: признаюсь, я трусилъ, какъ пѣтухъ на чужомъ дворѣ; но меня ожидали еще другія несчастія. Какой-то мальчишка въ лохмотьяхъ, поджарый, запачканный, видѣлъ, какъ тотъ меня ударилъ: съ громкимъ хохотомъ захлопалъ онъ въ ладоши, запрыгалъ и, оглядываясь на всѣ стороны, сталъ кликать своихъ товарищей. Въ минуту поднялся страшный гвалтъ: босикомъ бѣжали справа и слѣва мальчишки, забрызганные грязью; увидѣвъ нищаго, они съ весельемъ закричали, стали прыгать около меня. Кто посмѣлѣе, подбѣжитъ и ударитъ меня, другой только грозитъ и лягается какъ лошадь, третій бьетъ себя по колѣнамъ и поноситъ меня замысловатою бранью. Рѣзвая шайка часъ отъ часу увеличивалась, все смѣлѣе и смѣлѣе нападала на меня. Я отъ стыда и досады сыпалъ ругательствами, бросаясь то въ одну то въ другую сторону. Наконецъ поймалъ я хитростію однаго изъ шалуновъ; швырнулъ его въ толпу; а другаго опрокинулъ какъ кеглю; потомъ разомъ схватилъ обоихъ и тяжеловѣсной рукой наказалъ ихъ. Между-тѣмъ какъ они визжали и барахтались, другіе съ крикомъ разбѣжались. Тотчасъ собралось множество народу; два человѣка со шпагами схватили меня и повели по доро-

гѣ, а вокругъ насъ шумѣла цѣлая толпа. Меня посадили въ тюрьму. Когда дверь за мною замкнули, у меня сердце такъ и обмерло: я сѣлъ и заплакалъ, и сталъ думать о томъ, какъ бывало всѣ меня почитали, и какъ я теперь подъ-старость долженъ сидѣть съ преступниками, не видя ни неба, ни свѣта.» Далѣе онъ разсказываетъ, какъ два преступника, тамъ же заключенные, нашли способъ сдѣлать въ стѣнѣ отверзтіе, и какъ онъ вмѣстѣ съ ними освободился. Между-тѣмъ конь подвигался проворно, и скоро сани остановились на господскомъ дворѣ. Къ удовольствію пріѣхавшихъ пирушка уже началась; «будто солнце, сіялъ свѣтъ изъ дымившихся волоковыхъ оконъ; дверь была настежъ, изъ нея летѣли звуки шумнаго польскаго, наполнявшіе просторныя сѣни.» Новые гости входятъ въ избу.

VIII. Эту пѣснь поэтъ съ намѣреніемъ начинаетъ торжественными словами: «Пѣснь, раскажи все, что разумный Петръ увидѣлъ въ избѣ, когда онъ, вошедши, съ изумленіемъ остановился у двери. Двенадцать тѣсно столпившихся паръ кружились въ польскомъ: женщины горделиво, съ повелительными взорами, а мужчины — наклоня покорно голову и потупя глаза. Предъ всѣми отличался Матвѣй, который, болтая, водилъ кругомъ почтенную Анну и Гедду, тогда-какъ на ближней лавкѣ два человѣка играли на скрипкахъ съ струнами изъ конскаго волоса, соглашая звуки смычка съ варганами.

«Близъ стола, одинокъ и какъ царь величавъ, сидѣлъ отецъ невѣсты, Захаръ; сложивъ руки на груди, смотрѣлъ онъ на пляску, когда только не былъ занятъ пивною кружкой. Противъ него у пылавшаго очага грѣлся нищій Аронъ, поправляя свой варганъ, а возлѣ Арона тихо покачивалась старая Ревекка и гладила кошку, которую держала у себя на колѣнахъ. Между-тѣмъ Русскій купецъ, бородатый Онтрусъ, клпками оживлялъ суматоху и разводилъ слишкомъ тѣсные ряды плясавшихъ. Двухъ товарищей онъ уже запряталъ подъ лавку, и они безопасно покоились тамъ; третьяго онъ съ трудомъ держалъ въ своихъ объятіяхъ. Этотъ молодецъ, хотя уже едва стоялъ на ногахъ, все еще сопротивлялся и никакъ не хотѣлъ оставить веселой пляски. Наконецъ Онтрусъ, насилу протолкавшись сквозь толпу, притащилъ и его къ скамьѣ. На все это Петръ смотрѣлъ съ удивленіемъ; потомъ онъ пошелъ къ столу, и сѣлъ тамъ съ важнымъ видомъ.»

Между-тѣмъ пляска все продолжалась и еще болѣе оживилась, когда одинъ изъ скрипачей передалъ смычокъ Арону. «Всѣ лица свѣтились потомъ, лучина вылетала изъ свѣтцовъ, стулья и лавки передвигались безпорядочно. Крики падающихъ, мѣрный топотъ, громкій хохотъ, облака дыма — все это сливалось въ ужасную суматоху, полъ гнулся и трещалъ.»

«Когда отплясали польскій и скрипки съ варганомъ замолкли, Анна слегка дернула мужа за платье и, отведя его въ уголъ, съ таинственнымъ видомъ шепнула ему: «не уговоришь ли ты Захара, чтобы онъ будущему зятю и дочери своей сказалъ поученіе, которое бы они всегда почтительно помнили и свято исполняли. Такъ водилось у отцовъ: выдавая дочерей за-мужъ, они говорили золотыя слова, увѣщевая обрученныхъ, и супруги никогда не забывали благоразумныхъ совѣтовъ. Пусть же и Захаръ скажетъ нѣсколько словъ: это нужно и ради жениха съ невѣстой и ради гостей, чтобы ихъ обрученіе было торжественнѣе.»

«Петръ отвѣчалъ ей въ полголоса: «теперь еще рано просить Захара: въ началѣ пирушки онъ не любитъ, чтобъ ему мѣшали пить, и неохотно отвѣчаетъ сосѣду; но когда онъ посидитъ немного передъ штофомъ и грѣющее пиво развяжетъ ему языкъ, тогда слова польются у него такъ же обильно, какъ весной пузыри показываются на игривомъ потокѣ. Тогда всякій, кто ни подойдетъ къ нему, невольно заслушается — будетъ ли онъ разсказывать что-нибудь или поучать молодыхъ парней; тогда авсякой дорого заплатилъ бы за такое краснорѣчіе и такой разумъ. Поэтому лучше подожди немного; добрый старикъ скоро самъ отъ себя исполнитъ твое желаніе. Видишь, какъ у него яснѣетъ лицо, какъ онъ улыбается любимому напитку; онъ радует-

ся какъ утка, когда она ныряетъ въ заливѣ; онъ оживляется какъ лугъ, орошаемый дождемъ. Ты между-тѣмъ постарайся возбудить веселый разговоръ, или уговори молодежь устроить чинный минуетъ; а мое дѣло будетъ разшевелить языкъ у Захара.»

«Онъ оставилъ Анну, довольную этимъ отвѣтомъ, и взялъ со стола штофъ и сказалъ другу своему: «по старой памяти выпьемъ, Захаръ, вмѣстѣ; бывало, мы и въ черные дни пили съ веселымъ духомъ: бренный человѣкъ всегда долженъ быть веселъ, какъ рѣзвая бѣлка, которая на невѣрной корѣ сосновой плыветъ съ волны на волну и спокойно ждетъ берега.»

«Пока они пили и разговаривали, музыканты опять настроили скрипки, и начался минуетъ. Мало по малу вокругъ стола присоединились къ Петру и многіе изъ тѣхъ, которые, не любя веселой пляски, искали въ замѣнъ ея пѣнистаго пива и смѣха и разговоровъ. Въ числѣ другихъ подошелъ и Онтрусъ.

«Петръ, дразня его, сказалъ: «Какъ же это, братецъ, ты мастеръ плясать, а не пляшешь? видно, трусишь лукавства женщинъ; боишься, что онѣ заколдуютъ тебя, что на зло твоей хозяйкѣ, которая осталась въ богатомъ Архангельскѣ, дѣвушки вымапятъ у тебя въ подарокъ по платочку?»

«Но Онтрусъ подсѣлъ ближе къ нему, взялъ его за руку и сказалъ: «не боюсь я этаго, добрый Петръ, и охотно поплясалъ бы съ другими, потому-что пѣсни и пляска лучше всего; но не скоро найти мнѣ дѣвушку, которая бы не пренебрегала мною; къ иной я подойду ласково и протяну руку, но она, испугавшись моей бороды, убѣгаетъ прочь и смѣется, а за ней и другія хохочутъ. Ни одна и не воображаетъ, что у чужаго человѣка также есть сердце, которое можно и обрадовать и огорчить. Если ты, другъ, хочешь сдѣлать мнѣ удовольствіе, скажи пожалуста имя и званіе нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые здѣсь веселятся въ честь Матвѣю.»

Петръ съ самодовольствіемъ и гордостію называетъ Онтрусу своихъ родныхъ, хвастая ихъ достоинствами. Онтрусъ, при его описаніяхъ, вспоминаетъ и свою далекую семью; жалуется на жребій, заставляющій его скитаться на чужбинѣ, и плачетъ отъ умиленія.

IX. Петръ, напротивъ, плачетъ отъ радости, при мысли, какимъ миромъ и счастіемъ его семья наслаждается вмѣстѣ съ нимъ. Между-тѣмъ Захаръ, вставъ съ своего мѣста, идетъ къ Матвѣю и Геддѣ, сидящимъ другъ подлѣ друга на лавкѣ; онъ беретъ ихъ за руку, и начинаетъ поучать ихъ. Простая, но исполненная истины рѣчь его, превосходная въ сти-

хахъ, потеряла бы въ нашемъ переводѣ слишкомъ много, и потому мы не станемъ касаться ея.

Когда Захаръ кончилъ и опять сѣлъ на прежнее мѣсто, коммисаръ, давно смотрѣвшій на беззаботнаго Арона, подалъ ему кружку пива и сказалъ, чтобы онъ бросилъ нищенскій посохъ и уже навсегда оставался здѣсь, на господскомъ дворѣ, проводя старость безъ горя и заботъ.

Аронъ съ умиленіемъ принялъ кружку. Онъ такъ высоко поднялъ лицо, что крупная слеза едва могла скатиться съ рѣсницы его. Въ трогательныхъ словахъ изъявляетъ онъ радость свою, что теперь уже не будетъ скитаться безъ пристанища и съ большой дороги глядѣть въ нетерпѣливомъ ожиданіи на всякое кладбище. «Аронъ, думалъ я тогда, и послѣднему въ деревнѣ, чрезъ которую ты проходишь, дано утѣшеніе и пристанище въ пріютной оградѣ; ты одинъ не знаешь, гдѣ склонишь нѣкогда усталую голову для покоя. Такъ думалъ я, добрый господинъ, и спѣшилъ далѣе. Теперь я могу почитать себя счастливымъ: у меня есть убѣжище, гдѣ я могу жить и умереть; можетъ быть, другъ остановится передъ могилою моей и скажетъ: здѣсь лежитъ старикъ Аронъ; уже надъ озеромъ не слышно утреннихъ пѣсень его; въ избѣ ужъ не звучитъ его варганъ, но онъ здѣсь покоится въ мирѣ.» Сказалъ, и заплакалъ отъ радости, и выпилъ пѣнистое пиво.» Прочіе слушали, а

потомъ снова принялись за пляску. Такъ до утра пировали въ избѣ, празднуя счастливую охоту и обрученіе.

Вотъ блѣдная тѣнь «Стрѣлковъ» Рунеберга. Сами лучше всѣхъ чувствуемъ, до какой степени она недостаточна къ тому, чтобы дать понятіе о поэмѣ. По крайней мѣрѣ изъ этаго очерка читатель могъ узнать содержаніе цѣлаго и ходъ поэта въ развитіи какъ общей мысли его, такъ и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ ея вѣтвей. Простъ, какъ всякій видитъ, планъ «Стрѣлковъ»; такъ же просты и всѣ частности идилліи; кажется, будто ничто въ ней не стоило поэту ни малѣйшаго усилія, будто онъ всѣ черты ея нашелъ уже готовыми и только перепесъ ихъ на бумагу. Одинъ Шведскій, впрочемъ довольно поверхностный, критикъ справедливо замѣтилъ, что видимая безъискуственность «Стрѣлковъ» могла бы иному внушить мысль, будто вся поэма произведеніе не искуства, а самой природы. Дѣйствительно, изучивъ ее, нельзя не удивляться истинѣ, какою исполнены и всякое лицо отдѣльно и всѣ явленія, происходящія отъ взаимныхъ отношеній между сими лицами. Каждое изъ нихъ остается въ воображеніи читателя съ своею особенною физіономіею, рѣдко отдѣляющеюся отъ всего, что ее окружаетъ, и однако жъ всѣ они, кромѣ странствующихъ купцовъ, запечатлѣны однимъ общимъ національнымъ характеромъ, этимъ честнымъ добродушіемъ, этимъ свѣтлымъ внутреннимъ спокойствіемъ

и довольствомъ въ бѣдности и въ самомъ несчастіи, которыя составляютъ отличительное свойство неразвращеннаго Финна. Одно только лицо между Финнами Рунеберга не похоже въ семъ отношеніи на остальныя: это старая, угрюмая Ревекка. Она поставлена поэтомъ посреди общаго веселья какъ будто для выраженія того противорѣчія, какое встрѣчается во всѣхъ человѣческихъ отношеніяхъ. Когда другіе радуются, хохочутъ и пляшутъ, она сердится, ворчитъ и проклинаетъ; когда вокругъ нея наслаждаются полнотою жизни, она думаетъ и говоритъ со слезами о смерти; однако жъ и Ревекка, являясь въ послѣдній разъ передъ глазами читателя, становится причастна веселью другихъ. Тронутая вниманіемъ владѣльца, который, посреди шумной пляски (въ 8-й пѣсни), самъ подвелъ и посадилъ ее къ столу, она «забыла свое горе и, тихо покачиваясь, благословляла въ душѣ и старыхъ и молодыхъ». Всѣ люди, изображаемые Рунебергомъ, не мертвыя исчадія боязливаго труда и не глашатаи какихъ-нибудь авторскихъ идей, зарожденныхъ въ тлетворной атмосферѣ кабинета или въ борьбѣ ослѣпляющихъ страстей. Какъ бы совершенно забывая самаго себя, онъ спокойно наблюдаетъ таинственную природу во всѣхъ ея явленіяхъ, и выполняетъ скромное, по видимому, призваніе быть ея вѣрнымъ живописцемъ. Онъ любитъ мысленно ставить себя въ чужія положенія и угадывать, рисовать то, что душа въ нихъ ощущаетъ, но онъ предоставляетъ каждому предмету говорить самому за себя и, такъ сказать,

самому собою доказывать свое право на вниманіе. Вмѣсто того, чтобы отъ себя объяснять свои мысли, Рунебергъ, при всемъ ихъ обиліи, при всей ихъ самобытности, охотнѣе воплощаетъ ихъ въ образы и тѣмъ какъ будто скрываетъ ихъ. Его лица *живутъ*, и притомъ каждое своею собственною жизнію; они не его глазами смотрятъ, не его языкомъ говорятъ: какое неподдѣльное, здоровое, теплое дыханіе жизни чувствуется во всѣхъ ихъ словахъ и движеніяхъ! Какъ бы ихъ дѣла и забавы, по нашимъ понятіямъ, ни казались низки, невольно принимаешь въ ихъ поступкахъ и рѣчахъ живѣйшее участіе, потому-что нерѣдко узнаешь въ нихъ свои собственныя ощущенія. Это участіе служитъ лучшимъ доказательствомъ, какъ Рунебергъ вѣренъ природѣ, ибо въ природѣ человѣкъ, при всемъ различіи его положенія въ обществѣ, всегда одинъ и тотъ же. Отъ этаго участія происходитъ, что и самые, на обыкновенномъ языкѣ, неблагородные предметы здѣсь, будучи на своемъ мѣстѣ и притомъ облагороженные вѣяніемъ поэзіи, вовсе не поражаютъ читателя непріятнымъ образомъ. Конечно и брюзгливый глазъ не оскорбился бы, видя въ «Стрѣлкахъ», какъ Петръ надѣваетъ свои черные шерстяные чулки и свои башмаки; какъ хозяйка Гедды считаетъ и записываетъ бѣлье; какъ Аронъ моетъ запачканное лицо и скоблитъ бороду, или, прервавъ игру на варганѣ, снимаетъ съ себя верхній камзолъ и отдаетъ его стирать. Впрочемъ, надобно прибавить: и тутъ отъ

поэта требовалось особенное искуство, чтобы, называя каждый предметъ настоящимъ его именемъ, избѣжать и малѣйшей пошлости въ описаніи. Такъ онъ умѣлъ, безъ всякой принужденной прикрасы, перенести въ свое изображеніе нагую дѣйствительность, и съ тѣмъ вмѣстѣ сохранить все достоинство искуства.

Какъ всѣ части поэмы представляютъ правильную, взаимную соразмѣрность, такъ и въ цѣломъ отличается она стройною, органическою полнотою. Поэтъ идетъ къ цѣли своей прямо, твердымъ и ровнымъ шагомъ. Онъ не позволяетъ воображенію своему ни одпаго *ненужнаго* отступленія, ни одной лишней картины, хотя бы и могъ воспользоваться ею съ блескомъ. Вотъ отъ чего собственно объ охотѣ оленей упоминается въ «*Стрѣлкахъ*» только вскользь, какъ бы мимоходомъ. Мы слышали отъ самаго поэта, что онъ ее описалъ-было подробно въ особой пѣсни, но послѣ уничтожилъ, какъ часть вовсе несущественную въ его поэмѣ. Описаніе охоты могло бы относиться только къ внѣшнему міру безъ всякой связи съ внутреннимъ, и мы догадываемся, что по этой именно причинѣ Рунебергъ поступилъ, какъ сказано. Что касается до ровности идилліи на всемъ ея протяженіи, то замѣчаніе объ этомъ достоинствѣ такъ справедливо, что трудно указать въ подлинникѣ на тѣ мѣста, которыя заслуживали бы особенное предпочтеніе. Если бъ при всемъ томъ насъ заставили

назвать лучшія пѣсни, то мы выбрали бы 4-ю, приведенную здѣсь почти вполнѣ, и потомъ 8-ю, въ которыхъ и самыя сцены и краски достигаютъ наибольшей живости.

Наконецъ надобно сказать нѣсколько словъ и о внѣшнихъ принадлежностяхъ поэмы, ея языкѣ и стихахъ. Шведскій языкъ подъ перомъ Рунеберга—чего никто не оспариваетъ у него—развиваетъ послушно всѣ свои обильныя средства. Стихи Рунеберга вообще носятъ печать классической отдѣлки; такъ же искусно владѣетъ онъ и размѣромъ «Стрѣлковъ»—экзаметромъ, который изучилъ со всѣми тонкостями въ его совершеннѣйшихъ образцахъ у Грековъ. Критика уступаетъ Рунебергу одно изъ первыхъ мѣстъ въ малочисленномъ ряду тѣхъ Шведскихъ поэтовъ, у которыхъ экзаметръ особенно изященъ. Онъ въ этомъ отношеніи раздѣляетъ славу съ Тегнѣромъ, Стагнеліусомъ и съ Адлербетомъ (переводчикомъ Древнихъ).

Послѣ всего изложеннаго едва ли нужно говорить, какъ высоко въ Финляндіи цѣнятся «Стрѣлки» всѣми, для которыхъ литература не совсѣмъ чуждое дѣло. Многіе давно желаютъ, чтобы столь занимательная картина нравовъ Финскаго поселянина сдѣлалась и ему самому доступною, и потому Финское литературное общество давно уже назначило премію въ 200 руб. тому, кто представитъ лучшій Финскій переводъ «Стрѣлковъ», сохранивъ въ немъ размѣръ,

подлинника. Кто-то дѣйствительно исполнилъ этотъ трудъ, но переводъ не былъ признанъ удачнымъ. Новаго опыта, не смотря на повторявшееся нѣсколько разъ назначеніе преміи, послѣ того еще не являлось.

Самая подробная и вмѣстѣ остроумная оцѣнка «Стрѣлковъ» сдѣлана Цигнеусомъ въ книжкѣ: *Весеннія ледяныя иглы.* Какъ мыслящій поэтъ и притомъ самъ чистый Финнъ, онъ конечно могъ лучше всякаго другаго исполнить долгъ критика въ отношеніи къ труду своего геніальнаго собрата. Мы выпишемъ изъ его сужденія одно мѣсто, которое, кажется намъ, будетъ здѣсь наиболѣе кстати и притомъ замѣчательно сколько по оригинальности мыслей, столько же и по способу ихъ выраженія:

«Въ Стрѣлкахъ» представленъ Финскій крестьянинъ въ настоящей его стихіи, посреди трескучихъ морозовъ Сѣверной зимы, посреди желѣзной природы, которую онъ можетъ одолѣть не иначе, какъ напряженіемъ всей своей мужественной силы. И онъ является важенъ, спокоенъ, могущъ; для побѣды надъ нимъ недостаточно жаркой, мгновенной битвы; онъ уступаетъ только послѣ долгой, упорной борьбы на жизнь и на смерть. Видно, что онъ не привыкъ принимать подарковъ, но отъ того онъ и цѣнитъ такъ дорого добычу, которую принесетъ къ себѣ; отъ того и глядитъ привѣтливымъ взоромъ на побѣжденныя трудности, какъ великодушный воинъ на своего плѣнника;

отъ того сквозь грубую оболочку его просіяваетъ изъ глубины души свѣтъ довольства, озаряющій тихимъ блескомъ все, что ни окружаетъ его.

«Кажется, будто въ этой поэмѣ богиня пѣсенъ мчится на лыжахъ по снѣжной поверхности, и снѣгъ трещитъ, но легко несетъ ее на себѣ; иней осыпаетъ алмазами ея одежду и рѣсницы, но сердце у нея согрѣто всею теплотою жизни. Быстро, какъ зимняя вьюга, летящая надъ серебряными вѣнцами сосенъ, несется она мимо знакомыхъ предметовъ и узнаетъ ихъ, хотя и покрытые непроницаемой шубою медвѣдя. И далече видитъ вѣрное око ея, хотя иногда отъ чрезмѣрной стужи и тускнѣетъ въ глазахъ. Какъ путникъ среди морозной ночи съ наслажденіемъ входитъ въ пріютную хижину, къ которой дальній огонекъ давно уже манилъ его, гдѣ трещитъ привѣтное пламя и окостенѣлую руку пришлеца жметъ теплая дружеская рука: такъ муза поэта входитъ въ гостепріимныя жилища, стряхнувъ съ себя вмѣстѣ съ снѣгомъ и всякое воспоминаніе о трудностяхъ дороги. Когда же потомъ раздастся ея голосъ, когда она запоетъ о томъ, что видѣла и видитъ; тогда передъ нами на крыльяхъ сладкозвучія начнутъ носиться рѣчи, такъ вѣрно выражающія національный характеръ Финновъ. Я всегда чувствую неизъяснимое впечатлѣніе, когда наблюдаю, какъ черная ночь хлещетъ дождевыми каплями о наружную сторону окна, между тѣмъ какъ на внутренней зыбкое пламя очага ри-

суетъ алые узоры. Почти то же чувствовалъ я, вслушиваясь въ эти пѣсни. Съ одной стороны являлся мнѣ Финскій крестьянинъ то на своей пашнѣ, гдѣ «колосья приносятъ ему не хлѣбъ, а ледяныя иглы», то въ тѣ минуты, когда онъ передъ лицомъ неизбѣжнаго и незаслуженнаго бѣдствія стоитъ «равнодушенъ, какъ сосна, когда топоры стучатъ у корней ея.» Съ другой стороны я знакомился съ нимъ короче, когда онъ, «утирая глаза жесткимъ рукавомъ», осушалъ горячую слезу, или на щепахъ своего разбитаго счастія весело игралъ на варганѣ, «какъ кузнечикъ, который, сидя на изсохшемъ листкѣ, поетъ и въ пасмурное время,» или «съ сердечнымъ спокойствіемъ пилилъ на скрипкѣ», между-тѣмъ какъ «глаза его такъ сіяли миромъ, что походили на звѣзды небесныя».

*

Вотъ нѣсколько новостей изъ здѣшняго литературнаго міра *; онѣ относятся частію къ началу нынѣшняго года, а частію и къ концу прошлаго.

Первое между ними мѣсто принадлежитъ безспорно обширному ученому труду г. Нордстрема, однаго изъ самыхъ способныхъ и дѣятельныхъ профессоровъ Александровскаго Университета. Книга его, написанная на Шведскомъ языкѣ и напечатанная въ Гельсингфорсѣ, содержитъ въ себѣ *исторію государ-*

* Извлечено изъ письма Редактору Современника.

ственнаго устройства Швеціи (Bidrag till den svenska samhälls-författningens historia) и свидѣтельствуетъ о глубокихъ и многолѣтнихъ изслѣдованіяхъ. Она составитъ не только въ Шведской, но и вообще въ Европейской ученой литературѣ явленіе тѣмъ болѣе замѣчательное, что это едва ли не первое подробное сочиненіе по упомянутому предмету. Оно состоитъ изъ двухъ толстыхъ частей in 8-o большаго формата; въ первой 387 стр., въ другой 855; его изданіе болѣе нежели опрятно. Чтобы рѣшиться на произнесеніе приговора объ этой книгѣ, надобно быть по крайней мѣрѣ равнымъ сочинителю въ познаніяхъ по его части; и такъ мы вѣроятно не скоро дождемся удовлетворительнаго отзыва о трудѣ его. Неутомимые Нѣмцы, отъ вниманія которыхъ не укроется ни одинъ уголокъ въ мірѣ, гдѣ только водятся ученые и книги, конечно не оставятъ воспользоваться и этою новою пищей для своего прилежанія, и сдѣлаютъ сочиненіе г. Нордстрема доступнымъ гораздо большему кругу читателей, нежели какаго оно теперь ожидать можетъ. Прибавлю, что г. Нордстремъ обладаетъ важнымъ достоинствомъ излагать сухія истины науки пзящнымъ, привлекательнымъ образомъ: перо у него легкое, часто даже краснорѣчивое.

Другое, въ своемъ родѣ столь же замѣчательное произведеніе, но еще только печатающееся, есть новая большая поэма Рунеберга въ 9-ти пѣсняхъ. Она

особенно любопытна для насъ, Русскихъ: повѣсть любви, въ ней заключающаяся, происходитъ около Москвы въ царствованіе Екатерины II, и героиня этой повѣсти есть Русская крестьянка, которой имя *Надежда*—и служитъ заглавіемъ поэмы. Не смѣю до времени входить въ дальнѣйшія подробности, чтобъ не разгласить тайны, теперь открытой еще только наборщику. Всѣ, знающіе талантъ Рунеберга, ожидаютъ «*Надежды*» тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ, что здѣсь поэтъ, оставивъ свой любимый, простонародный міръ, вступаетъ въ высшую, доселѣ чуждую ему сферу.

«Надежда» составитъ блистательное выраженіе того общаго участія, которое Финляндія болѣе и болѣе начинаетъ брать въ умственной жизни Россіи. Кажется, въ этомъ отношеніи можно, не обманувшись, принять заглавіе новой поэмы въ смыслѣ имени нарицательнаго и привѣтствовать въ Русской сельской красавицѣ, воспѣтой на Шведскомъ языкѣ, предвѣстницу того радостнаго времени, когда передъ глазами сосѣднихъ намъ народовъ исчезнутъ и остатки тумана, препятствовавшаго имъ донынѣ видѣть Россію въ настоящемъ ея свѣтѣ. Стремленіе Финляндцевъ къ справедливой оцѣнкѣ нашего отечества, такъ поэтически обнаружившееся въ «Надеждѣ», замѣтно и въ общемъ вниманіи, какое здѣшніе періодическіе листки обратили, въ особенности съ нынѣшняго года, на нашу литературу. Еще въ прошед-

шую осень нѣкоторыя изъ ея современныхъ явленій подали имъ поводъ къ спору, который хотя и не показалъ ни съ одной стороны основательнаго знанія предмета, однако жъ примѣчателенъ какъ ясный признакъ пробудившейся въ отношеніи къ намъ любознательности. Въ нынѣшнемъ году была помѣщена «въ Helsingfors' Morgonblad» гораздо болѣе удовлетворительная статья о современной Русской литературѣ, извлеченная изъ однаго Нѣмецкаго журнала, въ Лейпцигѣ издаваемаго. Въ «Borgå Tidning» также встрѣчаются небольшія статьи, служащія къ распространенію свѣдѣній по тому же предмету. Иногда Финляндскіе листки содержатъ въ себѣ переводы мелкихъ Русскихъ сочиненій, преимущественно въ стихахъ. Здѣсь нельзя умолчать о молодомъ литераторѣ, г. Лундалѣ, особенно счастливомъ въ стихотворныхъ переложеніяхъ съ Русскаго на Шведскій языкъ. Между прочимъ перевелъ онъ пятистопными ямбами *Слово о полку Игоревѣ*, и напечатанные изъ его труда отрывки подаютъ много надежды на достоинство цѣлаго. Изъ новыхъ нашихъ поэтовъ онъ всего чаще переводитъ Подолинскаго. Онъ родственникъ извѣстной въ Финляндіи истиннымъ поэтическимъ талантомъ дѣвицы *Августы Лундаль*, живущей въ Таммерфорсѣ. Недавно была напечатана въ одномъ листкѣ пьеска Пушкина *Воронъ къ ворону летитъ*, въ Шведскомъ переводѣ Цпгнеуса. Благодаря Липперту, издавшему на Нѣмецкомъ языкѣ главныя изъ произ-

веденій Пушкина, нашъ поэтъ въ скоромъ времени пріобрѣтетъ новую извѣстность и въ Финляндіи *.

Въ прошломъ году говорилъ я о большомъ собраніи Финскихъ народныхъ пѣсень, отысканныхъ Ленротомъ преимущественно въ Карелiи и печатаемыхъ на счетъ Финскаго литературнаго общества, подъ заглавіемъ: *Кантелетаръ*. Нынѣ вышла въ свѣтъ третья и послѣдняя часть этаго сборника, въ которомъ заключается не менѣе 652-хъ пѣсень различнаго рода и разнаго объема. Между-тѣмъ самъ Ленротъ продолжаетъ странствовать по Финляндіи, но теперь уже съ другою цѣлію. По желанію литературнаго общества, онъ взялся составить полный лексиконъ Финскаго языка, котораго изслѣдованіе въ устахъ самаго народа и составляетъ предметъ его новаго путешествія. Есть уже два Финскихъ лексикона, одинъ подробный съ Нѣмецкими и Латинскими объясненіями (Ренвалля), другой краткій, съ Шведскимъ языкомъ (Гелленіуса); но ни тотъ, ни другой не могутъ назваться удовлетворительными. Къ первому изготовлено однимъ, нынѣ уже несуществующимъ, Финляндскимъ Литераторомъ значительное дополненіе, которое, оставшись послѣ него въ рукописи, передано Ленроту какъ матеріалъ. Для вѣрнѣйшаго успѣха въ предпринятомъ трудѣ Ленротъ на два года уволенъ отъ должности провинціальнаго лекаря; но

* Обстоятельство радостное, если переводъ Липперта хорошъ, въ чемъ есть причины сомнѣваться.

по его собственному расчету, ему нужно будетъ всего 5 лѣтъ для этой работы. Окончивъ недавно свои изысканія въ Карелiи, онъ изъ Петрозаводска намѣренъ былъ отправиться къ Самоѣдамъ. На пути въ Карелію сопровождалъ его нѣсколько времени извѣстный на Сѣверѣ своею благородною дѣятельностію Лапландскій пасторъ *Стокфлетъ*. Хотя онъ самъ по себѣ стоилъ бы особенной статьи, однако жъ я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы сказать о немъ хоть нѣсколько словъ мимоходомъ. Стокфлетъ Норвежецъ и родился въ Христіаніи въ 1787 г. Онъ готовился къ ученому званію и получилъ образованіе въ Копенгагенѣ, но вдругъ почувствовалъ неодолимое влеченіе къ военной службѣ, и оставилъ ученыя занятія. Безуспѣшность его стараній перейти на новое поприще привела его къ скромной долѣ ученика въ столярной мастерской, но тамъ его желаніе исполнилось неожиданнымъ образомъ, и онъ надѣлъ мундиръ. Побывавъ и отличившись въ разныхъ походахъ, онъ, живя нѣсколько лѣтъ у однаго пастора въ Норвегіи, пристрастился къ духовному званію, и въ 1825 г. получилъ мѣсто пастора въ Лапландіи. Здѣсь, изучивъ Лапландскій языкъ, Стокфлетъ посвятилъ себя совершенно религіозному образованію Лапландцевъ. Для успѣшнаго дѣйствія на избранномъ поприщѣ онъ видѣлъ необходимость усовершенствовать самый языкъ ихъ, почему взялся со всѣмъ усердіемъ и за этотъ трудъ. Съ тѣхъ поръ онъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, не жалѣя никакихъ усилій

и пожертвованій, исполняетъ свои человѣколюбивые планы и живетъ единственно для нихъ. Главныя услуги его Лапландцамъ состоятъ понынѣ въ измѣненіи ихъ азбуки, въ сочиненіи Лапландской грамматики и въ переводахъ изъ Священнаго писанія. Подобно Ленроту, онъ уже не разъ предпринималъ дальнія путешествія, при чемъ цѣлію его было совѣщаніе съ учеными филологами. Знаменитый Датчанинъ Раскъ, и самъ много занимавшійся Лапландскимъ языкомъ, охотно призналъ преимущество результатовъ, выведенныхъ въ этомъ отношеніи Стокфлетомъ, и писалъ послѣ, что труды послѣдняго составятъ эпоху въ исторіи образованія помянутаго языка. Въ 1838 году Стокфлетъ провелъ лѣто въ Гельсингфорсѣ и въ другихъ частяхъ Финляндіи, и тутъ въ короткое время ознакомился съ языкомъ Финскимъ. Нынѣ онъ опять жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Остроботніи для филологическихъ совѣщаній съ Ленротомъ, котораго съ этимъ же намѣреніемъ провожалъ и въ Карелію. Въ доказательство, какаго высокаго уваженія заслуживаетъ Стокфлетъ, приведу прекрасныя слова, произнесенныя нынѣшнимъ королемъ Шведскимъ при вручении ему ордена Сѣверной звѣзды: «примите это не какъ награду, ибо одно Небо можетъ наградить васъ, но какъ знакъ, что и король благословляетъ васъ».

Собранная Ленротомъ Финская поэма *Калевала* переведена вполнѣ на Шведскій языкъ, и первая

часть этаго перевода уже напечатана здѣсь, въ Гельсингфорсѣ. Переводчикъ есть молодой доцентъ (преподаватель) Александровскаго Университета *Кастренъ*, одинъ изъ первыхъ знатоковъ Финскаго языка. Посвятивъ себя преимущественно сравнительному изученію Финскихъ нарѣчій, и онъ, какъ Ленротъ, много странствовалъ по Финляндіи; съ одной стороны проникалъ онъ въ Архангельскую губернію, съ другой во внутренность Лапландіи; собиралъ преданія и пѣсни, обращая особенное вниманіе на баснословіе и колдовство древнихъ Финновъ, искалъ всякаго рода памятниковъ старины, изучалъ нравы, обычаи, языкъ. Для вящшей твердости въ своихъ филологическихъ изысканіяхъ онъ, недовольный знаніемъ Исландскаго и Русскаго языковъ, ознакомился еще съ Турецкимъ и съ Арабскимъ. Чтобы короче узнать Русскій, доселѣ извѣстный ему только въ книжномъ употребленіи, онъ желаетъ, по отпечатаніи всего перевода своего, отправиться странствовать по Россіи и даже по Сибири, гдѣ многочисленное народонаселеніе Татарскаго племени обѣщаетъ ему богатое поприще изслѣдованій по его предмету, ибо догадка о родствѣ Финновъ съ Татарами еще не рѣшена окончательно.

Съ цѣлію, близкою къ кругу дѣятельности Ленрота, Стокфлета и Кастрена, находятся здѣсь нынѣ два иностранца, одинъ молодой Венгерецъ *Регули*, другой студентъ Мюнхенскаго Университета *Форстеръ*. Ихъ предметъ—изученіе Сѣверныхъ языковъ и сообще-

ніе соотечественникамъ ихъ вѣрныхъ понятій о Сѣверѣ вообще. Регули, которому изученіе Финскаго языка было очень облегчено родствомъ его съ Маджарскимъ, объясняется свободно какъ на немъ, такъ и на Шведскомъ. Форстеръ, знающій много Южныхъ языковъ, въ короткое время изучилъ и Шведскій. Оба путешественника намѣрены ѣхать отсюда въ Петербургъ, чтобы ознакомиться также съ Россіею и языкомъ ея.

Недавно издана новая подробная карта *Финляндіи*, далеко превосходящая достоинствомъ всѣ, доселѣ существовавшія карты этаго края. Она гравирована на мѣди знаменитымъ профессоромъ Брозе въ Берлинѣ, по порученію издателя, книгопродавца Васеніуса, составлена же съ необыкновеннымъ тщаніемъ умершимъ уже студентомъ здѣшняго университета Эклундомъ, который послѣдніе годы своей жизни съ любовію посвятилъ почти нераздѣльно этому труду. Послѣ карту его нѣсколько разъ просматривали и исправляли хорошо знающіе край литераторы.

Съ нынѣшняго года издается здѣсь на Шведскомъ языкѣ общими трудами нѣсколькихъ лицъ новый журналъ, назначенный исключительно для статей, касающихся Финляндіи. Онъ и называется Suomi (т. е. Финляндія, по-Фински). Въ теченіе года должно явиться, въ неопредѣленные сроки, шесть книжекъ. Первая уже вышла въ свѣтъ. Она издана

извѣстнымъ и у насъ по своей статистикѣ Финляндіи профессоромъ Рейномъ, и вся почти занята чрезвычайно любопытною его статьею объ источникахъ исторіи Великаго Княжества. Въ концѣ изданной книжки редакція обѣщаетъ сообщать читателямъ разные пограничные трактаты и мирные договоры между Россіею и Швеціею. Помѣщенный вслѣдъ за этимъ древнѣйшій такой трактатъ извѣстенъ уже на Русскомъ языкѣ.

Молодой поэтъ *Роосъ* напечаталъ книжку стихотвореній, которыя до сихъ поръ знаю только по наслышкѣ. Говорятъ, что большая часть изъ нихъ не по одному имени принадлежитъ къ области поэзіи.

Въ началѣ Марта три дня сряду были здѣсь ознаменованы собраніями, важными для трехъ учрежденій, тѣсно связанныхъ съ образованіемъ края. $\frac{4\text{-го}}{16\text{-го}}$ числа Финское Литературное Общество собралось для вступленія съ этимъ днемъ во второе десятилѣтіе своего существованія. Цѣль его, какъ вы знаете, содѣйствіе успѣхамъ языка и словесности Финновъ. Такое же общество есть и въ Эстляндіи для коренныхъ тамошнихъ жителей. Здѣшнее считаетъ между членами своими многихъ иноземцевъ, въ томъ числѣ славнаго Нѣмецкаго поэта и филолога Рюккерта, который съ удивительною скоростію изучилъ Финскій языкъ и читалъ Калевалу въ подлинникѣ. Новые члены избираются обществомъ по предложенію однаго изъ

старыхъ, и тѣ, которые участвуютъ въ его собраніяхъ, платятъ при вступленіи 25 руб. асс. — единственный постоянный источникъ доходовъ Общества. При всей этой скудости средствъ, оно въ минувшія 10-ть лѣтъ усердно стремилось къ достиженію своей цѣли, принявъ на себя между-прочимъ издержки по нѣкоторымъ странствованіямъ Ленрота и Кастрена, и по печатанію разныхъ Финскихъ книгъ. Оно обыкновенно собирается въ первую среду каждаго мѣсяца. Нынѣшнее особое засѣданіе было открыто рѣчью, которую произнесъ постоянный доселѣ предсѣдатель Общества, профессоръ Линсенъ. Онъ вкратцѣ обозрѣлъ дѣятельность общества въ истекшее десятилѣтіе и изъявилъ надежды свои на будущее, радуясь особенно вниманію, болѣе и болѣе обращаемому иностранцами на все, что есть въ Финляндіи любопытнаго. Секретарь общества Кастренъ прочиталъ отчетъ его за прошлый годъ. Послѣ, по объявленію г. Линсена, что слабость здоровья не позволяетъ ему оставаться долѣе предсѣдателемъ, въ должность эту былъ избранъ по большинству голосовъ профессоръ Рейнъ.

На другой день также начиналъ второе свое десятилѣтіе учрежденный здѣсь профессоромъ Лауреемъ и нѣкоторыми другими частный Лицей. Главный учредитель произнесъ при этомъ торжествѣ рѣчь

объ общемъ характерѣ нынѣшняго воспитанія. Здѣшній Лицей отвратитъ для Гельсингфорса ощутительный недостатокъ въ учебномъ заведеніи средняго разряда; въ немъ теперь болѣе 70 учениковъ.

Третій день былъ днемъ годоваго собранія здѣшняго Библейскаго Общества. Въ присутствіи многочисленной публики, собравшейся въ большой университетской залѣ, г. Цигнеусъ произнесъ по этому случаю приготовленную имъ рѣчь.

Финская національная поэзія понесла недавно чувствительную для нея потерю. Крестьянинъ Паво Корхоненъ, съ такою легкостію сочинявшій прелестныя пѣсни * и жившій въ Карелiи, умеръ во время небольшаго путешествія, которое предпринялъ, чтобы посовѣтоваться съ врачемъ на счетъ своего разстроеннаго здоровья. Онъ отправился въ лодкѣ, и въ ней черезъ нѣсколько времени былъ найденъ мертвымъ на берегу озера, довольно далеко отъ дома. Литературному Обществу доставлено большое собраніе имъ самимъ переписанныхъ *рунъ* его, которыя предполагается напечатать. Онъ обладалъ удивительнымъ инстинктомъ поэзіи. Однажды ему послали, чтобы услышать его приговоръ, чье-то стихотвореніе. Прочитавъ стихи, онъ подъ ними написалъ стихами же

* См. Совр., 1840. № 3.

изрѣченіе, подобное Гораціевскому, о томъ, что поэтомъ надобно родиться. Смерть Корхонена внушила Цигнеусу стихи, въ которыхъ мнѣ болѣе нравится идея, нежели исполненіе.

Гельсингфорсъ.
Марта, 1841 года.

Я. Гротъ.

ОТДѢЛЬНЫЯ МЫСЛИ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЖАНЪ-ПОЛЯ.

Много есть страданій, которыя не кончаютс
съ жизнію, но оканчиваютъ ее.

Я хотѣлъ однажды представить поэтически са
маго несчастнаго человѣка на землѣ; но страдальче
ское, обезображенное лице взглянуло на меня, и
долженъ былъ отвернуться и не могъ начать.

Несчастіе заставляетъ иныхъ вспомнить о Небѣ
такъ-какъ сильный холодъ будитъ сурковъ, которы
просыпаются вообще только при наступленіи тепла

Цвѣты радости безуханны для насъ подъ-старость, ядовиты въ молодости, а въ среднихъ лѣтахъ хороши.

Вспомните о трупѣ ребенка, найденномъ послѣ 80 лѣтъ безъ малѣйшаго поврежденія. Если бъ ребенокъ жилъ *на* землѣ, а не лежалъ бы *въ ней*: то и тогда стоялъ бы на томъ же мѣстѣ ребенокъ въ лицѣ старика, немного побольше ростомъ, но за то сгорбленный.

Смерть—не наша, а чужая—была бы для насъ ужаснѣйшею вещію, если бъ она не работала ежедневно вокругъ насъ и не раздѣляла бы безпрестанно людей другъ отъ друга на всю земную жизнь. Чужая печаль даетъ намъ силы переносить нашу. Въ противномъ случаѣ, мы бы еще сильнѣе чувствовали, что значатъ слова: «возлюбленное существо на всю жизнь твою для тебя нѣмо, глухо, безъ участія и безъ образа.»

Нечего сожалѣть о смерти 15-ти лѣтняго юноши. Мы обыкновенно жалѣемъ о тѣхъ, о комъ нечего жалѣть, и наоборотъ. Надобно бы читать надгробныя и утѣшительныя рѣчи надъ стариками, которые не хотятъ умирать. Тамъ (въ юношѣ) умираетъ предчувствіе любви съ весенними почками въ маленькой груди. Весной ходилъ бы я на ихъ могилы для того, чтобы мнѣ было весело.

Подъ-старость сокрушаетъ насъ болѣе смерти пожилыхъ, нежели молодыхъ людей; но не потому, чтобы мы боялись своей очереди — такимъ образомъ смерть молодыхъ людей оставляла бы намъ еще менѣе надежды — но потому, что мы уже сжились съ стариками, и отношенія жизни нашей имѣютъ много общаго.

Смерть моего сына объяснила мнѣ пустую жизнь.

Вотъ одна книга (о безсмертіи), которую сыну моему не нужно читать, потому-что онъ уже наслаждается безсмертіемъ. День его похоронъ освящаю я рѣшимостію писать о безсмертіи; его пепелъ да будетъ мнѣ пепломъ феникса.

Сынъ, который находится въ Гейдельбергѣ, можетъ такъ же мало обнять тебя, какъ и тотъ, который въ могилѣ.

Сынъ твой умеръ на 18-мъ году и слѣдственно лишился наслажденій дальнѣйшихъ лѣтъ. Но развѣ всѣ тѣ, которые умерли на 70-мъ году, не лишились наслажденій послѣдующихъ столѣтій? И если вообще рѣчь идетъ о наслажденіяхъ, то сколько тысячъ людей не видѣли Италіи, не видѣли новѣйшихъ художественныхъ произведеній поэзіи? И развѣ цѣлые народы не лишены Христіанства?

Во время грусти мы всегда воображаемъ себѣ умершаго больнымъ, а не цвѣтущимъ. По этой причинѣ гораздо ужаснѣе лишиться въ разлукѣ возлюбленнаго, котораго мы представляемъ себѣ тогда въ полномъ цвѣтѣ, какимъ онъ былъ въ минуту прощанія, нежели видѣть постепенный переходъ разрушающагося человѣка въ разрушившагося.

Сонъ есть скорѣе образъ продолженія жизни, нежели смерти, также какъ и обморокъ. Есть ли въ самомъ дѣлѣ болѣе живое подобіе воскресенія, какъ та минута, когда душа, послѣ совершеннаго отдѣленія отъ чувственнаго міра, вдругъ съ полной, прежней силой возвращается въ міръ?

Умершій есть для меня прошедшее, также какъ и моя юность. Его не стало точно такъ же, какъ и моей весны. Въ сущности конечно всякой человѣкъ чрезъ свое прошедшее находится въ отношеніи ко мнѣ въ томъ же положеніи; но его настоящее заставляетъ меня забывать о томъ. Дикій не говоритъ: онъ умеръ, а скажетъ: онъ *былъ* хорошій человѣкъ.

Любовь не можетъ существовать безъ безсмертія души. Любовь къ существу, которое со всѣми своими достоинствами и со всею любовію можетъ вдругъ исчезнуть, была бы любовь къ образу, привидѣвшемуся

во снѣ, съ тою разницею, что оно исчезло бы не тогда, когда я открою глаза, но тогда, когда онъ закроетъ свои. Любовь походила бы тогда на то, какъ два мертвеца выйдутъ на кладбище изъ гробовъ своихъ, посмотрятъ другъ на друга съ чувствомъ, пройдутъ три шага и лягутъ навѣкъ въ свои могилы. Сердце, потерявшее возлюбленнаго, допускаетъ все, хоть тысячелѣтнюю разлуку, но что-нибудь должно оставаться, и именно то, съ чѣмъ оно разлучено.

Хорошо, что время проходитъ, иначе мы никогда не достигли бы вѣчности.

Богъ вложилъ въ каждаго два побужденія: быть счастливымъ и дѣлать счастливыми другихъ. Такъ-какъ Онъ всякому существу даровалъ любовь, а любовь стремится къ осчастливленію: то Онъ сообщилъ каждому побужденіе распространять чужое счастье. Онъ даровалъ намъ любовь, и надѣлилъ даже животныхъ большей степенью любви, нежели ненависти.

Радость — наши крылья, горе — наши шпоры.

Для меня на свѣтѣ все возвышенно, начиная съ звѣзднаго неба и до морскихъ пучинъ, и то, что ка-

жется малымъ, какъ на примѣръ облачко надо мною или волна на морѣ, окружено большимъ или составляетъ отломанную частицу большаго: песчинки составляютъ степи, а изъ маленькихъ раковинъ образуются отмели и воздвигаются острова. Изъ снѣжинокъ съ Альпійскихъ горъ возстаютъ лавины, громомъ гремятъ въ долинѣ и уничтожаютъ лѣса и селенія. Для меня всякое время года чудесно, даже зима съ ея синеватой блѣдностію, съ ея пространнымъ, спящимъ міромъ, который въ полномъ цвѣтѣ и окриленный встанетъ предъ Майскимъ солнцемъ. Люди всегда чувствуютъ потребность благодарить Бога за вещественное, чувственное счастіе; почему же не чувствуютъ они той же или даже большей потребности благодарить Создателя за пробужденіе въ душѣ прекраснаго, святаго ощущенія?

Рѣка Силемнусъ даетъ забвеніе любезныхъ намъ. Истинно, кто подходитъ къ ея берегамъ, тотъ не нуждается въ водахъ ея, ибо онъ уже напился ихъ.

Если бъ не было Бога, то для меня не было бы и радостей; потому-что всѣ наслажденія жизни не существовали бы для меня, если бъ не было духа, котораго бы слѣдовало за нихъ благодарить.

Душа дѣйствуетъ на тѣло такъ же сильно, какъ тѣло на душу; но изъ этаго не слѣдуетъ заключать объ ихъ тождествѣ.

Двѣ вещи положительны: любовь Божія, выражающаяся въ осчастливленіи каждаго существа, и страданія людей, изъ коихъ духовныя сильнѣйшія.

Старый пасторъ и его жена сидѣли рядомъ. Они смотрѣли другъ на друга глазами блестящими изъ-подъ сѣдыхъ рѣсницъ, глазами, въ которыхъ прежде запылала первая любовь; они, которые уже одни только помнили прежнюю красоту свою и отыскивали ее съ восторгомъ въ лицахъ любезныхъ дѣтей своихъ; они, которые были связаны въ теченіе жизни цвѣточными и желѣзными цѣпями, они ожидали, чтобы змѣя вѣчности обвила ихъ какъ послѣднимъ земнымъ кольцомъ...

Нѣтъ, я не смѣю описывать воспоминанія и радости супруговъ, которые стоятъ рука въ руку, согбенные предъ низкими вратами смерти другаго міра, предъ длинной хладной катакомбой... Но какаго-нибудь старика или какую-нибудь старушку, которые будутъ читать меня, хочу я обрадовать сердечнымъ участіемъ къ ихъ непризнаннымъ чувствамъ,

высокимъ уваженіемъ къ нѣмѣющимъ людямъ, забываемымъ юнымъ, шумнымъ поколѣніемъ, сердечною любовью къ каждой груди, которая была нѣкогда согрѣта чувствомъ, къ каждому глазу, которой когда-нибудь проливалъ слезы...

Я всталъ, поднялъ бокалъ, и обращаясь къ старикамъ, сказалъ: «за ваши будущіе, прекрасные дни, добрые старики! Пусть каждый часъ вашей жизни будетъ тихъ и веселъ, пусть ваши дѣти будутъ счастливы, пусть ваши внуки будутъ добры и счастливы! Дай Богъ вамъ долгую, долгую, счастливую жизнь!» Старикъ взглянулъ торжественно и прибавилъ: «и тихую кончину». Жена его заплакала, и она сказала: «такую же прекрасную смерть, какою умерли мои покойныя дочери». Тутъ старики обнялись, и всѣ молчали, всѣ плакали.

Великій геній любви! Я почитаю тебя, какимъ бы ты языкомъ ни говорилъ, мертвымъ или живымъ, огненнымъ ли ангельскимъ языкомъ или тяжелымъ! Я признаю тебя всюду, обитаешь ли ты въ узкой долинѣ Альповъ, въ Шотландской хижинѣ, или среди блеска свѣтскаго, даришь ли ты людямъ вёсны или высокія заблужденія, даришь ли ты имъ маленькія желанія или отнимаешь у нихъ все, все!

Зачѣмъ человѣкъ стремится болѣе къ прошедшему, нежели къ будущему? Вѣдь одинъ Богъ имѣетъ вѣчность въ прошедшемъ, а человѣкъ только въ будущемъ.

Люби свою возлюбленную такъ, какъ ты любишь добродѣтель... Не уже ли ты не знаешь, что чистая любовь, подобно водѣ ледниковъ (gletcher), всего лучше, когда она еще не коснулась земли, и что наши высшія ощущенія похожи на райскихъ птицъ, которыя рѣдко подымаются съ земли, упавъ на нее однажды.

Я написалъ наскоро о старыхъ дѣвкахъ слѣдующее: «Имъ бы слѣдовало подумать и выдти за мужъ. Конечно, если мужчина, занятый завоеваніями, сочиненіемъ книгъ, протоколовъ, проповѣдей, стиховъ, на нихъ рецензій и антикритикъ, при такихъ законныхъ помѣхахъ не сыграетъ свадьбы, это было бы простительно. Но если красавица, имѣющая достаточно времени, чтобы влюбиться, не выйдетъ за-мужъ, то съ нею больше нечего дѣлать, какъ представить ей картину ея собственнаго положенія на 61 году. Правда, будучи 16 лѣтъ, она думала, что ей всю жизнь будетъ 16 лѣтъ; она думала, что лѣтніе домики и лѣтнія платья ея юности никогда не покажутся ей холодными и не будутъ занесены снѣгомъ;

она думала, что товарищи игръ ея цвѣтущей весны будутъ цвѣсти возлѣ нея долѣе незабудокъ, что они не заползутъ ни въ отдаленныя дѣтскія комнаты, ни дальше, подъ зеленое колыбельное покрывало изъ взрытой земли. Но черезъ нѣсколько лѣтъ всѣ тѣ, которые вмѣстѣ съ нею искали цвѣтовъ и звѣздъ, измѣнились, разошлись, и она глядитъ на нихъ одна, — въ слезахъ. Я перечту откровенно все, что ей останется въ удѣлъ на 61 году (я предполагаю однако, что она нарочно сама не хотѣла выдти за мужъ): ея теперешнія подруги — горничныя; ея друзья — два старые искателя наслѣдствъ, которые *любятъ ее*, для того, чтобы попасть въ ея завѣщаніе; ея корреспондентки отвѣчаютъ ей рѣдко и то все одно и тоже: «я лежу въ родахъ!» Вмѣсто мужа можетъ она мучить только однаго кота, который, не такъ какъ мужъ, ворчитъ и подымаетъ хвостъ отъ удовольствія; вмѣсто дѣтей воспитываетъ и кормитъ она канарѣекъ, и вмѣсто творческой заслуги матери, раждающей людей на свѣтъ, ей остается въ удѣлъ, подобно пылающему Херувиму, стоять у дверей чужаго рая. И наконецъ, когда послѣ высохшей жизни, исполненной скуки и глубокихъ, ѣдкихъ вздоховъ о краткости каждаго прекраснаго и длинѣ каждаго дурнаго дня; о томъ, что каждый праздникъ она должна обѣдать одна; о томъ, что ей не-кому пересказывать дни своей юности, кромѣ старой су-

бретки, считающей не радости, а года и платья ея, могущія достаться ей въ наслѣдство; когда послѣ такой холодной жизни она сойдетъ, усталая, никѣмъ не замѣченная, въ могилу—тогда ни мужъ, ни сынъ, ни дочь не скажутъ объ ней: «я не забуду тебя никогда!»

Она написала два съ половиной листа кругомъ, какъ умѣла, строго придерживаясь Геллертова опредѣленія письма, т. е., что письмо есть разговоръ съ отсутствующимъ. А какъ разговоръ не предполагаетъ ни запятыхъ, ни точекъ съ запятыми, ни орѳографіи, то и въ ея письмѣ не было ничего этаго.

Вообще человѣкъ любитъ горячѣе и постояннѣе того, кто душою стоитъ выше его, нежели того, кто стоитъ ниже. Въ этомъ убѣждаюсь я не только склонностію распутниковъ къ честнымъ дѣвушкамъ, но и тѣмъ, что обезьяны любятъ нашихъ женъ гораздо болѣе, нежели своихъ. Такимъ образомъ собака скорѣе другъ человѣка, нежели другъ собаки; а чорта я никакъ не могу себѣ представить мизантропомъ.

Ты закатилось, златое солнце, и взяло съ собой отцвѣтающую розу нашего вечера, для того, чтобы

дать ее пробудившимся людямъ новаго свѣта, какъ розовую почку свѣжаго утра.

Въ природѣ нѣтъ возвышеннѣе и трогательнѣе радости, какъ радость матери о счастіи ея ребенка.

Вѣчно волнующуюся грудь человѣка успокоиваетъ только сонъ, или земной... или другой...

Женщины прощаютъ своимъ любовникамъ гораздо болѣе, нежели эти послѣдніе имъ. По этой причинѣ романисты заставляютъ героевъ своихъ пить, буянить, драться на дуэли и ночевать гдѣ попало, не вредя имъ черезъ это. А героиня напротивъ того должна сидѣть дома возлѣ матери своей и быть ангельчикомъ.

Дѣвушки всего скорѣе забываютъ свою наружность — и вотъ для чего были изобрѣтены зеркала.

Вольтеръ говоритъ, что для того, чтобы удостовѣриться, есть ли въ стихахъ поэзія, нужно ихъ переложить въ прозу и посмотрѣть, сохранятъ ли они свой поэтическій видъ. Такимъ образомъ совѣтую я женщинамъ испытывать любовь мужчинъ, перелагая ее въ прозу супружеской жизни.

Всякой человѣкъ легко признаетъ себя мудрецомъ, потому-что страсти, которыя онъ не могъ потушить въ юности, гаснутъ сами собою съ лѣтами, и это охлажденіе принимаетъ онъ за доказательство твердости.

Съ Нѣмецкаго Бар. Ѳ. К.

ПОВѢСТИ.

ФЕНЮШКА.

Посвящается брату моему Андрею Ѳедоровичу Квиткѣ.

Въ Харьковской губерніи есть большое казенное селеніе, «слобода», прежде называвшееся «Печенѣги», переименованное въ «Новобѣлгородъ», по Бѣлогородскому уланскому полку, тамъ поселенному. Отъ чего эта слобода звалась «Печенѣги», неизвѣстно. Выходцы изъ Малороссіи, Польской Украины и проч., поселились тамъ вмѣстѣ съ прочими, занявшими пустыя, дикія мѣста. Недалеко отъ той слободы, черезъ рѣку Донецъ бродъ съ незапамятныхъ временъ зовется также «Печенѣжскій». Утверждалъ одинъ, занимающійся собираніемъ «любопытненькихъ» свѣдѣній, что «здѣсь было знаменитое побоище Печенѣгъ съ Россіянами при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, и тутъ ихъ, невѣрныхъ сопостатовъ, били жестоко, а уходящихъ топили въ р. Донцѣ; то въ честь того со-

бытія, близлежащую слободу велѣно именовать Печенѣгами, а мѣсто, гдѣ потоплены враги, бродомъ Печенѣжскимъ.» Вотъ, какъ недалеко сказать, прибавлялъ онъ, въ наше время, названо село «Бородинымъ» отъ бывшей тамъ Бородинской баталіи.» — Хмъ! — замѣчалъ слушающій его, тоже «мужъ исторіи»—гдѣ Печенѣги, а гдѣ Россіяне! Печенѣги давно и очень давно храбростью нашихъ войскъ разсѣяны по лицу всей земли; и когда основались Слободскіе полки, то въ этомъ мѣстѣ поселился одинъ изъ бродящихъ, безпріютныхъ Печенѣговъ съ своимъ семействомъ. Вотъ отъ того и пошла слобода «Печенѣги», по первому поселенцу.»

Не имѣя времени разбирать, чье изъ сихъ мнѣній справедливѣе, оставляю до свободы; а теперь раскажу случившееся въ той слободѣ, въ одномъ изъ постоялыхъ дворовъ, коихъ тогда тамъ было нѣсколько, по причинѣ пролегающей чрезъ селеніе большой торговой дороги.

Въ этомъ постояломъ дворѣ кормилъ лошадей молодой человѣкъ, лѣтъ 25-ти, одѣтъ по-купечески. Чистымъ Русскимъ языкомъ расказывалъ онъ хозяину постоялаго двора, что онъ уроженецъ сей же губерніи, изъ г. Ахтырки, Малороссіянинъ, круглый сирота—ни отца, ни матери, ни роду, ни племени. Бывши мальчикомъ лѣтъ двенадцати, отъ праздности бѣгая по улицамъ, а отъ голоду испрашивая у

проѣзжающихъ подаянія, замѣченъ былъ однимъ Великороссійскимъ купцомъ; приласканъ, выпрошенъ у общества, взятъ и отвезенъ въ Россію, въ Орловскую губернію.

«По моему счастью», разсказывалъ проѣзжій, «хозяинъ, день ото дня, все болѣе заботился обо мнѣ: приказалъ обучать меня грамотѣ и, замѣтя во мнѣ какую-то смышленость, началъ употреблять меня по своей торговлѣ. Онъ торговалъ скотомъ; закупалъ его въ Малороссіи и въ здѣшней губерніи, и отгонялъ въ столицы. Не одинъ разъ бывалъ я тамъ съ гуртами, и торгъ шелъ весьма удачно. Время отъ времени, хозяинъ все болѣе и болѣе довѣрялъ мнѣ; дѣлалъ значительныя порученія, и наконецъ такъ положился на меня, что соглашался на всѣ мои предпріятія, и никогда не считалъ меня.»

«По промыслу своему бывъ въ Тамбовской губерніи, хозяинъ мой заболѣлъ до того, что домой надобно было его везти. Съ большими трудностями препроводилъ я его. У него была жена и двое дѣтей; но всѣхъ ихъ похоронилъ онъ въ разное время, и потому одинъ я присматривалъ и ходилъ за нимъ. Чувствуя, что конецъ его приближается, онъ сдѣлалъ какую-то бумагу, исполнилъ все по христіанскому обряду и, прощаясь со мною, благословивъ меня образомъ, сказалъ: «Ванюша! ты замѣнялъ мнѣ сына, котораго Богу угодно было взять отъ меня со

всѣмъ семействомъ. Я любилъ тебя, какъ добраг
сына, и устроилъ навѣкъ. Тебѣ торгъ нашъ извѣ
стенъ; продолжай его, какъ и при мнѣ. Домъ, капи
талъ, товаръ—все твое. Я сдѣлалъ крѣпкую бумагу
родные меня не знали, и я не хочу ихъ знать. Об
одномъ прошу тебя: не кидай нашего торгу ни в
какомъ случаѣ. Оставишь извѣстное, а въ неизвѣст
номъ ошибешься и растроишься. Не женись до тѣх
поръ, пока не осмотришься и послѣ меня не перев
дешь всѣхъ дѣлъ на свое имя. Поспѣшность и не
осмотрительность при женитьбѣ опасны. Сколько, пр
томъ случаѣ, твои мысли будутъ добродѣтельны
столько жди и благословенія отъ Бога, о которо
молю теперь и буду молить *тамъ*, куда иду съ пол
ною вѣрою на милосердіе Искупителя моего!»

«Прострадавъ еще дня три, благодѣтель на м
ихъ рукахъ скончался... Не успѣлъ я закрыть ем
глазъ, какъ набѣжало многое множество родственни
ковъ покойнаго; о нѣкоторыхъ изъ нихъ я даже
не слыхалъ никогда.»

«Первая забота ихъ была выслать меня из
дому и запретить входъ въ него. Я не помнилъ се
бя, и могъ ли обдумать, что мнѣ должно было д
лать? И потому я вышелъ молча и бродилъ окол
дому, который отказанъ былъ мнѣ. Со двор
слышно было, что родственники, не опрятавъ по
койнаго по долгу и обычаю, принялись хватать, чт

кому попало; а отъ того завязалась между ними ссора, а наконецъ брань и ругательства... Горько мнѣ было!.. Я пошелъ къ сосѣдямъ, объявилъ о кончинѣ благодѣтеля моего, изгнаніи моемъ, и просилъ ихъ итти и напомнить *печальнымъ* родственникамъ о распоряженіи къ погребенію. Самъ же пошелъ въ приходскую церковь, хотѣлъ читать псалтирь о упокоеніи души благодѣтеля моего, но... за горькими слезами, не могъ выговорить ни слова... палъ на колѣна... и молитва моя была также краснорѣчива и достигнула милосердія Божія, какъ бы и по книгѣ прочтенная!»

«Грусть моя была такъ сильна, что я не заботился вовсе о своемъ будущемъ; при чемъ и увѣренность въ силѣ бумаги, сдѣланной покойнымъ, не понуждала меня къ дѣйствію, сколько-нибудь рѣшительному.»

«Погребеніе было приличное. Я хотѣлъ бы забѣжать на край свѣта—до того одолѣла меня грусть и тоска; но не смѣлъ отлучиться со двора, видя, съ какими людьми буду имѣть дѣло, и легко статься могло, что они бы меня, обвинивъ въ чемъ-нибудь, преслѣдовали. Ежедневно наслѣдники приступали къ дѣлежу и оканчивали ссорою между собою. Не находили какихъ-то бумагъ, и кликнули меня. «Батракъ!» крикнулъ на меня одинъ изъ родныхъ братьевъ покойнаго, при жизни его всегда ласкавшій

и называвшій меня любезнымъ Ваней: «гдѣ такія-то записки? Вѣдь ты умничалъ надъ покойнымъ и все держалъ у себя. Али хотѣлъ покорыстоваться и припряталъ?..» Я не допустилъ его говорить больше обидныхъ мнѣ словъ и указалъ на записку, предъ нимъ же въ кучѣ другихъ лежащую... «Выдь вонъ, но со двора не отлучайся», крикнулъ онъ—и я повиновался.»

«Чрезъ три дня послѣ того, когда еще дѣлежъ и ссоры между ними продолжались, призвали они меня къ себѣ. «На-тка, подпиши ентую бумагу!» сказалъ тотъ же братъ, подавая написанную гербовую бумагу; и когда я началъ ее пробѣгать, такъ онъ прибавилъ: «да не умничать у меня! Бери, что даютъ; а не то, такъ и ничего не получишь.» Въ бумагѣ было написано, что за мою усердную службу покойникъ словесно завѣщалъ родственникамъ наградить меня *тысячью рублями*, и что я нынѣ, получивъ сію сумму, остаюсь доволенъ, и ни подъ какимъ предлогомъ, нигдѣ и никогда не буду ничего болѣе отыскивать, потому-что хотя покойный и сдѣлалъ-было завѣщаніе, но самъ же его при свидѣтеляхъ и уничтожилъ... Къ чему послужили бы мои возраженія, и могъ ли я, послѣ всего этаго, доказывать и удерживать право свое?.. Я подписалъ, и тутъ же получилъ отъ нихъ тысячу рублей. Поблагодаривъ ихъ за уваженіе къ послѣдней волѣ покойника, я вышелъ и слышалъ раздававшіяся въ слѣдъ за

мною насмѣшки, что я собирался завладѣть всѣмъ имуществомъ покойнаго... и проч. и проч... что мнѣ и вспоминать горько...»

«Вышедши отъ нихъ, я пошелъ на могилу благодѣтеля моего, и первый отпѣлъ тамъ панихиду; родственники же не могли того сдѣлать, за невозможностью — какъ говорили они — во множествѣ могилъ отыскать его... Скоро я оставилъ городъ... Исполняя волю благодѣтеля, хочу заняться продолженіемъ торга скотомъ; но съ тысячью рублями — (тутъ онъ вынулъ изъ боковаго кармана свертокъ бумагъ и, продолжая говорить, ударялъ имъ по столу, и наконецъ почти кинулъ его на столъ, все продолжая говорить)... что съ ними сдѣлаешь? что предпримешь на нихъ?.. ровно ничего; хоть брось ихъ!...»

Потомъ, походивъ по комнатѣ въ большой задумчивости, опять началъ говорить: «знавши, что въ здѣшнихъ мѣстахъ у помѣщиковъ, по рѣчкѣ Бурлуку, многіе сгонщики нанимаютъ степь для пастьбы скота, пріѣзжалъ къ нимъ съ тѣмъ, не найду ли, кто бы принялъ меня въ часть. Хозяева нѣкоторые обѣщали съѣхаться въ Харьковѣ объ Успенской ярмаркѣ и обо всемъ условиться... Боже мой!» вскричалъ онъ, ударивъ себя въ голову: «такъ ли я думалъ начать свою жизнь?!.»

При этомъ словѣ вошелъ его ямщикъ и объявилъ, что лошади уже запряжены и должно ѣхать.

Ванюша утеръ слезы, помолился Богу, поклонился хозяину, вышелъ изъ дому, сѣлъ въ повозку и... уѣхалъ. Тысячу же рублей—все свое состояніе—оставилъ лежащими на столѣ. Предаваясь воспоминаніямъ о своемъ благодѣтелѣ и о горькой участи своей, совершенно забылъ.

Съ изумленіемъ смотрѣлъ хозяинъ постоялаго двора на уходящаго безпечнаго Ванюшу; но когда тотъ ушелъ и затворилъ за собою дверь, тутъ, съ пламенѣющими глазами, съ зардѣвшимся лицомъ, съ судорожнымъ трепетомъ, бросился на свертокъ, схватилъ его и въ одинъ мигъ опустилъ въ карманъ своего чекменя...

Работница его, дѣвушка лѣтъ осьмнадцати, во все время разсказовъ Ванюши бывшая тутъ для прибора по хозяйству, внимательно слушала проѣзжаго и иногда украдкою утирала слезы. Она не замѣтила, что проѣзжій забылъ деньги; но когда хозяинъ бросился къ нимъ, схватилъ ихъ, тутъ она испугалась, поблѣднѣла, и, видя, что онъ уже ихъ спряталъ, едва могла выговорить: «дядюшка!.. что вы это?..»

— А тебѣ какое дѣло? — вскричалъ онъ на нее сурово — какъ тутъ, такъ ты и поспѣла! — Потомъ, одумавшись, сказалъ ей — чего ты испугалась? ротъ разинула, руки опустила и какъ стѣна побѣлѣла, отъ чего это? — Потомъ заперъ дверь на крючокъ, снялъ со стѣны образъ и, положивъ на столъ, сказалъ ей—не бойся ничего, Фенюшка! Присягни мнѣ передъ образомъ... —

«Въ чемъ мнѣ присягать?» почти вскрикнула она, сцѣпивъ руки и отступивъ въ ужасѣ.

— Въ томъ, дурочка, что ты никому не скажешь объ этихъ деньгахъ, забытыхъ проѣзжимъ. —

«Какъ это можно?.. Да это смертельный грѣхъ!»

— Охъ, ты съ своимъ умничаньемъ! Какой тутъ грѣхъ? Проѣзжій что-то въ бумагѣ забылъ, все равно, что потерялъ; и точно ли еще тутъ деньги?.. и тысяча ли рублей?.. Какъ оставить безъ вниманія такую сумму?.. Я нашелъ эту бумагу и, какъ хозяинъ, беру забытое; оно мое. А чтобъ не было пересудовъ и всякихъ толковъ, такъ должно молчать. Тебѣ, за молчаніе, прибавлю жалованья; подтвержу женѣ, чтобы обходилась съ тобою уже не такъ строго и сдѣлала бы тебѣ лучшее платье; выдамъ тебя за-мужъ, награжу приданымъ... —

«Мнѣ и золотыхъ горъ отъ васъ не надо... Я не могу молчать...»

— Соглашайся же, пока я добръ. Не умничай, нищая!.. —

«Это мнѣ не упрекъ. Чрезъ васъ я нищая. На какомъ положеніи служу у васъ? Ни я, ни вы не знаете. По какому праву служу я вамъ за чужіе долги? Эти лохмотья—остатки отъ одежды моихъ благодѣтелей. Я у васъ не обута, не одѣта, голодна, замучена работою и истиранена побоями. Отпустите меня — я вамъ не крѣпостная!..»

—Ты еще и разговорилась? — вскричалъ съ бѣшенствомъ хозяинъ.

«О себѣ я столько времени молчала; не знаю, гдѣ искать защиты; но видѣвши такую страшную неправду, я не только предъ вами, всѣмъ людямъ объявлю, что вы утаили деньги, принадлежащія человѣку, и безъ того обиженному людьми. Онъ выслужилъ ихъ... и его обсчитали, обидѣли, ограбили; изъ милости кинули ему эти деньги. . онъ забылъ ихъ у васъ, а вы хотите утаить!.. Грѣхъ вамъ, тяжкій грѣхъ!..»

— Замолчи, дерзкая! Или тутъ...— и онъ уже поднялъ на нее свою жилистую руку... Какъ вдругъ

крѣпко начали стучаться въ дверь и кричать: «Бога ради, отворите скорѣе!..»

Работница бросилась отпирать; хозяинъ, не успѣвъ удержать ее, схватилъ за длинную косу; но она, вытерпливая все, достала рукою крючокъ, сорвала его... Хозяинъ, съ остервенѣніемъ, потащилъ ее крѣпко и бросилъ на полъ...

Дверь съ шумомъ отворилась... и вошелъ Ванюша, измученный отъ безпокойства, блѣдный, разстроенный... Тихимъ, дрожащимъ голосомъ, началъ говорить хозяину: «человѣкъ добрый!... У васъ забылъ я... все мое счастье... жизнь мою..!»

Чтобы удалить его отъ работницы, лежащей безъ чувствъ, хозяинъ взялъ его за руку, съ тѣмъ, чтобы вывести въ сѣни; въ замѣшательствѣ началъ говорить: — пожалуйте сюда... раскажите мнѣ, что такое?...»

Работница, поняв намѣреніе хозяина, чтобы вывести только проѣзжаго и потомъ запереться отъ него, страдая отъ ушибу, собрала всѣ свои силы и едва могла выговорить: «у него... онъ взялъ...»

— Вотъ... Богъ знаетъ что!..—говорилъ съ притворною улыбкою хозяинъ, потерявшійся совершен-

но—знаете что?... не вѣрьте... она... у нея... бываетъ припадокъ... она помрачена...—

«Не вѣрю вамъ, хозяинъ!» говорилъ Ванюша, уже нѣсколько успокоенный, что деньги его извѣстно гдѣ. - «Не вѣрю. Деньги у васъ. Не губите души своей... не губите меня... вамъ извѣстно, что у меня всего только и есть. Вы, имѣя все... отняли у меня дневное пропитаніе...»

.

—Богъ знаетъ, что вы выдумываете? Поѣзжайте-себѣ, откуда пріѣхали; не заводите шуму... Я у себя хозяинъ; меня всѣ люди знаютъ, а вы... пожалуйте сюда... я вамъ объясню... —Такъ говорилъ хозяинъ, уже ободряющійся и все старающійся вывести Ванюшу въ сѣни.

«Не выйду отсюда», уже кричалъ Ванюша. «Я забылъ здѣсь свои деньги, не успѣлъ выѣхать изъ селенія — хватился, спѣшу къ тебѣ, надѣясь, что въ тебѣ есть честь и совѣсть... Знавши, что деньги здѣсь, я прошу тебя, умоляю! Возврати мнѣ ихъ, возврати мнѣ спокойствіе; не заводи исторіи! Я не могу всего моего состоянія оставить такъ; я иду жаловаться; деньги у тебя...»

—Да какія деньги? да кто ихъ видѣлъ? Съ чего вы это вздумали приставать ко мнѣ?.. и кто свидѣтели?..—

«Я свидѣтель!» сказала слабымъ голосомъ дѣвушка, силясь встать съ мѣста. «Вы взяли деньги и положили въ лѣвый свой карманъ... приказывали мнѣ молчать, и когда я васъ упрекала, вы били меня...»

—Видишь-ли, хозяинъ!—говорилъ Ванюша—какое скверное дѣло ты затѣялъ? Сякъ или такъ, но деньги я получу отъ тебя; а ты потеряешь навсегда честь свою; ты пострадаешь... Я иду, и приду съ обыскомъ; я помню годы и имѣю записку нумеровъ моихъ ассигнацій. Все, и даже избитая дѣвушка, все противъ тебя... Отдай добровольно, и я, не объявивъ никому, сей-часъ уѣду...—

«Такъ сгинь же ваша голова и съ вашими деньгами!» послѣ нѣкотораго размышленія вскричалъ хозяинъ, и швырнулъ къ ногамъ Ванюши свертокъ съ ассигнаціями, и тутъ же, съ остервененіемъ, бросился къ работницѣ. «А тебя, злой духъ, я всю истираню!... замучу... опозорю... на каторгу сошлю!.. У! сѣмя проклятое!...» и бросился къ ней съ кулаками...

Но Ванюша сталъ между нимъ и заслонилъ бѣдную дѣвушку отъ неистовства гнѣвомъ распаленнаго хозяина. Отводя его отъ гонимой, говорилъ:—уймись! По какому праву ты берешь такую власть надъ нею? —

«Она моя работница, батрачка, раба! Погубить ее—для меня бездѣлица. Никому отвѣту не дамъ!..» кричалъ съ лютостью хозяинъ.

—Дѣвушка!—сказалъ, подумавъ, Ванюша—оставаться тебѣ здѣсь невозможно. Иди къ своимъ роднымъ и, прошу тебя, не открывай здѣсь случившагося, а поручи имъ за тебя расчитаться съ хозяиномъ. Я отведу тебя; гдѣ твои родные? —

«Родные?» сказала дѣвушка, опустивъ голову, и начала плакать.

—Какая у нея родня?—кричалъ, дрожа отъ злости хозяинъ. — Она всесвѣтный подкидышъ! Взялася, сама не знаетъ, откуда. —

«Что же ты думаешь теперь съ собою?» спросилъ Ванюша съ участіемъ.

— Остаться здѣсь, я погибну... На улицѣ, умру съ голоду и безъ пристанища — сказала дѣвушка, ломая руки и заливаясь слезами...

Ванюша долго думалъ .. потомъ, взглянувъ къ образу, воскликнулъ: «Боже! Твоя воля!...» и, взявъ дѣвушку за руку, хотѣлъ выти съ нею.

—Куда ты ее ведешь?—вскричалъ взбѣшенный хозяинъ, силясь вырвать ее изъ рукъ Ванюши.—Не выпущу моего злодѣя!... не допущу ее обезславить меня!—

«Послушай, хозяинъ!» сказалъ Ванюша съ твердостью: «твой поступокъ лишилъ тебя всякаго права надъ нею. Она уже не безпріютна; кто бы она ни была, она моя невѣста...» и съ симъ словомъ, пихнувъ далеко отъ себя изумленнаго хозяина и освободивъ дѣвушку изъ рукъ его, поспѣшилъ выйти съ нею на улицу.

Остановясь тамъ, онъ сказалъ ей: «Видно Богу угодно такъ устроить судьбу двухъ сиротъ! Безъ тебя погибъ бы я совершенно. Ты спасла меня, и сама подвергалась гибели. Чтобы съ своей стороны отвратить отъ тебя несчастье, я, слѣдуя первой мысли, конечно Богомъ мнѣ посланной, не узнавъ тебя совершенно и даже имени твоего, назвалъ тебя невѣстою, и въ сію минуту, предъ лицемъ Бога, видящаго насъ, говорю тебѣ, что ты моя обрученная, а чрезъ часъ ты выѣдешь со мною—женою моею.»

—Господи милосердный! . Что вы это говорите?.. —вскричала дѣвушка, всплеснувъ руками и поднявъ къ небу полные слезъ большіе голубые глаза свои. —Неужели это правда, что ..—

«Что ты моя невѣста? Точно, если и ты согласна на то... но пойдемъ отсюда: намъ и стоять на улицѣ неловко, не только говорить. Веди меня, если нѣтъ у тебя родныхъ, веди къ знакомымъ. У нихъ мы уладимъ все, и поспѣшимъ кончить.»

— И знакомыхъ у меня нѣтъ никого!—сказала дѣвушка, наклонивъ голову. — Я жила въ большомъ притѣсненіи и не имѣла ни въ чемъ свободы.—

«Но здѣсь есть священникъ; веди меня къ нему», сказалъ Ванюша, и повелъ трепещущую дѣвушку, не понимавшую, что и для чего все это съ нею дѣлается...

Войдя съ нею къ священнику, онъ сказалъ: «батюшка! необыкновеннымъ случаемъ эта дѣвушка спасла меня отъ гибели, подвергаясь сама ужасному гоненію. Чтобы спасти ее, беззащитную, и отвлечь отъ сироты всѣ несчастья, я хочу жениться на ней. Благословите нашъ бракъ, если можно, сего же дня.»

Со всѣмъ вниманіемъ и долго смотрѣлъ священникъ на пришедшихъ; потомъ сказалъ: — ты, дѣвушка, должно быть, здѣшняя? Сужу по тому, что ты даже и теперь безъ всякаго убора и въ безпорядкѣ вышла изъ дому. Чья ты дочь?—

— Если изволили слышать, батюшка, я Фенюшка. —

«А! Фенюшка! Я не только слышалъ, но и видалъ тебя изрѣдка, а теперь съ-разу не узналъ», сказалъ священникъ и, обратясь къ Ванюшѣ, продолжалъ: «эта дѣвушка давно мнѣ извѣстна по необыкновенной судьбѣ своей; но я обязанъ и ее расспросить о случившемся съ нею. Теперь же прошу васъ сказать, когда вы ее узнали и что понуждаетъ васъ жениться на ней, и жениться такъ поспѣшно? Какая причина, что она приведена вами въ такомъ смущеніи и даже безъ приличія въ одеждѣ? Я знаю хозяевъ ея и могу заключить, что съ вами — вижу, проѣзжимъ — случилось что-либо необыкновенное. Раскажите мнѣ подробности съ должною къ сану моему откровенностью, и вѣрьте, что все, долженствующее быть скрытымъ, никогда не обнаружится мною. Ты же, Фенюшка, поди къ матушкѣ; мы должны переговорить одинъ на одинъ...»

— Не нужно удалять ее, почтенный отецъ! — сказалъ Ванюша — она должна объяснить поступокъ хозяина, въ полнотѣ неизвѣстный мнѣ. — И тутъ разказалъ онъ все случившееся у него съ хозяиномъ.

Фенюшка, съ своей стороны, объявила о поступкѣ хозяина, и какъ она, боясь грѣха и сожалѣя, что

у человѣка отнято все его состояніе и надежда на будущее, рѣшилась, перенося всѣ мученія, открыть истину.

«Богъ тебя благословитъ, дочь моя», сказалъ священникъ: «когда ты ни по какому другому чувству, какъ только боясь грѣха, и чтобы избавить ближняго отъ несчастія, добровольно претерпѣла ругательства и побои.»

— Это до того поразило меня, батюшка — сказалъ Ванюша — что я, узнавъ о беззащитномъ сиротствѣ ея, и сообразивъ, что она должна будетъ переносить отъ такаго человѣка, какъ хозяинъ ея, вдругъ рѣшился исполнить мысль, также внезапно пришедшую мнѣ. Чувствую, что на это была воля Бога милосердаго, пекущагося обо всѣхъ, а о сиротахъ еще болѣе. Я имѣю столько, что могу содержать ее. Вотъ мои бумаги: изъ нихъ вы увидите, кто я; удостовѣритесь, что я не женатъ и неограниченно могу располагать собою. Послѣ случившагося, если оставлю ее здѣсь безъ всякаго попеченія, то Богъ оставитъ меня Своею милостію. И какъ я бездомный сирота, то и не могу иначе устроить ее, какъ женясь на ней. Я ничего не знаю о ней, кромѣ того, что она Фенюшка; а если вы увѣрены, что она честная дѣвушка, то мнѣ ничего болѣе не нужно. —

«Кромѣ теперешняго поступка ея», сказалъ священникъ, «она извѣстна въ здѣшнихъ селеніяхъ за сироту, безвинно гонимую съ-дѣтства, переносящую все съ кротостью и смиреніемъ. Довольно, если она, къ удивленію всѣхъ, прожила у этаго хозяина около двухъ лѣтъ, и даже имъ иногда была хвалима.»

— Довольно мнѣ этаго, батюшка! — сказалъ Ванюша — благодарность моя за оказанную ею услугу такъ велика.... —

«Постой, Иванъ... не припомню, какъ въ бумагѣ отчество твое», говорилъ священникъ: «ты приступаешь къ таинству великому! Тутъ недостаточна одна благодарность—чувство, по развращеннымъ нравамъ нашимъ, скоро проходящее; но нужно къ особѣ, избираемой для вѣчнаго съ нею сожитія, питать почтеніе, безпредѣльное уваженіе; нужна любовь чистѣйшая, душевная. Но ты сказалъ одинъ о своемъ желаніи. Что думаетъ она, я еще не знаю. Оеодосія! Ты слышала, что нужно при вступленіи въ супружество; находишь ли таковыя чувства къ нему въ себѣ и сохранишь ли ихъ по-вѣкъ? Берегись, чтобы не влекла тебя одна благодарность къ нему и обольстительный расчетъ—найти, хотя бы съ горемъ по-поламъ, пріютъ въ твоей скорбной жизни!»

— Батюшка! — послѣ недолгаго размышленія, такъ говорила Фенюшка.—Въ этотъ важный часъ я

должна открыть предъ вами душу мою. Что сдѣлала для него, для Ивана... сдѣлала бы всегда для всякаго другаго. Когда онъ расказывалъ хозяину все случившееся съ нимъ, я принимала, что это все терпѣлъ человѣкъ самый близкій мнѣ, братъ мой. Гоненія на насъ во всемъ одинаковы, и мнѣ казалось, что одни и тѣ же люди насъ погубили. Я страдала и плакала съ нимъ... Однимъ словомъ, не умѣю вамъ изъяснить, что я чувствовала тогда? Но когда хозяинъ...вы знаете все. Тутъ я совершенно не понимала себя! Готова была кинутся на всѣ мукп, перенесть всѣ терзанія, принять позоръ, униженіе, лишь бы возвратить принадлежащее ему! Не о неправдѣ страдала я; но меня убивало, что *съ нимъ* такъ поступили!.. Если одно состраданіе къ горькой, гонимой сиротѣ, поселило въ немъ это желаніе, то, батюшка!.. вопреки всѣхъ чувствъ моихъ, я должна отказаться отъ моего благополучія! Для меня, дороже жизни счастіе и спокойствіе его. Начавъ жизнь бѣдами, проживу съ ними до конца... терпѣть умѣю. Теперь онъ одинъ, не стѣсненъ ничѣмъ, дорога къ счастію ему открыта... Но найдетъ ли онъ его и радости со мною, ему неизвѣстною? Одно имя и это лохмотье—вотъ все, что имѣю, и кто я сама, того не знаю! Такая ли жена вамъ надобна? Прилична ли я вамъ? Найдете ли вы..... —

«Счастье мое, радость, спокойствіе, благополучіе—все въ тебѣ, моя Фенюшка!» воскликнулъ Иванъ,

обнявъ ее, и, обратясь къ священнику, просилъ вести въ церковь и тамъ, именемъ Бога, утвердить ихъ благополучіе.

— Дѣти мои! — сказалъ священникъ, глядя на нихъ съ умиленіемъ — чистоту сердецъ вашихъ не отринетъ Богъ, предназначившій васъ другъ для друга, и изліетъ на васъ милости Свои. Но — примолвилъ онъ съ улыбкою — и къ людямъ идучи въ гости, должно быть принаряженнымъ болѣе, нежели какъ бываете дома; а идя въ храмъ и приступая къ священному, торжественному таинству, вы должны себя принарядить, по крайней мѣрѣ, прилстойно; особливо ты, Фенюшка! волосы твои въ безпорядкѣ, платье въ заплатахъ... —

«Батюшка!» сказала Фенюшка тихо и съ большимъ смущеніемъ: «у меня нѣтъ ничего болѣе. . . Все мое на мнѣ....»

— Мы можемъ все исправить — сказалъ священникъ съ удовольствіемъ въ лицѣ. — Матушка! — кликнулъ онъ, относясь въ другую комнату — принарядите знакомую вамъ Фенюшку къ вѣнцу, какъ знаете. Ей, сиротѣ, Богъ счастье послалъ. — И съ симъ словомъ ввелъ смущенную Фенюшку въ другую комнату.

Тамъ слышны стали ласки, восклицанія, заботливость, суета, бѣганье... а между тѣмъ и Иванъ, отложа на сей день свою поѣздку, расположился у одного обывателя по сосѣдству; развязавъ свой чемоданъ, принарядился и поспѣшилъ въ домъ къ священнику, пошедшему уже въ церковь устроить все къ вѣнчанію.

Скоро священникова жена и дочери ввели Фенюшку, припаряженную и убранную прилично ея спротскому состоянію. Теперь лишь Иванъ имѣлъ досугъ расматривать наружность ея. Онъ увидѣлъ въ ней миловидную дѣвушку; кротость и доброта сіяли въ глазахъ ея; при этомъ замѣчаніи радость и удовольствіе блеснули и въ его глазахъ, что также не укрылось отъ вниманія Фенюшки; и какъ, натурально, при этомъ взоры ихъ встрѣтились, они поняли одинъ другаго, то обое закраснѣлися, смутилися и не знали, что дѣлать имъ...

Жена священника соединила руки ихъ, приказала молиться; потомъ, съ приглашеннымъ почтеннымъ обывателемъ, благословили ихъ вмѣсто отца и матери, и проводили въ церковь.

По совершеніи таинства, новобрачные, незнакомые между собою и не знающіе другъ о другѣ ничего болѣе, какъ то, что онъ Иванъ, а она Фенюшка, но полные душевнаго восторга и увѣренности въ

будущемъ счастіи своемъ, возвратились къ священнику, были привѣтствованы со всѣмъ усердіемъ, угощены съ радушіемъ, и съ благословеніемъ и чистосердечнымъ желаніемъ всѣхъ благъ, отпущены на квартиру.

Пришедши съ мужемъ въ квартиру, Фенюшка не понимала ничего, что произошло съ нею. Ей казалось все сномъ. Быстрота переходовъ въ одинъ день, или въ нѣсколько часовъ, была такъ необыкновенна, что она ничего не могла сообразить. Утромъ — работница у злыхъ, вздорныхъ хозяевъ, обремененная работами, претерпѣвшая побои, вдругъ она свободна отъ тиранства ихъ и за мужемъ, котораго, она чувствуетъ, что любитъ, а если пріобрѣтетъ любовь его, то будетъ счастлива на всю жизнь. Онъ—безпріютный, не устроилъ еще себя; недостатки и труды имъ предстоятъ; но лишь бы онъ любилъ ее, она готова на всѣ трудности, на всѣ лишенія... Но какъ ей заслужить любовь его?.. Пришедши въ квартиру, онъ не позаботился приласкать жену свою, погрузился въ мысли, сидитъ въ сторонѣ, не примѣчаетъ, здѣсь ли она? Кажется, не помнитъ, гдѣ онъ? унылъ, мраченъ, даже угрюмъ... «Боже, Боже мой!» подумала она, вздохнувъ тяжко: «не ужели и эта перемѣна въ жизни моей, на которую я, среди всѣхъ моихъ страданій, полагала надежду, послужитъ мнѣ къ несчастію? . . Это будетъ бѣдствіе уже невыносимое!» горькія слезы, готовыя хлынуть изъ глазъ ея, она

душила; онѣ падали ей на сердце, стѣсняли дыханіе...

Чтобы сколько-нибудь облегчить такое тяжкое положеніе, она силилась заговорить съ мужемъ. Собравъ всѣ силы, она спросила его: «я только и знаю, что васъ зовутъ Иваномъ... Но такъ называть васъ мнѣ неприлично... отчество ваше...»

— Никитичь — отвѣчалъ онъ почти безъ вниманія, и снова замолчалъ.

Эта четверть часа молчанія и потомъ отвѣтъ, такъ сухо сказанный, были для нея убійственны! Всѣ ея надежды на счастье, на сколько-нибудь лучшую жизнь, уничтожились! Она погубила спокойствіе человѣка, за котораго готова была отдать жизнь свою!.. Быть можетъ, онъ уже ненавидитъ ее!.. Въ сильномъ волненіи едва могла подойти къ нему и задыхающимся голосомъ сказала ему: «Иванъ Никитичь!.. Я.. погубила васъ!..»

— Чѣмъ? — спросилъ онъ съ удивленіемъ, разсѣевающимъ его задумчивость.

«И одному вамъ горько было жить на свѣтѣ, а теперь еще и я!..» Она не могла болѣе говорить, слезы залили слова ея... и потерявъ всю твердость, упала къ ногамъ его рыдая...

— Что съ тобою, другъ мой, Фенюшка?.. Что съ тобою, милая моя? — кричалъ Иванъ, поднявъ ее, и, прижимая къ себѣ, продолжалъ спрашивать съ нѣжною заботливостью — что съ тобою?..—

Фенюшка, не знавшая радости въ жизни, не смѣла вѣрить своему счастью, боялась предаться чувствамъ своимъ и успѣлась сказать: «вы меня ненавидите!.. Я отняла у васъ спокойствіе!.. Но я готова все исправить... довезпте меня только до Чугуева, здѣсь не далеко; жители его знаютъ меня... Я тамъ не буду въ крайности... клянусь всѣмъ, что я нигдѣ не скажу о случившемся съ нами... Вы освободитесь отъ меня... властны будете располагать собою... счастье ваше доставитъ мнѣ... спокойствіе... Не забудьте только лю... не смѣю... благодарности моей...»

— Съ чего ты взяла, другъ мой, чтобы я могъ тебя оставить? — вскричалъ Иванъ, усугубляя къ ней ласки свои. — И въ какую минуту могла ты это подумать, когда всѣ мысли мои обращены къ тому, чтобы устроить жизнь нашу. Удалясь отъ принимавшихъ въ насъ участіе, я хотѣлъ заняться пріисканіемъ средства, какъ, съ небольшими моими деньгами, устроить тебя и стараться объ умноженіи способовъ къ существованію нашему. Не придумывая вскорѣ ничего, чтобы объявить тебѣ, единственному другу моему, и тѣмъ успокоить тебя, грусть стѣ-

снила меня, что не имѣю къ тому средствъ. Безъ того я не смѣлъ не только говорить съ тобою, ниже взглянуть на тебя: такъ сильно упрекала меня совѣсть, что я, кромѣ чистой, пламенной любви моей, не могу ничего доставить тебѣ...—

Фенюшка постигала радость праведника, послѣ долгихъ и болѣзненныхъ страданій въ жизни мгновенно вступившаго въ райскія селенія для вѣчнаго наслажденія блаженствомъ. Она, всю жизнь гонимая, страдавшая, вдругъ видитъ, что любимый ею любитъ ее столько же; печется, заботится о ней... и такая участь ея не измѣнится никогда!.. Какъ ничтожны горести и бѣдствія, претерпѣнныя ею во всѣ дни жизни ея съ такою восхитительною будущностью!.. Упоенная счастьемъ своимъ, она, видя свои сомнѣнія разрушенными и блаженство свое утвержденнымъ, вскричала, упавъ на грудь мужа своего: «въ твоей любви все мое блаженство!.. Только люби меня, и я буду гордиться рубищемъ, еще презрительнѣйшимъ, въ которомъ ты назвалъ меня своею!..»

Послѣ взаимныхъ ласкъ, изліяній сердечныхъ и увѣреній о обоюдномъ счастьѣ ихъ отъ любви, питающихъ блаженство ихъ, Иванъ объяснилъ планъ жизни ихъ: «Изъ этой тысячи рублей я куплю дворикъ въ Ахтыркѣ, который бы давалъ доходъ, необходимый для содержанія твоего; снабжу тебя всѣмъ нужнымъ. Самъ же, исполняя волю благодѣ-

теля моего, примусь за торгъ скотомъ, и правду сказать, другой я не скоро пойму. Безъ денегъ ничего нельзя сдѣлать; то, для пріобрѣтенія ихъ, опредѣлюсь въ работники къ надежному хозяину, пока...»

— Ни зачто въ свѣтѣ не растанусь съ тобою, мой избавитель, мой благодѣтель! — почти вскрикнула Фенюшка, обвивая шею мужа и привлекая его къ себѣ: «ты помирилъ меня со свѣтомъ, ты открылъ мнѣ понятіе о счастьѣ и радости! Къ чему тратить небольшія деньги и для того еще, чтобы жить намъ розно? Не лучше ли ихъ употребить, какъ вы и предполагали? Я буду вездѣ слѣдовать за вами, буду служить вамъ, беречь, покоить васъ, помогать вамъ въ трудахъ вашихъ, буду кухаркою вашею, конторщикомъ, счеты вести, чтецомъ вашимъ въ часы отдыха...—

«Фенюшка!.. Ты больше, нежели простая работница на постояломъ дворѣ!.. Ты говоришь, ты чувствуешь выше твоего состоянія. Скажи мнѣ, кто ты и откуда ты посланъ ангелъ для моего утѣшенія и блаженства?»

— О, какъ я буду счастлива, когда и черезъ десять, черезъ много-много лѣтъ жизни нашей, скажете эти же слова и съ такою искренностью!.. Кто я? — Фенюшка... и больше ничего. Что и откуда

я, ничего не знаю. Перескажу вамъ все, что осталось въ памяти моей съ самаго дѣтства. —

«Начала я помнить себя въ домѣ о нѣсколькихъ комнатахъ и, какъ я уже послѣ видѣла, расположенныхъ просто и одинаково, какъ у зажиточныхъ крестьянъ. Кромѣ дому, или лучше, избы, въ коей мы жили, вокругъ было нѣсколько избъ, но не много, и хуже и меньше, нежели наша. Дворъ былъ обширный. Я помню всѣ строенія, на немъ бывшія. У меня была матушка, старушка; она всегда ласкала меня и часто плакала. Я всегда ходила въ рубашонкѣ; а въ какіе-то дни вздѣвали на меня сарафанчикъ и красные башмаки..»

— Такъ ты Русская? — перервалъ ее Иванъ: —а говоришь по-Малороссійски. —

«Такъ же точно, какъ и вы Малороссіянинъ, а говорите чисто по-Русски. Вы увидите, что наша судьба одинакова и мы родились другъ для друга. Слушайте же.»

«Въ эти дни, когда одѣвали меня въ сарафанчикъ и красные башмачки, я не помнила себя отъ радости; бѣгала, показывала всѣмъ; а всѣхъ-то у насъ было: старикъ Ѳаддей—помню очень; онъ рубилъ на дворѣ и часто приходилъ къ матушкѣ за приказаніями. Было и еще нѣсколько мужиковъ, но я ихъ

мало помню. Была еще няня—ахъ, няня!.. она всегда носила меня на рукахъ, ласкала меня; какъ и откуда, не знаю, доставала мнѣ яблочки, прянички и т. п. Этимъ всѣмъ она кормила меня украдкою отъ матушки, потому-что была бранима ею, что окармливаетъ дитя. Няню болѣе всѣхъ помню, по ея смуглому, морщиноватому лицу, которое мнѣ очень нравилось и я часто цаловала его. Какъ во снѣ помню матушку, но чертъ лица ея не могу представить... Потомъ уже помню матушку лежавшую недвижимо на столѣ, покрытую бѣлымъ и на головѣ ея бѣлый платокъ.. много свѣчь, какіе-то странные люди пѣли... и все тутъ необыкновенное конечно сильно поражало меня, потому-что я, хотя и на рукахъ няни, казалось, ограждена была отъ всего, но еще укрывалась за нее, чтобы не видѣть необыкновенныхъ людей... Потомъ уже ничего не могу припомнить въ порядкѣ... Няни не стало... явился кто-то живущій въ домѣ и коего я, почему, не знаю, называла «дядюшкою»; я всегда его боялась и пряталась отъ него... онъ сердито смотрѣлъ на меня. Была еще и «тетушка», на которую дядюшка часто кричалъ, и хотя мнѣ при такомъ случаѣ жаль было ея, но я не чувствовала къ ней привязанности, затѣмъ, что она не ласкала меня, какъ матушка и няня... сарафанчика и красныхъ башмачковъ я уже не видала на себѣ.. я бѣгала и играла на улицѣ съ какими-то ребятишками... часто бывала голодная и такъ ложилась спать. Никто уже не заставлялъ меня читать молитвы предъ

большимъ образомъ, который и теперь помню и руку благословляющую. Мучимая голодомъ, я плакала, и бородатый дядюшка—онъ во всемъ былъ похожъ на Ѳаддея—былъ меня; а тетушка, молча, укладывала спать на сундукъ, стоящій у печки... вотъ его-то живо помню и всѣ гвоздики на оковкѣ; отъ неспанья, то и дѣло, ручонками я водила по гвоздямъ, и помню растояніе ихъ одного отъ другаго...»

«Дядюшка и тетушка часто про меня говорили. Дядюшка съ крикомъ произносилъ: «Фенька, проклятая!» а тетушка съ плачемъ говорила: «Фенюшка... великій грѣхъ... убей меня!».. Боясь видѣть, какъ дядюшка станетъ убивать тетушку, я закутывалась въ свою дерюгу, жмурила глаза и старалась заснуть, Такіе разговоры ихъ были каждый вечеръ.»

Въ одинъ день, уже къ вечеру, тетушка расчесала мнѣ голову и повязала ее какимъ-то шелковымъ платкомъ, принарядила меня во что-то... все это дѣлала плачучи и часто цалуя меня. Дядюшка вошелъ, крикалъ на тетушку, сорвалъ съ меня платокъ и подалъ другой, простой и старый. Тетушка плакала на-взрыдъ, цаловала меня много, крестила... дядюшка вырвалъ меня у нея, понесъ и уложилъ въ телегу, закутавъ въ войлокъ. Тетушка крикала рыдая: «воротись, старикъ!»... но дядюшка не ворочался, чему я, лежа въ войлокѣ, была очень рада: во первыхъ, хотѣлось проѣздиться, а во вторыхъ, я увидѣ-

ла, что въ телегу впряжена *бѣлая лошадь*, та самая, на которой, помню, ѣзжала матушка и иногда брала меня съ собою. Вотъ я и заключила, что мы ѣдемъ къ матушкѣ. Я какъ-то понимала, что при ней мнѣ лучше было. Тамъ же надѣялась найти и няню.»

«Сколько времени мы ѣхали, не могу вамъ сказать; но ѣхали очень долго и ночевали сколько разъ въ полѣ или въ избѣ. Когда я отъ нетерпѣнія плакала, то дядюшка ворчалъ, а иногда и колотилъ меня. Что намъ встрѣчалось въ дорогѣ, ничего не знаю; но очень помню длинный-длинный мостъ, по обѣ стороны обсаженный большими, вѣтвистыми деревьями. Какъ ни нравилось мнѣ сначала ѣхать по такому мосту, но наконецъ показался онъ мнѣ безконечнымъ и до того стукъ по немъ надоѣлъ мнѣ, что я плакала болѣе обыкновеннаго, а дядюшка побилъ меня болѣе обыкновеннаго... Онъ не всегда колотилъ меня, иногда ласкалъ, и все училъ меня одной пѣсенкѣ, которую я затвердила, и которая пригодилась мнѣ.»

«Мы были въ большомъ селеніи. Много было народу, толпившагося вмѣстѣ. Дядюшка все закрывалъ меня войлокомъ; но шумъ, говоръ, движеніе народа занимало меня, и я все выглядывала изъ-подъ своей крыши. Наконецъ дядюшка, наложивъ чего-то въ телегу, поѣхалъ. Вывезши изъ этаго селенія на гору и отъѣхавъ нѣсколько, вынулъ меня изъ телеги и посадилъ близъ дороги, на бугоркѣ; положилъ мнѣ

за пазуху большую кучу хлѣбныхъ ломтей и пряниковъ, сказалъ, что, напоивъ лошадь, скоро придетъ за мною. А ты не скучай». сказалъ онъ: «захочешь ѣсть, ѣшь; пой все пѣсенку, что я научилъ, да не отходи отъ этаго мѣста, пока я приду. Богъ съ тобой!» и съ этимъ словомъ поѣхалъ отъ меня скоро, но не въ селеніе, а въ противную сторону. Это я замѣтила.»

«Равнодушно ожидая дядюшки, ѣла я хлѣбъ, пряники... наѣлась, пропѣла свою пѣсенку нѣсколько разъ... дядюшки не видно!.. Должно быть, долго я сидѣла такъ, потому-что нѣсколько разъ принималась я за свою провизію. Наконецъ до того соскучилась, что стала плакать... Проѣзжающіе никто не обращалъ на меня вниманія; проходящіе посматривали на меня, и только... мнѣ было скучно очень... День уже склонялся къ вечеру; я понимала, что всѣ, идущіе мимо меня, возвращаются въ домы; съ кѣмъ же я останусь? И я принялась пѣть громче:

«Бѣдная сироточка
Какъ былинка въ полѣ.
Возмите, возмите ее
Христа ради!»

«Изъ проходящихъ нѣкоторые останавливались, слушали мою пѣсенку, которую я тутъ старалась выразительнѣе пѣть, и, ничего мнѣ не сказавъ, шли далѣе; другіе спрашивали: «чья ты, дѣвочка?»

— Дядюшкина — отвѣчала я, вздыхая.

«Гдѣ же твой дядюшка?»

— Повелъ далеко лошадь поить, да и нейдетъ!.. — и прѣ этомъ начинала плакать.

«Не плачь, ожидай его тутъ; онъ скоро придетъ», и уходили отъ меня...

«Чѣмъ больше вечерѣло, тѣмъ меньше уже являлось проходящихъ. Я очень понимала, что могу остаться и ночью одна въ полѣ... Рыдая отъ страха, я чуть видѣла кого, то уже не пѣла, а кричала:

«Возьмите, Христа ради!»

«И никто не бралъ сироточки, плачущей въ полѣ и готовой пропасть какъ былинка!...

«Солнце почти уже сѣло, какъ вотъ проходитъ старушка; замѣтила, услышала меня, остановилась и спросила:

«Чья ты дѣвочка?»

— Дядюшкина. —

«Кто же твой дядюшка?»

— Тетушкинъ. —

«Да ты здѣшняя, что-ли?»

— Я здѣшняя, да только далеко-далеко живу отсюда; а дядюшка поутру повелъ лошадь поить, а меня оставилъ здѣсь... уже и пряничковъ нѣтъ!... —

Старушка поняла, въ чемъ было дѣло, распросила еще, взяла меня и повела съ собою... Избушка у нея была самая бѣдненькая, и не чѣмъ было накормить меня; но я, *по милости дядюшки*, не была голодна, а скучала уже и по дядюшкѣ, потому-что мнѣ не нравилась старушка и изба ея, въ которой не было ничего того, что у матушки.

«Проведя ночь на голой доскѣ, я проснулась съ горькими слезами, и никакъ не могла приласкаться къ благодѣтельной старушкѣ, отъ того, что она была не такъ принаряжена, какъ тетушка. Утромъ старушка повела меня куда-то, гдѣ люди съ усами, съ большими висящими ножами, сидѣли и распросили старушку, а потомъ и меня. Записали, что меня зовутъ Фенюшкой, что сюда привезъ меня на бѣлой лошади дядюшка, съ небольшою рыжею бородою, въ сѣромъ зипунѣ, и повелъ лошадь поить, а меня оставилъ. Все это писали и отпустили насъ. Я безъ памяти была рада, уйдя отъ такихъ страш-

ныхъ людей: боялась, чтобы они меня не зарѣзали и не съѣли...

«Вотъ я и осталась на рукахъ у старушки, не имѣвшей чѣмъ и себя содержать. Для пропитанія нашего, она частью выпрашивала у добрыхъ людей!.. Прихаживали къ ней разныя женщины, распрашивали, жалѣли обо мнѣ; нѣкоторыя снабжали меня, не платьемъ, а лишь бы прикрыться... Живя тутъ, изъ разговоровъ я уже знала, что это «полковой городъ, Чугуевъ», и всѣ жители казаки, коренные Русскіе.»

«Въ одно время пришли казаки (я уже не боялась, что они меня зарѣжутъ) и сказали, что получены бумаги, и что о дядюшкѣ моемъ нѣтъ никакихъ слуховъ. Я не могла еще понимать всей жестокости моего положенія, и равнодушно приняла это извѣстіе. Мнѣ только тяжела была крайность, какую терпѣла я съ старушкою, а существовалъ ли еще дядюшка съ тетушкою, я этимъ не занималась.»

«Года два прожила я у старушки, какъ однажды она сказала мнѣ: «А что, Фенюшка! не могу я тебя, дитя мое, долго содержать. Кромѣ корму и одежи, тебя надо учить всему доброму; а я, видитъ Богъ и ты знаешь, съ трудомъ пропитываюсь. По примѣтамъ, будетъ тебѣ уже лѣтъ семь. Иди слу-

жить въ люди: будешь и сыта и обута, и всему пріучишься.»

«Безъ памяти обрадовалась я, что есть возможность мнѣ быть сытой и обутой, о чемъ я знала только по воспоминанію, и потому приступила просить старушку, чтобы скорѣе вела меня «въ-люди».

«По моимъ силамъ и понятію, мы съ старушкою шли очень далеко и пришли въ деревню Малиновку, всего отъ Чугуева версты три. Тутъ, поговоря съ одною женщиною, старушка оставила меня. Я увидѣла себя совершенно въ другомъ свѣтѣ. Другія лица на людяхъ, другая одежда, другіе обычаи, языкъ вовсе мнѣ неизвѣстный. Въ томъ селеніи жители Малороссіяне, коихъ я тогда въ первый разъ увидѣла. Мнѣ поручили нянчить дитя; я не умѣла съ нимъ обращаться, меня били и толковали; я не понимала языка, и меня снова били. Въ такихъ занятіяхъ прошелъ годъ: я ходила въ хозяйской одежѣ и обуви; съ меня сняли все, вздѣли лохмотье, въ которомъ я пришла къ нимъ; отпустили, безъ куска хлѣба и не давъ ни копѣйки денегъ, къ другому хозяину.»

«Такимъ образомъ я переходила отъ одного хозяина къ другому, занималась все однимъ и тѣмъ-же: нянчила дѣтей; безъ достаточной пищи была голодна, безъ одежды и обуви страдала отъ холоду; не

получала ничего за службу свою, но часто была бита хозяевами и большею частью по капризамъ ихъ. Я не зависѣла отъ себя, и всякій хозяинъ, во время службы моей у него, имѣлъ надо мною неограниченное право; назначалъ мнѣ новаго хозяина и, не спрашивая, хочу ли я служить у того или другаго, отправлялъ меня по своему выбору. Объ условіяхъ же за службу мою никогда никто не заботился, и не полагали, чтобы мнѣ это нужно было. «Фенюшка» или «всесвѣтная напьмичка» извѣстна была не только въ той слободѣ, но и въ ближнихъ селеніяхъ.»

«Мнѣ было уже, по моему счету, тринадцать лѣтъ, какъ у того хозяина, гдѣ служила я тогда, остановился ночевать священникъ изъ ближняго селенія «Граковы-хутора». Онъ слышалъ о Фенюшкѣ и о судьбѣ ея; призвалъ меня къ себѣ, распрашивалъ обо всемъ, касающемся до меня, тронулся моимъ положеніемъ, упрекалъ хозяевъ за жестокое обращеніе со мною. Наконецъ взялъ меня къ себѣ, пріодѣлъ, откормилъ; замѣтивъ ли во мнѣ способности, или располагая устроить мое счастье, началъ учить меня читать и писать. Вотъ когда я узнала себя и все меня окружающее!.. узнала горестное мое положеніе въ свѣтѣ... и не видѣла средствъ возвратить, нѣтъ, не имущество, я о немъ не думала, а имя — главнѣйшую необходимость для дѣвушки!.. Подъ именемъ дальней родственницы своей, благодѣтель-

ный священникъ содержалъ меня, какъ родную дочь; дѣтей у него не было. Онъ и жена его любили меня, и располагали, по возрастѣ моемъ, выдать меня за мужъ съ тѣмъ, чтобы мужъ мой былъ на его мѣстѣ священникомъ.»

«Жизнь моя текла въ радости, я сама завидовала моему положенію. Прошедшія бѣдствія казались мнѣ непріятнымъ сномъ, и я старалась не помнить ихъ. Я видѣла себя образованною, понимающею все. Вмѣстѣ съ священникомъ, отцомъ моимъ, я читала отборныя книги; слушала его изъясненія; обрѣла въ себѣ понятіе, сердце, чувство пріятнаго; изучалась отъ него, какъ жить, какъ, въ какихъ случаяхъ, мыслить, чувствовать и дѣйствовать; узнала цѣль, для чего человѣкъ живетъ... Даже суетность моя была удовлетворяема: какъ наслѣдницу значительнаго прихода, благодѣтели мои одѣвали, или лучше сказать, наряжали меня прилично тому и вывозили съ собою къ знакомымъ своимъ.»

«И мнѣ, также какъ и вамъ, Иванъ Никитичъ, счастье только польстило; и у меня, какъ у васъ, смерть преждевременно похитила благодѣтелей... Благодѣтельница моя, жена священника, умерла. Онъ сѣлъ при тѣлѣ ея, разсказывалъ всѣмъ предстоящимъ, какъ онъ сорокъ лѣтъ прожилъ съ нею въ совершенномъ согласіи, какъ былъ счастливъ, и, описывая, чего онъ лишился въ ней, языкъ его началъ кос-

нѣть .. далѣе онъ уже издавалъ одни звуки... бросились къ нему... у него отнялась рука, нога и языкъ... я не отходила отъ него... память его была помрачена .. полгода я лелѣяла его и... закрыла ему глаза.»

«Родственники моихъ благодѣтелей поспѣшили принять въ свое вѣдѣніе имѣніе ихъ и меня также. Начали мною распоряжать по своей волѣ. Могла ли я воспользоваться своею независимостію? Кто я? не знала даже и того. И куда мнѣ итти, зачѣмъ?.. Круглая, безпріютная сирота, не имѣющая права даже на свободу свою!.. Ужасно!..»

«Дни была я на тяжкой работѣ по домашнему хозяйству, угождая во всемъ новымъ повелителямъ своимъ, людямъ простымъ, грубымъ, прихотливымъ. Ни отъ кого изъ нихъ я не слыхала привѣтнаго слова... Ночи всѣ я плакала о горькой, необыкновенной долѣ своей!.. У меня отнимали книги, упрекали меня умничаньемъ... чего только не перенесла я отъ нихъ?!.»

«Я думала тогда, что не можетъ быть хуже положенія моего... но я не все еще испытала!..»

«Чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ смерти моего благодѣтеля, пріѣхалъ къ родственникамъ самый тотъ хозяинъ, гдѣ такъ нечаянно нашла я вѣчное

счастье свое..! Онъ предъявилъ, что покойный священникъ остался долженъ ему какую-то ничтожную сумму денегъ и требовалъ уплаты. Не желая тратиться, наслѣдники придумали средство удовлетворить требованіе долга, и меня, какъ рабочую скотину, отдали ему, чтобы отслужила тотъ долгъ. Нехотѣніе мое, отрицаніе, упорство, просьбы, жалобы, слезы — ничто не помогло; я, только-что не связанная, была повезена новымъ моимъ повелителемъ... и что я нашла у него въ семействѣ? Адъ совершенный!.. Хозяйка, женщина глупая, вздорная, злая безъ всякаго снисхожденія, взваливала на меня десять дѣлъ и ежеминутно за каждое взыскивала, ругая и упрекая меня чванствомъ и лѣностью. Другаго имени мнѣ не было, какъ «бѣлоручка» и «дармоѣдка». На другой день прибытія моего, потребовали отъ меня снять «панство» т. е. старенькое, ситцевое платьишко, и вздѣть на себя дрянную «плахту». Съ большими насмѣшками вынули изъ головы моей косной гребень, и волосы прикрыли тряпкой. Я должна была угождать хозяину, хозяйкѣ, двумъ капризнымъ дочерямъ, и почти всегда, отъ однаго къ другому не иначе была посылаема, какъ пощечиною!.. Какъ я не сошла съ ума?.. Если бы я продолжала, какъ и начала, быть простою работницею, то не чувствовала бы положенія своего, равнодушно переносила бы все, и полагала бы, что такъ и быть должно. Но имѣвъ случай открыть въ себѣ душу, образовать умъ и понимать, что я уже выше тепе-

решняго состоянія, что я убита еще въ невинномъ дѣтствѣ, что всѣ люди *живутъ*, а я одна страдаю и не предвижу никакихъ средствъ, никакой надежды хотя къ малѣйшему облегченію участи моей; то, признаюсь, положеніе мое было невыносимо!.. Тутъ только я впадала въ слабость упрекать дядюшку за отнятіе у меня имени, независимости!.. Въ нѣкоторые часы я точно находила въ себѣ помѣшательство разсудка до того, что близка была... къ самоубійству!.. Вѣра и упованіе на промыслъ Божій, надежда на милосердіе Его, прочно вкорененныя во мнѣ незабвеннымъ благодѣтелемъ, священникомъ, укрѣпляли меня во всѣхъ страданіяхъ!..»

«Утвердившись на такомъ прочномъ основаніи, я заключила, что воля Божія есть оставить меня навсегда въ этомъ званіи — и мнѣ стало отраднѣе, и тѣ же мученія я переносила равнодушнѣе. Изучивъ все до послѣдняго, относящееся къ управленію домашнимъ хозяйствомъ, я работала и присматривала за всѣмъ неутомимо; но ни что не было цѣнимо хозяевами, и участь моя не облегчалась.»

«При сдѣланной вамъ отъ хозяина обидѣ, я почувствовала въ себѣ необыкновенную рѣшимость; дѣйствовала по какому-то внушенію; видѣла ясно, что меня погубятъ, но уже была равнодушна ко всему, что бы ни послѣдовало со мною... Но что я должна была почувствовать, когда увидѣла, что человѣкъ, о

коемъ я мечтала уже болѣе, нежели объ обыкновенномъ, избранный мой, беретъ меня подъ свою защиту... рѣшается на такой поступокъ, о чемъ я и мечтать не смѣла!.. рѣшается — и приступаетъ къ исполненію? Только въ храмѣ Божіемъ я увѣрилась, что все это истина!... Сильный переходъ отъ ничтожества къ бытію и счастливой будущности показалъ мнѣ, что Господь утѣшилъ и наградилъ меня за всѣ бѣдствія... О, какъ молилась я при бракѣ!...»

«И въ то время, когда, удалясь отъ всѣхъ, я располагала излить предъ вами всю радость мою, восторгъ, полноту блаженства моего; показать вамъ, что имѣю сердце, душу, что самое малѣйшее помышленіе будетъ посвящено вамъ, что буду благоговѣть предъ вами за удаленіе навѣкъ отъ меня всякихъ бѣдствій, что я и эту радость и эту жизнь, ставшую уже драгоцѣнною для меня, все получила отъ васъ; когда симъ хотѣла облегчить сердце, тѣснимое полнотою блаженства. . . вдругъ увидѣла вашу холодность, угрюмость ....»

Тутъ Иванъ, въ продолженіе расказа жены, державшій ее на колѣняхъ, страдавшій, плакавшій съ нею, прижалъ ее къ сердцу и сказалъ:—тебѣ извѣстна причина размышленій моихъ. Принявъ тебя въ храмѣ Божіемъ, какъ бы отъ руки Его Святой, я придумывалъ доставить тебѣ отрадную и спокойную жизнь, подвергая себя даже частой разлукѣ съ тобою... —

«Ни за что въ свѣтѣ не оставлю васъ!» вскрикнула Фенюшка, усугубляя ласки свои къ мужу. «Не отвергайте только меня, не откажите первой просьбѣ жены своей и въ первый день брака нашего!.. Я вездѣ съ вами и все принимаю на свое попеченіе. Готова на всѣ странствованія, на всѣ лишенія, лишь бы всегда быть съ вами! . . . Вы мнѣ жизнь, свѣтъ, блаженство, спокойствіе».....

Такъ точно и жили наши супруги. Иванъ пріискалъ честнаго товарища для торгу, и къ его значительному капиталу присоединилъ и свои, уже менѣе тысячи рублей, деньги, изъ копхъ, не смотря ни на какія просьбы и убѣжденія Фенюшкины, издержалъ немного для необходимаго ей. Торгъ скотомъ шелъ у нихъ удачно. Иванъ безпрестанно разъѣзжалъ по Малороссіи и Новороссійскимъ губерніямъ; закупалъ скотъ и отправлялъ въ столицы, куда и самъ иногда долженъ былъ отправляться. Фенюшка была неразлучна съ нимъ и замѣняла ему, по обѣщанію, точно все. Въ дорогѣ стряпала, въ квартирахъ писала мужнины счеты, вела всѣ дѣла; потомъ, при отдыхѣ мужа, или читала ему что, или вмѣстѣ обсуживали какое новое предпріятіе, и совѣты ея всегда были полезны. Иванъ, узнавъ ея душу, умъ, сердце и любовь къ себѣ, восхищался ею, и не иначе принималъ, какъ Богъ послалъ въ ней награду ему за его терпѣніе. А она? она въ глаза смотрѣла своему Ванѣ, чтобы предупредить его желанія. Молитва ея утромъ и ве-

черомъ была сопровождаема слезами благодарности за великія къ нимъ милости Божіи!..

Въ первую поѣздку ихъ въ Москву, когда взъѣхали они, подъ Обоянью, на плотину, Фенюшка вскричала: «Никитичь!.. я помню эту плотину и этотъ мостъ!.. Боже! здѣсь близко моя родина!.. Матушка!..» и она залилась слезами.

Иванъ, распросивъ ее о всѣхъ обстоятельствахъ, теперь на мѣстѣ живо припоминаемыхъ ею, обѣщалъ изъ Обояни пуститься въ развѣдыванія о бывшемъ имуществѣ ея и о родныхъ...

«Оставь ихъ, другъ мой!» сказала она, «когда корысть заглушила въ нихъ всѣ чувства и возбуждала злость ихъ противъ меня, не смотря на невинный дѣтскій возрастъ мой, то чего они не предпримутъ теперь противъ меня, явной улики преступленія ихъ?»

И Иванъ, исполняя волю ея, не предпринималъ ничего и даже не разсказывалъ никому о участи жены своей. Онъ имѣлъ душевное удовольствіе дать у себя выгодныя мѣста дѣтямъ братьевъ своего благодѣтеля, лишившихъ его всего завѣщаннаго ему, какъ скоро прожили и истратили все, отнятое ими у Ивана (неправедное пріобрѣтеніе никогда не будетъ въ пользу). Сыновья ихъ должны были, для пріобрѣтенія чего-либо, искать мѣстъ у другихъ. Иванъ принялъ ихъ

и обращался съ ними не какъ съ работниками, а какъ съ сыновьями благодѣтелей своихъ. Онъ говорилъ: «могли бы и того не дать. Они причиною, что я могъ вступить въ промыселъ и составилъ уже состояніе себѣ.»

Дѣла его шли очень хорошо, и онъ имѣлъ возможность приступать къ значительнымъ оборотамъ. Капиталъ его видимо прирашался. Встрѣтилось одно предпріятіе, по всѣмъ соображеніямъ, выгодное. Надобно было ѣхать въ Коренную ярмарку. Фенюшка, какъ и всегда, поѣхала съ нимъ. Уже проѣхали Харьковъ, Бѣлгородъ и располагали ночевать въ Обояни, какъ къ вечеру, когда еще и солнце не совсѣмъ зашло, а въ полѣ уже и потемнѣло отъ черныхъ, густыхъ тучъ, нашедшихъ съ полудня. Скоро, быстро покрыли онѣ все небо. Дождь хлынулъ и лилъ рѣкою; вѣтеръ бушевалъ, громовой гулъ не умолкалъ отъ отдаленныхъ ударовъ, коп, по временамъ, разражались и надъ головами нашихъ путешественниковъ и заставляли трепетать Фенюшку въ кибиткѣ, лежащую въ постели и держащую мужа за руку. Молнія, все ярче и ярче, только одна указывала дорогу ямщику, управляющему парою уже усталыхъ лошадей. Наконецъ рѣшительно потеряли дорогу и, отыскивая ее, ѣздили по полю, по одному предположенію настоящаго пути.

«Какъ тебѣ не стыдно!» крикнулъ Иванъ изъ кибитки на ямщика; «тутъ живешь, а мѣстъ не знаешь. Чудакъ, право!»

— Чудакъ!—возразилъ съ упрекомъ ямщикъ— хоть будь тутъ самый разумный, такъ ничего не сдѣлаешь. Наслано, такъ никто не поможетъ.—

«Какъ наслано?» спросилъ съ любопытствомъ Иванъ.

— Ну, да не што! — говорилъ ямщикъ. — Али не видали, какъ я сталъ впрягать лошадей, вотъ гдѣ въ обѣдъ на постояломъ кормили, а тутъ и выйди... да какая?.. страсть смотрѣть! И стара, и простоволоса, и вымазана вся; да и глядитъ на меня быстро-быстро, а потомъ и спрошала: «куда къ ночи думаешь стать?» А я, съ-дуру, и скажи: — въ Обоянь-молъ.—А она и говоритъ: «доѣдешь, доѣдешь, за-свѣтло доѣдешь», да и ничего, и пошла-себѣ: а мнѣ такъ и подрало морозомъ спину... я и ничего-себѣ; да вотъ какъ экая причина постигла, такъ я и вспомнилъ: «доѣдешь-дискать за-свѣтло.» Анъ это она старая хрычовка... тьфу! не въ услыхъ ей—на смѣхъ сказала, да и наслала, чтобъ мы, за теменью, не доѣхали.—Да погоди ты, вражая колдунья! вотъ кабы скорѣе глупая полночь настала. —

«Что же будетъ, какъ полночь наступитъ?» спросилъ Иванъ.

— Вѣстимо што! Гдѣ ни-на-есть, въ христіанскомъ мѣстѣ, у добраго человѣка, что Бога боится, запоетъ пѣтухъ, такъ тутъ вся нечистая сила, вотъ, такъ разомъ, вся и сгинетъ... да и то, кажись, не што...— сказалъ ямщикъ и прилегъ къ лошадямъ, расматривая впередъ.

«Что тамъ?.. не видишь-ли чего?» спросилъ Иванъ съ нетерпѣніемъ.

— Кажись... маячитъ... али лѣсъ... али жилье...—

Рѣшились ѣхать къ видимому предмету. Лошади едва везли. То крикомъ понукая ихъ, то кнутомъ стегая, кое-какъ дотащились до видимаго и, приблизясь, расмотрѣли, что это жилье, изъ нѣсколькихъ дворовъ состоящее. Вблизи былъ лѣсъ.

«Сдѣлай милость, Никитичь», просила Фенюшка, «остановимся здѣсь. Я отъ страху, дождя и безпокойной дороги измучилась. И голодна и голова ужасно разболѣлась!»

Никитичь и самъ радъ былъ пристать куда-нибудь; приказалъ ямщику, примѣтивъ, гдѣ получше

дворъ, туда и въѣхать. Ямщикъ въ послѣдній разъ крикнулъ на лошадей, кои уже едва дотащили кибитку къ запертымъ воротамъ обширнаго двора.

Не смотря на лившійся дождь, Никитичь выскочилъ изъ кибитки и началъ стучать въ ворота. Скоро вышелъ старикъ, распросилъ, чего надобно, и пошелъ объявить хозяйству. Не замедлили отворить ворота, и наши путешественники въѣхали во дворъ, по примѣтамъ, зажиточнаго хозяина.

Фенюшку, измученную тряскою и напуганную громомъ и ѣздою ночью въ незнакомыхъ мѣстахъ, Иванъ внесъ на рукахъ въ большую избу, куда указалъ старикъ и уложилъ ее на скамейкѣ. Фенюшка, отъ сильной боли въ головѣ, связала ее платкомъ и старалась уснуть... но скоро начала расматривать все, находящееся въ комнатѣ...

Иванъ, успокоенный на счетъ Фенюшки, почитая, что стоящій у двери старикъ долженъ быть самъ хозяинъ, по обычаю проѣзжихъ, вступилъ съ нимъ въ распросы. Открылось, что въ этой деревнѣ живутъ все однодворцы съ своими крестьянами, и разсказывающій не хозяинъ, а крестьянинъ его...

«Никитичь! Бога ради, идите ко мнѣ скорѣе», сильно встревоженнымъ голосомъ кликнула его Фенюшка. Онъ подошелъ къ ней.

«Вышлите отсюда скорѣе этаго мужика», сказала ему Фенюшка шопотомъ и дрожа отъ страха.

Никитичь поручилъ кое-что старику, который и вышелъ, а самъ бросился успокоивать жену.—Что съ тобою, другъ мой? Чего ты такъ тревожишься?—

«Утѣшьте меня, сдѣлайте милость!» говорила она, цалуя руку его; «выѣдемъ скорѣе отсюда!...»

— Какъ это можно? Ты такъ слаба...—и боясь, не открылась ли въ ней горячка, отъ которой пришли ей нестройныя мысли, ощупывалъ ей голову и руки...

«Не безпокойтесь», сказала она: «я здорова, могу ѣхать, даже пѣшкомъ могу итти, лишь бы выбраться изъ этаго дома!...»

— Скажи, пожалуй! чего ты здѣсь боишься? —

«Я... этотъ домъ мнѣ... очень памятенъ!.. Я узнаю... что я здѣсь жила въ дѣтствѣ...»

— Не ужели? тѣмъ лучше... —

«Тише, тише, не говорите такъ громко!» шептала Фенюшка на ухо Никитичу, обнявъ его и

привлекши къ себѣ. «Насъ узнали... выѣдемъ, Бога ради, скорѣе... намъ, не только что лучше, но ждать бѣды надъ собою... поѣдемъ!» И съ симъ словомъ начала вставать.

—Не ошибаешься ли, другъ мой? Близость Обояни, беспокойство отъ дороги, все это поселило въ тебѣ мысли...—

«Ахъ, нѣтъ!» говорила Фенюшка, разсматривая все кругомъ: «эта комната напоминаетъ мнѣ все, бывшее въ моемъ дѣтствѣ. Тутъ, помню, снижевала матушка... ахъ, точно: вотъ образъ Спасителя съ благословляющею десницею; передъ нимъ заставляла меня матушка лепетать молитвы... Ахъ, Иванъ Никитичъ! если бы я могла заглянуть въ ту комнату; тамъ, у окна, есть столъ простой съ отбитымъ угломъ... а подлѣ большой печи замѣтный мнѣ сундукъ, на которомъ я всегда спала... Когда вы меня вносили сюда, вѣрно, дядюшка, отъ любопытства разсматривая проѣзжихъ, узналъ меня... и какъ жизнь моя, послѣ сдѣланнаго имъ со мною, ему ненавистна, то онъ прячется, острить ножи и, когда мы уснемъ, онъ насъ... зарѣжетъ...»

— Не беспокойся, другъ мой, безъ причины — сказалъ Иванъ, успокоивая ее. — Предоставь мнѣ устроить все къ твоему спокойствію. Со всею осторожностью я развѣдаю все подробно, и даю тебѣ слово

при малѣйшемъ подозрѣніи унести тебя на рукахъ, незамѣтно отъ всѣхъ. —

«Знаете ли что? Пока называйте меня Машенькою; скажите, что я родомъ изъ Курска... и Бога ради!..» Тутъ она начала горько плакать и шопотомъ упрашивать мужа, чтобы взялъ всѣ предосторожности...

—Не тревожься, другъ мой! Притворись спящею, а я кликну того же старика и стану выспрашивать, о чемъ нужно знать намъ.—

Онъ кликнулъ работника и, съ ласкою распрашивая его о семъ и томъ, спросилъ, какъ зовутъ его?

«Ѳаддеемъ, батюшка, зовутъ меня», отвѣчалъ старикъ.

Фенюшка вскочила-было съ мѣста, но скоро опять прилегла и оборотилась къ стѣнѣ...

Самъ Никитичъ смѣшался и не вдругъ могъ спросить: «гдѣ же вашъ хозяинъ, и не могу ли я пойти къ нему повидаться съ нимъ?»

— Хозяинъ нашъ, батюшка, успокоился, вотъ ужъ будя годовъ... съ пятнадцать; хозяюшка сама у насъ, да все, знашь, немошна.

«Не можно ли мнѣ хоть съ нею повидаться?» сказалъ Иванъ, успокоиваясь, что всѣ страхи Фенюшкины скоро разсѣются.

— Запрету нѣтъ — сказалъ Ѳаддей — коли поволишь, пожалуй сюда. — И тутъ отворилъ дверь въ другую комнату. Иванъ взялъ за руку Фенюшку, и, получивъ отъ нея пожатіе въ знакъ согласія на дѣйствія его, вошелъ за Ѳаддеемъ и увидѣлъ женщину лѣтъ подъ-шестьдесятъ, лежащую въ постелѣ. Поздоровавшись съ нею, какъ требовало приличіе, онъ благодарилъ за пріютъ и извинялся, если обезпокоилъ ее.

Старуха съ своей стороны объяснялась, что рада служить имъ, чѣмъ Богъ послалъ, и просила располагаться и спрашивать, чего угодно... «Сама бы вышла къ хозяюшкѣ-то твоей, да вотъ, десятая недѣля, не встаю...»

Между-тѣмъ, какъ старуха подробно описывала болѣзнь свою, Иванъ окинулъ глазомъ все, бывшее передъ нимъ; замѣтилъ столъ, сундукъ, сходный съ примѣтами, сказанными Фенюшкою. Онъ сѣлъ на немъ и продолжалъ бесѣдовать съ старухою, которая между разговоровъ кликнула: «няня! подико, приподыми меня!»

Вошла старуха слабая и дряхлая, и услужила больной.

«Гдѣ же дѣти ваши, матушка?» спросилъ Иванъ.

— Дѣти?... А на что это тебѣ, человѣкъ добрый? — торопливо спросила больная, быстро глядя на Ивана.

«Я такъ спросилъ. Когда есть няня, то были и дѣти, или есть.» Больная успокоилась. Иванъ примолвилъ, улыбаясь: «ваша няня чай и забыла, когда ходила за дѣтьми и сколькихъ вынянчила.»

— Ходила, батюшка, всего за однимъ дитей, да не привелъ Богъ порадоваться...—сказала няня, и старушечій, удушливый кашель помѣшалъ ей говорить. Она присѣла на кровать у ногъ хозяйки, которая что-то проворчала къ ней въ пол-голоса и закрылась простынею.

Иванъ поспѣшилъ къ Фенюшкѣ и разсказалъ слышанное имъ и замѣченное. Все утвердило ихъ, что это домъ, гдѣ жила Фенюшка. Обдумавъ и расположивъ все, они выждали, когда хозяйка, казалось, уснула или замолчала, и тогда Иванъ послалъ Ѳаддея просить няню, чтобы пришла разговорить жену его, которой что-то не спится.

Няня пришла, и послѣ первыхъ привѣтствій къ лежащей съ закутанною головой Фенюшкѣ, присѣла у ногъ ея и принялась разсказывать, къ рѣчи ли или

не къ рѣчи, когда и отъ чего слегла ея хозяйка; а то и прежде все хирѣла да болѣла съ тѣхъ поръ, какъ похоронила мужа; а мужъ-то ея умеръ чудесно! «А и онъ, знаешь, моя голубушка!» начала говорить няня въ пол-голоса, припавъ къ уху Фенюшки: «*взялши* любимую свою племянницу, сестры-то своей дочку, что любилъ безъ мѣры и никуда безъ нея; вотъ онъ повезъ ее съ собою далеко, еще за Курскъ; а она, малютка, такъ, годковъ пяти уже была, возьми да и заболѣй дорогою, да и умри!.. Онъ похоронилъ ее на чужой сторонѣ, да и пріѣхалъ домой, и скажи сперва хозяйкѣ, а тамъ и за мной послали. А видишь ли что? какъ покойная-то мать, настоящая хозяйка этой вотчины, жива была, такъ я глядѣла за ея дочкою и нянчила ее... Да что это за милое дитя было!.. какъ любила меня! (Фенюшка плакала тихо)... А вотъ, какъ хозяюшка-то умерла, такъ братъ ея, чтобъ присмотрѣть за всѣмъ сиротскимъ, началъ тутъ жить—и на дитю, на сироточку, не наглядится; и чтобы она его однаго знала, услалъ меня къ своимъ, далеко... Ужъ то-то я плакала!... Какъ душа моя знала, что не увижу ее болѣе!.. Вотъ, какъ моей-то крошки не стало, такъ и прислали за мной. Мы съ хозяйкой плачемъ, а хозяинъ, съ жалю за дитей, самъ не свой, нигдѣ мѣста не отыщетъ! А далѣ, совсѣмъ ума тронулся: бѣгаетъ, да намъ что-то указываетъ: «глядите, глядите!..» да и убѣгитъ. Да говорятъ, что еще въ дорогѣ съ тоски потерялся: поѣхалъ къ Курску, а воротился отъ Бѣлагорода.. Эка, голубчикъ, гдѣ свое горе хо-

[illegible] [illegible]! Тамъ опять навернется къ намъ и [illegible] [illegible]... Молитвы [illegible]... [illegible] постъ... Слышите? Вставайте, вставайте, Христа ради!.. а и снова [illegible] [illegible]... Схватить его, окропить святою водою — и [illegible]. Да вотъ [illegible], въ помеша[illegible] [illegible], встрепенулся, да тутъ и [illegible]!.. Подумаешь, что-то скорбь такая!.. Пара[illegible] — [illegible] [illegible] [illegible] — [illegible] его до смерти!.. Съ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и послѣдней радости! Хозяйка [illegible] [illegible] да [illegible] [illegible] ночи и дни, да богомолье, да [illegible]... «Грѣхъ, говоритъ, большой грѣхъ на душѣ [illegible]!» Она о своемъ, а я о своемъ, все плачу, да [illegible] [illegible] свѣта Божія не вижу!...»

— О чемъ же ты, няня, плачешь? — съ большимъ участіемъ спросила Фенюшка.

«Какъ, моя голубушка, не плакать? Что ангелъ Божій была моя Фенюшка..»

— Фенюшка?—встрепенулась она, зарыдавъ громко.

«Такъ, моя родимая!» продолжала няня, утирая слезы. «Вотъ и ты плачешь, не зная ея: что бы сказала, кабы знала?.. Голубчикомъ, милочка, бѣляночка моя! У меня на рукахъ во всякъ часъ была!.. [illegible] меня [illegible], [illegible], приговаривать: я тебя, няня, никогда не оставлю! Анъ вотъ, она, цвѣточекъ мой, [illegible], положила головку на чужой сто-

ронѣ; а я, старая! осталась горе мыкать! Не-кому было и оплакать ее съ такою душою, какъ моя! . .. Не-кому было обмыть ее вотъ этими горючими слезами!.. При ней не горевала бы я въ моей старости!.. Не скиталась бы дряхлою сиротою на бѣломъ свѣтѣ!.. Усмѣшечка ея веселила бы меня!.. Ручкой своей отирала бы мои слезы!.. А теперь кто...»

— Няня, няня! я отру твои слезы!..—закричала громко Фенюшка, кинувшись ей на шею.

Няня оторопѣла... Фенюшка, не выпуская ее, быстро смотрѣла ей въ глаза и нѣсколько разъ повторяла: — Няня! узнай меня... Я твоя Фенюшка... Опять на твоихъ рукахъ! О, узнай меня скорѣе и поспѣши передать благословеніе матушкино!.. —

«Господи! что это?..» едва говорила няня, дрожа всѣмъ тѣломъ, «и голосъ ея... и глазенки тѣ же... кто это?..»

— Твоя, точно твоя Фенюшка!... Никитичь, раскажите ей, что я не умирала — говорила Фенюшка, продолжая цаловать всегда памятныя и всегда любезныя ей морщины няни, прижимающей къ себѣ свою любимицу, какъ будто опасаясь, чтобы опять не похитили ее и не отняли у нея...

Изнемогающую отъ спльной радости няню Фенюшка усадила подлѣ себя и, обнявъ ее, все смотрѣла ей въ глаза, чтобы та не сомнѣвалась уже. Иванъ, чтобы скрыть преступленіе дяди, наскоро придумалъ басню, почему Фенюшку сочли умершею, и безъ всякой уже предосторожности, громко, какъ и всѣ тутъ говорили, расказывалъ нянѣ... какъ вдругъ Фенюшка вскрикнула отъ испугу... кто-то схватилъ ноги ея и цаловалъ...

«Праведница моя!» кричала тетка, слышавшая все изъ другой комнаты — и, какъ не могла притти, то приползла прямо къ ногамъ Фенюшки; занятые собою, никто не примѣтилъ ее. «Простишь ли своихъ мучителей, мученица невинная!» кричала тетка, терзая себя. «Гнѣвъ Божій наказалъ наше злодѣйство... я недостойна глядѣть на тебя... Корысть, жадность къ твоему добру, погубила его и меня съ нимъ!..»

Иванъ и Фенюшка бросились къ ней, подняли ее, усадили въ постель, цаловали ей руки и... успѣли, хотя немного, утѣшить ее, что Фенюшка все забыла, что она счастлива, успокоитъ ее на всю жизнь... Няня также увѣрилась, что это ея Фенюшка; плакала отъ радости и поминутно цаловала ее...

Основьяненко.

МУЗЫКАНТЪ.

I.

Утромъ 12 Сентября 18.. года погода была, противъ обыкновенія, строго соблюдаемаго на сѣверѣ, чудесная. Въ 2 часа по полудни отплылъ изъ Кронштата въ Петербургъ Бертовскій пароходъ, взявшій съ собою пассажировъ, прибывшихъ на Любскомъ пароходѣ изъ-за границы. Общество было не многочисленное, но довольно оригинальное. Столкновеніе людей разныхъ состояній, съ разными идеями, съ разными цѣлями жизни, съ разными страстями, съ разными наружностями, представляло пеструю картину, движущуюся между небомъ и моремъ на красивомъ и быстроходномъ суднѣ. Французскій парикмахеръ, бывавшій уже въ Петербургѣ, въ напыщенныхъ выраженіяхъ толковалъ своимъ соотечественникамъ о великолѣпномъ зрѣлищѣ, ожидающемъ

ихъ при въѣздѣ въ устье Невы, когда роскошныя набережныя разстелются передъ ихъ глазами. Пожилая гувернанта и молодая, вертлявая Французская актриса чинно сидѣли на скамьѣ съ предлинными лицами и сосали мятныя пастилки для унятія тошноты, которая, не смотря на то, что не было ни малѣйшей качки, по старой памяти, тревожила этихъ бѣдныхъ дамъ. Одинъ баронетъ и сѣдельникъ, представители Англійской націи на пароходѣ, ходили взадъ и впередъ по палубѣ, засунувъ руки въ пространные карманы сюртуковъ, куря сигары и не говоря ни слова. Чопорный, услужливый и до крайности вѣжливый Нѣмецкій дипломатъ охорашивался и, съ сладостной улыбкой, разговаривалъ съ смазливенькой женщиной неизвѣстнаго происхожденія. На носу стоялъ, одинъ одинехонекъ, мужчина лѣтъ 26 или болѣе, и, задумавшись, смотрѣлъ вдаль, такъ какъ умѣютъ смотрѣть одни Нѣмцы, законные владѣтели воздуха, мечтаній и табачнаго дыма. Задумчивый молодой человѣкъ былъ дѣйствительно Нѣмецъ и сверхъ того музыкантъ, а потому и имѣлъ полное право смотрѣть въ *туманну даль*. Онъ былъ высокаго роста, статенъ; благородныя черты лица его отѣнялись лѣсомъ густыхъ темнорусыхъ волосъ. Въ лѣвой рукѣ держалъ онъ зонтикъ, а правою опирался на поставленный стоймя на лавкѣ небольшой чемоданъ. Въ такомъ, или почти въ такомъ положеніи находилось общество, когда пароходъ въѣхалъ въ Неву. На брантвахтѣ часовой спросилъ пароходъ:

«Откуда?»

Кормчій, родомъ изъ Чухонъ, отвѣчалъ:

— Любскому пароходу пассажиръ возитъ. —

«Qu'est-ce qu'il dit là?» спросилъ одинъ изъ Французовъ парикмахера.

— Онъ спрашиваетъ, какой вѣтеръ въ заливѣ,— отвѣчалъ, не запинаясь, парикмахеръ; — это такъ водится въ Петербургѣ: всякое судно, идущее изъ Кронштата, должно давать извѣстіе о вѣтрѣ. —

«Ah! c'est bien», возразилъ спрашивающій.

При видѣ гигантскихъ зданій нашей сѣверной Пальмиры пароходная публика зашевелилась.

Ахамъ, охамъ и другимъ восклицаніямъ не было конца.

«Ah! que c'est bien! Посмотрите, господа!» кричалъ парикмахеръ.

— Es ist wirklich wunderschön! — замѣчалъ Нѣмецкій дипломатъ своей дамѣ.

«О!» сказалъ баронетъ, выпяливая глаза.

— О!—повторилъ сѣдельникъ, глядя на аристократа.

«Diable! c'est magnifique», ревѣлъ парикмахеръ, и хоромъ вторили ему его прежніе слушатели.

— Matame, c'est très choli!—говорила Нѣмецкая гувернанта актрисѣ.

«C'est bien, mais... ce n'est pas Paris», отвѣчала актриса, вынимая изъ мѣшка новую провизію мятныхъ пастилокъ.

Одинъ только музыкантъ стоялъ молча и неподвижно на носу парохода; но и онъ не смотрѣлъ уже болѣе dahin, а окидывалъ взоромъ эти великолѣпные дворцы, стоящіе по обѣимъ сторонамъ рѣки и соперничествующіе другъ передъ другомъ красотою, огромностью и изяществомъ формъ.

«Видите ли вы этотъ мостъ?» говорилъ парикмахеръ своимъ соотечественникамъ, указывая на виднѣвшійся вдали Исакіевскій. «Eh bien, messieurs! такихъ мостовъ на Невѣ восемь.»

— Diable!—возразили Французы, подымая брови къ верху.

«Я жилъ шесть мѣсяцевъ въ Петербургѣ», продолжалъ парикмахеръ, «и знаю это навѣрное. Скажу вамъ болѣе: паралельно Невѣ перерѣзываютъ городъ семь рѣкъ. Изъ нихъ главныя: рѣка Екатерины и Моикъ. Невскій проспектъ такъ длиненъ, что въ полсутки не пройдешь отъ однаго конца къ другому, а ширина его, mais vous ne me croirez pas!.. Ces Anglais, sont-ils drôles! посмотрите, эти два Англичанина ходятъ по палубѣ и нимало не восхищаются, какъ будто они въѣзжаютъ въ какой-нибудь Плимутъ или даже хуже.»

Между-тѣмъ пароходъ скользилъ по гладкой поверхности Невы; колеса его крутились и вспѣнивали воду; труба дымилась. Но вотъ онъ пошелъ медленнѣе, медленнѣе, держалъ правѣе и наконецъ причалилъ къ Англійской набережной. Мостикъ переброшенъ, пассажиры хлынули на берегъ.

«Par ici, par ici», кричалъ парикмахеръ одному изъ своихъ товарищей. «Зевошникъ! на Горохова, Камени мостъ!» И вотъ онъ усѣлся съ пріятелемъ на дрожки.

Англійскій баронетъ кликнулъ своего наемнаго лакея, хвастявшаго знаніемъ Русскаго языка, и сказалъ ему:

«Coach!»

Лакей бросился къ извощику и толковалъ ему что-то, но тотъ изъ всѣхъ рѣчей его понялъ только: Демутъ-трактиръ, сказалъ: «двугривенный, баринъ», и подалъ дрожки.

Еще Нѣмецкая гувернанта и Французская актриса собирали свои пожитки, когда музыкантъ вышелъ на берегъ.

«Gegrüszt sey du fremdes Land!» думалъ онъ, ступая на гранитъ Англійской набережной.

— Quel joli garçon—говорила актриса, глядя на удаляющагося музыканта.

«Oui matame, très choli allemand,» отвѣчала гувернанта.

И вотъ наконецъ всѣ пассажиры вышли на берегъ.

Музыкантъ обратился къ одному изъ пассажировъ, бывавшему уже прежде въ Петербургѣ, и спросилъ его, гдѣ контора пароходства. Тотъ указалъ ему на вывѣску, и Нѣмецъ вошелъ въ извѣстный всѣмъ жителямъ Петербурга домъ, куда не одинъ изъ нихъ являлся для полученія билета къ отъѣзду за границу, въ надеждѣ поправить здоровье, разсѣять лѣнь, отдохнуть отъ трудовъ, или съ намѣреніемъ проку-

тить подъ чужимъ небомъ нажитыя въ отечествѣ или полученныя въ наслѣдство деньги.

«Нѣтъ ли письма на имя Фердинанда Баумштейна?» спросилъ музыкантъ, входя въ комнату.

Черезъ нѣсколько минутъ, прислонясь къ окну, онъ читалъ письмо брата своего.

Воспользуемся этимъ временемъ и познакомимъ читателя съ Фердинандомъ. Фердинандъ Іоахимъ Маріа Баумштейнъ родился въ Саксоніи, недалеко отъ города Кемница. Отецъ его былъ пасторъ. По примѣру всѣхъ Нѣмецкихъ священниковъ, онъ заботился о воспитаніи сына и предназначалъ ему итти по той же стезѣ, по которой шелъ самъ. Послѣ первоначальнаго образованія въ гимназіяхъ, Фердинанда отправили въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ онъ долженъ былъ слушать и штудировать богословіе. Должно однако сказать, что Фердинандъ, будучи еще дома, имѣлъ непреодолимую страсть къ музыкѣ. Старый органистъ церкви, въ которой отецъ Фердинанда былъ пасторомъ, видя въ мальчикѣ способности и охоту къ музыкѣ, училъ его играть на органѣ и пѣть. Невыразимое наслажденіе заниматься музыкою достигло у Фердинанда высшей степени, когда онъ, будучи 15-ти лѣтнимъ мальчикомъ, получилъ однажды отъ стараго органиста позволеніе играть вмѣсто него въ

церкви въ праздничный день. Ночь, предшествовавшую этому вожделѣнному дню, провелъ Фердинандъ безъ сна. Мысль поразить слушателей возвышенными аккордами, которые онъ извлечетъ изъ органа при пѣніи божественныхъ псалмовъ, приводила его въ восторгъ. Не будучи отъ природы застѣнчивымъ въ дѣлѣ искуства, онъ выполнилъ весьма удовлетворительно ту музыку, которая ему была назначена. Отецъ его былъ доволенъ, а старикъ органистъ внѣ себя отъ радости отъ успѣховъ своего ученика.

«Dasz wird ein solider Musikant werden», говорилъ онъ.

Въ университетѣ Фердинандъ слушалъ лекціи, учился, но при всемъ томъ не оставлялъ своихъ музыкальныхъ занятій. Концерты Бетговена и Моцарта, геніальныя творенія Себастіана Баха и Гайдна доставляли ему неописуемое наслажденіе. Наконецъ, мало по малу, врожденное чувство взяло верхъ, и онъ рѣшился, бросивъ свои университетскія занятія, вполнѣ посвятить себя поэзіи музыки. Фердинандъ написалъ объ этомъ отцу.

«Размысли», отвѣчалъ старикъ, «что ты хочешь предпринять; пока я живъ, могу снабжать тебя необходимымъ, а по смерти моей тебѣ не на кого надѣяться; въ нашъ вѣкъ искуства не кормятъ. Отпра-

впвъ тебя въ университетъ для слушанія богословія, я имѣлъ въ виду, что ты со-временемъ займешь мое мѣсто по управленію небольшой паствой нашего прихода и, съ благословеніемъ Божіимъ, будешь жить плодами трудовъ своихъ. Впрочемъ, всякой человѣкъ долженъ слѣдовать влеченію чувствъ своихъ, если они не предосудительны. Лучше быть хорошимъ музыкантомъ, нежели нерадивымъ пасторомъ; а, проводя дни и ночи надъ музыкальными сочиненіями, трудно пещись съ ревностію о сохраненіи Слова Божія въ сердцахъ прихожанъ. И такъ повторяю, дѣлай, какъ хочешь; но обдумай здраво предпринимаемое тобою. Во мнѣ найдешь ты во всякомъ случаѣ, какъ и всегда, любящаго тебя и желающаго тебѣ добра человѣка.»

Получивъ это письмо, Фердинандъ былъ нѣкоторое время въ нерѣшимости. Онъ вспомнилъ свою покойную мать, которой лишился лѣтъ пять тому назадъ; она всегда желала, чтобы онъ былъ пасторомъ. Потомъ вспомнилъ онъ о единственномъ своемъ братѣ, который былъ часовымъ мастеромъ въ Петербургѣ: его тоже прочили въ священники; но и тотъ пошелъ по другой дорогѣ. «Жаль огорчить старика», подумалъ Фердинандъ, и остался въ университетѣ. Но не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ, терзаемый геніемъ музыки, долженъ былъ уступить своей страсти и уѣхалъ изъ Лейпцига къ отцу. Старикъ принялъ его съ распростертыми объятіями, не

дѣлалъ ни упрековъ, ни замѣчаній, а сказалъ только:

«Ты рѣшился, сынъ мой! благословляю тебя на путь. Ступай въ Дрезденъ, а оттуда въ Берлинъ; знакомься съ виртуозами; въ нихъ тамъ нѣтъ недостатка; учись и не унывай; тебѣ предстоитъ, можетъ быть, многое выдержать.»

Фердинандъ, думая, что ему приходится разлучиться съ отцемъ на долгое время, рѣшился прожить съ нимъ мѣсяца четыре, прежде-нежели предприметъ свое странствованіе. Старикъ былъ вдвойнѣ радъ этому, во-первыхъ потому, что, будучи старъ, онъ не могъ надѣяться на свиданіе съ сыномъ; а во-вторыхъ потому, что хотѣлъ воспользоваться этимъ временемъ, дабы предупредить письменно нѣкоторыхъ друзей своихъ въ Дрезденѣ о скоромъ прибытіи туда сына и просить ихъ покровительства молодому, вступающему въ свѣтъ, человѣку.

Фердинанду было тогда 18 лѣтъ.

Однажды утромъ старикъ пасторъ позвалъ Фердинанда въ свою комнату.

«Я нашелъ прекрасный случай для тебя ѣхать въ Дрезденъ, любезный другъ; вчера вечеромъ видѣлъ я семейство Формана; ты не знаешь ихъ?»

— Нѣтъ, батюшка — отвѣчалъ Фердинандъ.

«Они люди достаточные», продолжалъ отецъ, «я ихъ знаю давно и уважаю за тѣ прекрасныя качества, которыя отличаютъ людей, живущихъ въ вѣрѣ и помнящихъ долгъ свой. Форманъ года два жилъ теперь въ своемъ помѣстьѣ, и черезъ мѣсяцъ ѣдетъ въ Дрезденъ, куда призываютъ его коммерческіе обороты.»

— Но вѣдь я, батюшка, долженъ уѣхать отсюда не ранѣе, какъ черезъ два мѣсяца. —

«Знаю, Фердинандъ; но случай, который представляется мнѣ сблизить тебя съ людьми почтенными, желающими тебѣ, какъ сыну моему, добра, такъ важенъ, что имъ не должно пренебречь. Мнѣ вѣрно было бы очень пріятно сохранить тебя здѣсь мѣсяцемъ болѣе, но разсудокъ велитъ дѣйствовать иначе. Завтра поѣду я вмѣстѣ съ тобою къ Форманамъ и представлю тебя всему семейству.»

Фердинандъ, не желая противорѣчить отцу, отправился съ нимъ на другой день знакомиться съ людьми, съ которыми ему надобно было ѣхать въ Дрезденъ.

Форманъ былъ женатъ и имѣлъ одну дочь, Амалію. Они приняли стараго пастора и сына какъ

нельзя лучше. Форманъ былъ почти однихъ лѣтъ съ старикомъ Баумштейномъ; они вмѣстѣ учились въ Лейпцигѣ и Іенѣ, и помнили еще свое старое *камарадство*.

Жена его была хорошая, добрая Нѣмка, отличная хозяйка; но не блистала ничѣмъ такимъ, что даетъ женщинѣ вѣсъ въ обществѣ. Амалія... Амалія была красавица, и ей было 16 лѣтъ. Пылкое воображеніе Фердинанда, его горячее сердце воспламенились до крайности при видѣ прелестной дѣвушки. Онъ *пришелъ*, *увидѣлъ*... но не побѣдилъ, какъ Кесарь, а влюбился такъ, какъ влюбляются безумные поэты въ 18 лѣтъ; а Амалія, невинное существо, замѣтила его какъ гостя, для котораго надобно намазать лишній кусокъ хлѣба съ масломъ, и не обратила ни малѣйшаго вниманія на огненные взгляды, которые Фердинандъ бросалъ на нее.

Чтобы короче ознакомить сына своего съ семействомъ Формана, старикъ пасторъ просилъ у своего школьнаго товарища позволенія для Фердинанда возобновлять свои посѣщенія, сколь можно чаще. Форманъ былъ очень радъ.

«Отъ васъ сюда всего полмили» говорилъ онъ, «и я надѣюсь, что вы будете посвящать намъ свои досуги.»

Дорогой старикъ Баумштейнъ давалъ сыну различныя наставленія, и между-прочимъ уговаривалъ его не пренебрегать знакомствомъ съ Форманами и стараться здѣсь уже заслужить ихъ расположеніе.

Слѣдуя не столько наставленіямъ отца, сколько влеченію собственнаго своего сердца, Фердинандъ бѣгалъ къ Форманамъ безпрестанно. Не знаю, въ какой степени Амалія замѣчала возрастающую любовь Фердинанда, а могу сказать, что она смотрѣла на него не какъ на чужаго. Они играли вмѣстѣ на фортепіано; она выучивала пѣсенки, которыя Фердинандъ сочинялъ для ея голоса, и молодые люди были счастливы.

Наконецъ срокъ отъѣзда въ Дрезденъ насталъ.

Дрожащею рукою благословилъ старикъ пасторъ своего сына, и сказалъ ему:

«Богъ да хранитъ тебя, Фердинандъ, да дастъ Онъ тебѣ твердость и силу! Не унывай никогда; исполняй строго долгъ твой, и ты будешь счастливъ; не забывай священныхъ словъ: Seelig sind die Gottes Wort hören und bewahren (Блаженни слышащіе слово Божіе и хранящи е). Богъ наша крѣпость и сила, Онъ нашъ помощникъ и покровитель; молись Ему съ вѣрою, помни обязанности христіанина, и благо будетъ тебѣ на землѣ.»

Изсохшими руками обнялъ старикъ сына. Сынъ припалъ къ груди его съ горячими лобзаніями. Чистыя слезы лились изъ глазъ ихъ, слезы разлуки.

«До свиданія!» сказалъ отецъ, вырываясь изъ объятій сына, «до свиданія!» И онъ поднялъ глаза къ небу, какъ бы помышляя о единственномъ, возможномъ для нихъ свиданіи въ иномъ мірѣ.

Смятые отъ лобзаній сѣдые волосы, его грустная улыбка и слеза, катившаяся по пожелтѣвшей щекѣ его, все это придавало старику видъ страданія спокойнаго, безропотнаго, которымъ тронулся бы всякой человѣкъ.

Черезъ полчаса Фердинандъ сидѣлъ съ Форманами въ ихъ дорожномъ Stuhlwagen (Штульвагенъ), а къ вечеру они были уже въ Дрезденѣ. Не стану утомлять читателя описаніемъ Дрездена и его окрестностей, картинами прогулокъ на Брюлевской террасѣ и въ *большомъ саду* (Grosze Garten), поѣздокъ въ Таррантъ и пр. Все это извѣстно всякому порядочному человѣку, если не по собственному опыту, то изъ описаній путешественниковъ, трудившихся надъ записываніемъ своихъ впечатлѣній. Скажу коротко, что Баумштейнъ прожилъ въ Дрезденѣ два года, сдѣлавъ большіе успѣхи въ музыкѣ и въ наукѣ любви. Онъ сдѣлался замѣчательнымъ музыкантомъ, игралъ на фортепіано въ совершенствѣ и сочинялъ

концерты, рондо, имѣвшіе значительный успѣхъ. Его начали считать однимъ изъ музыкальныхъ геніевъ вѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ любовь его къ Амаліи возрастала и наконецъ сообщилась и ей: она также полюбила Фердинанда. Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ многое перемѣнилось. Старикъ пасторъ умеръ, оплаканный своимъ сыномъ и своими прихожанами, а Форманъ, вовлекшійся въ неудачныя спекуляціи, раззорился. Это послѣднее обстоятельство имѣло важное вліяніе на судьбу Фердинанда. Отецъ его, умирая, оставилъ ему въ наслѣдство честное имя, родительское благословеніе, библію, нѣсколько старой мебели и ни гроша денегъ. У Формана было едва-едва довольно средствъ для прокормленія себя съ семействомъ. Самъ Фердинандъ жилъ почти воздухомъ. Какъ быть? хотѣлось бы жениться на Амаліи! Отецъ ея, обѣднѣвъ, охотно бы отдалъ ее за Фердинанда. Да чѣмъ жить? Надобно трудиться и ждать. Въ такомъ раздумьѣ вспомнилъ Фердинандъ о братѣ своемъ, жившемъ въ Петербургѣ часовымъ мастеромъ, и рѣшился спросить его совѣта, не отправиться ли ему въ Петербургъ искать счастія, т. е. денегъ, не говоря ему впрочемъ ничего о любви своей къ Амаліи. Братъ не заставилъ ждать отвѣта. Онъ писалъ Фердинанду, что онъ лучше ничего не могъ выдумать, какъ пріѣхать въ Петербургъ, тѣмъ болѣе, что тамъ теперь недостатокъ въ хорошихъ музыкантахъ и что легко можно зашибить копѣйку въ короткое время. Сказано, сдѣлано. Передъ отъѣздомъ Фердинандъ объяснился

съ Амаліей. Они признались другъ другу въ любви. Фердинандъ сообщилъ Амаліи свои намѣренія и взялъ съ нее слово хранить на счетъ всего этаго молчаніе.

— Черезъ два, три года я вернусь; а тогда, Богъ ластъ, все пойдетъ хорошо; а если... ну да вѣдь у тебя дѣло не станетъ за женихами. Коли захочешь выйти за мужъ, значитъ, меня разлюбишь, тогда...—

Онъ не договорилъ. Амалія заплакала. Любовники растались.

Мы видѣли, какъ Фердинандъ въѣхалъ въ Петербургъ и читалъ письмо брата своего въ конторѣ пароходства. Въ письмѣ этомъ братъ увѣдомлялъ его о перемѣнѣ квартиры и описывалъ подробно свое новое мѣсто жительства.

II.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ того же года Петербургскіе журналы и газеты объявляли публикѣ о прибытіи въ столицу отличнаго виртуоза, создателя новой фортепіанной школы, который смѣло можетъ быть поставленъ въ головѣ всѣхъ піанистовъ Европы. Афиша гласила, что г. Фердинандъ Баумштейнъ будетъ имѣть честь дать въ бывшей Филармонической залѣ большой концертъ. Этотъ первый концертъ былъ чрезвычайно удаченъ. Публика *отхлопала*

Фердинанда на-славу. Послѣ втораго концерта о Баумштейнѣ сильно заговорили въ городѣ, а послѣ третьяго только и разговоровъ было, что о прекрасномъ музыкантѣ. Дамы, ревностныя покровительницы талантовъ съ красивыми наружностями, наперерывъ начали упрашивать Баумштейна давать имъ уроки. Фердинандъ съ охотой принималъ предложенія, которыя вели его къ желанной цѣли, къ пріобрѣтенію средствъ для исполненія намѣреній своихъ. Необыкновенно покровительствуемый счастіемъ, Фердинандъ пріобрѣталъ много. Вскорѣ нанялъ онъ себѣ отдѣльную отъ брата своего квартиру, ибо скромный уголъ, который удѣлялъ ему часовщикъ, оказывался недостаточнымъ и неприличнымъ для пріема многочисленныхъ посѣтителей, стекавшихся у Фердинанда.

Необходимость являться въ нарядныхъ гостиныхъ заставила Фердинанда подумать о приличной щеголеватости одежды. Онъ одѣлся по послѣдней модѣ, завилъ свои прекрасные русые волосы, напялилъ желтыя перчатки, выпустилъ на полвершка рукава тонкой рубашки, заключилъ ноги въ лакированные сапоги и началъ являться къ своимъ ученицамъ совершеннымъ франтомъ, о которомъ всякая дама сказала бы: «il est tout-à-fait comme il faut.» Къ тому же онъ говорилъ по-Французски весьма порядочно. Его начали приглашать въ общества, какъ знаменитаго артиста. Словомъ, дѣла его шли такъ хорошо, что

не болѣе, какъ черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ прибытія своего въ Петербургъ, онъ отправилъ въ Дрезденъ къ Амаліи письмо, изъ коего выписываемъ здѣсь нѣсколько строкъ.

«Судьбѣ угодно осчастливить насъ и соединить гораздо скорѣе, нежели какъ мы думали. Если я поработаю здѣсь еще много-много годъ, то дѣла мои будутъ въ весьма хорошемъ состояніи. Тогда я могу возвратиться въ Дрезденъ, и если ты захочешь, то мы переселимся съ тобою въ Петербургъ, гдѣ я трудами моими буду въ состояніи пріобрѣтать болѣе, нежели сколько намъ нужно на прожитокъ; если же тебѣ не угодно, то мы останемся въ Дрезденѣ, гдѣ съ небольшимъ капиталомъ, который у меня къ тому времени накопится, также можно будетъ жить безбѣдно и счастливо, благословляя Бога, подавшаго намъ скорую руку помощи.»

Баумштейнъ становился все болѣе и болѣе извѣстнымъ, такъ-что наконецъ принадлежало къ хорошему тону непремѣнно брать у него уроки, какъ нѣкогда необходимо нужно было учиться у Фильда. Фердинандъ работалъ неутомимо. Въ числѣ домовъ большаго свѣта, которые онъ посѣщалъ, былъ и домъ извѣстной графини Таровской, славившейся своею красотою, любезностью, богатствомъ и красотою ея падчерицы Александры, или, какъ ее называли, Алины, шестнадцати-лѣтней дѣвушки. Графиня бы-

ла вдова. Ей было 18 лѣтъ, когда шестидесяти-лѣтній графъ Таровскій, именемъ и званіемъ занимавшій почетное мѣсто въ обществѣ, прельстился красотою Елены Николаевны (такъ звали графиню) и ея богатствомъ, и посватался за нее. Отецъ и мать Елены, стремившіеся безплодно всю жизнь попасть въ знать, были до крайности польщены предложеніемъ графа. Чтобъ легче склонить Елену къ браку съ пожилымъ вдовцомъ, имѣвшимъ взрослыхъ дѣтей и застарѣлую подагру, родители ея дали ей почувствовать наслажденіе, ожидающее ее, являться въ свѣтъ, блистать въ обществѣ, быть хозяйкой аристократическаго дома, принимать у себя *сливки* общества и т. д. Всѣ эти картины, какъ блестящая фантасмагорія, безпрестанно смѣняясь передъ глазами Елены, ослѣпили ее своимъ мишурнымъ блескомъ, и она согласилась отдать руку и сердце графу Таровскому. Великолѣпно отдѣлали домъ молодыхъ; цѣлый мѣсяцъ шили ливреи на безчисленныхъ холопьевъ, эту толпу дармоѣдовъ, необходимыхъ въ Русскихъ барскихъ палатахъ. Отецъ Елены, что называется, лѣзъ изъ кожи, чтобы угодить своему знатному зятю, прихвастнуть передъ нимъ своимъ золотомъ. Все, что Петербургъ производитъ лучшаго, наполняло домъ новобрачныхъ: мебели геніальнаго Гамбса, экипажи—созданіе не менѣе геніальнаго Іохима, серебро и бронзы Англійскаго магазина, фарфоры и хрусталь—изящныя произведенія Императорскихъ заводовъ, и все это украшено гербомъ знаменитаго рода графовъ Таровскихъ. Въ пер-

вые мѣсяцы Елена, окруженная блескомъ и шумомъ свѣта, увлекшаго ее въ своемъ вихрѣ, не могла дать себѣ отчета въ томъ, что съ нею дѣлалось; они прошли, какъ волшебный сонъ съ безпрестанно измѣняющимися декораціями. У графа были сынъ и дочь. Сынъ служилъ въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ поручикомъ, а Алинѣ было 13 лѣтъ. О семейномъ счастіи, въ томъ смыслѣ, въ какомъ слѣдуетъ принимать его, не могло быть и рѣчи при такихъ обстоятельствахъ.

Елена жила, какъ живутъ всѣ свѣтскія женщины, переходя съ постели въ руки парикмахера, принимая и дѣлая визиты по-утру, обѣдая или внѣ дома, или принимая у себя гостей; послѣ обѣда въ абонированную ложу Михайловскаго театра, или въ оперу, тамъ на балъ, раутъ или музыкальный вечеръ и... день прошелъ.

Въ такомъ положеніи Елена создала себѣ наслажденіе, опять-таки довольно обыкновенное свѣтскимъ женщинамъ: она заставляла говорить о себѣ, окруживъ себя толпою поклонниковъ, трубившихъ повсюду о ея красотѣ, богатствѣ и т. д. Она дѣлала добро не изъ любви къ добру, а для того, чтобы объ этомъ говорили; помогала бѣднымъ, и сама первая же объ этомъ разглашала; словомъ, она, во что бы то ни стало, хотѣла добиться колоссальной извѣстности, хотѣла, чтобы ее знали всѣ, и знать и средній

классъ, чтобы всѣ объ ней говорили и восхищались ею. И она такъ искусно кокетничала со всѣми не только красотой своей, но и своими деньгами и своею добродѣтелью (гдѣ было нужно), что достигла своей цѣли. Черезъ полтора года послѣ свадьбы, старикъ графъ Таровскій, прожившій вѣкъ свой вполнѣ счастливо, умеръ отъ своей вѣрной подруги — подагры, поднявшейся въ желудокъ, оставивъ по себѣ двадцатилѣтнюю вдову съ недостигшей еще 15 лѣтъ падчерицей. Елена прикинулась неутѣшною, носила глубочайшій трауръ, ѣздила три мѣсяца сряду ежедневно на могилу мужа и никого не принимала, кромѣ самыхъ короткихъ знакомыхъ, которыхъ однако набралось довольно много. Объ ней заговорили опять. «Какая примѣрная жена! Таровскій не стоилъ такаго ангела!»

Елена дѣйствительно жалѣла о потерѣ мужа, не потому, чтобы любила его, но потому, что лишилась съ его смертію надежды быть возведенной въ княжеское достоинство, о которомъ она мечтала не разъ въ минуты сожалѣнія о неполномъ счастіи. Когда она говорила о покойномъ мужѣ, то подымала свои темные голубые глаза къ небу или медленно опускала ихъ внизъ, и послушная слеза всякой разъ блистала въ нихъ. Ея грусть и въ началѣ была тиха, но не потому, что она покорялась безропотно судьбѣ своей, а потому, что, во-первыхъ, сильныя ощущенія вредятъ здоровью, покрывая лице ранними морщина-

ми, и во-вторыхъ потому, что рыданія и отчаяніе sont du mauvais genre, а Елена всю жизнь свою расчитывала всѣ дѣйствія свои и слова для произведенія эффекта, сообразнаго съ духомъ моды и хорошаго тона. Алина плакала отъ души. Она теряла въ отцѣ человѣка, любившаго ее безъ памяти. Къ тому же одна изъ ея гувернантокъ (у нея попеременно было ихъ шесть), разсердившись за что-то на Елену Николаевну, втолковала Алинѣ, что великая разница между матерью и мачихой; что пока графъ живъ, то все еще туда-сюда; а если Богу угодно будетъ призвать его къ себѣ; «alors vous saurez, ma chère, ce que c'est qu'une belle-mère. Она хороша, но вы лучше ея, «продолжала гувернантка, «и это будетъ предметомъ вѣчной, непримиримой вражды между вами. Ваша мачиха никогда не проститъ вамъ вашей красоты. Vous aurez du fil à retordre, ma bonne amie.

Алина, можетъ быть, и не повѣрила этимъ словамъ въ то время; но когда отецъ ея умеръ, она невольно припомнила ихъ... ей сдѣлалось страшно. Будучи отъ природы добраго нрава, она однако не могла побѣдить въ себѣ впечатлѣнія, произведеннаго на ея юношескіе умъ и сердце словами гувернанты. Невольно начала она замѣчать всѣ подробности обращенія Елены съ нею, подчинять строгому разбору каждое слово, сказанное ею. Эта недовѣрчивость, не имѣв-

шая тогда, можетъ быть, никакаго основанія, заставляла Алину часто дѣлать глупости, противорѣчить мачихѣ тамъ, гдѣ это вовсе было не нужно, и наконецъ мало по малу между ними вкралась нѣкоторая холодность. Елена съ своей стороны, привыкшая видѣть во всѣхъ и вездѣ безусловное поклоненіе, была до крайности оскорблена тѣмъ, что должна была получить первый урокъ жизни отъ той, которую называла своей дочерью. Это заставило ее также жалѣть о смерти мужа.

Сынъ графа Таровскаго былъ шалунъ, не смотря на то, что такія шалости бываютъ часто самыя непростительныя. Вино, карты и другія удовольствія были его кумирами, которымъ онъ предавался со всею пылкостію молодости. Всѣ эти пороки были прикрыты у него красивой наружностью, блестящимъ именемъ, богатствомъ и нѣкоторою наглостію, этими яркими красками, закрашивающими часто и самые худые поступки. Скажу болѣе: въ обществѣ любили молодаго Таровскаго. Молодежь собиралась къ нему пить и играть; онъ давалъ ей часто пирушки; дамамъ онъ нравился наружностію и ловкимъ обращеніемъ. Природа не отказала ему въ остромъ, колкомъ, насмѣшливомъ умѣ, и привычка тереться въ свѣтѣ навела на все это лоскъ, необходимый въ раззолоченыхъ гостиныхъ. Поведеніе его было часто предосудительно, но онъ никогда и ничѣмъ не подавалъ по-

вода къ насмѣшкѣ, и это также давало ему нѣкоторый вѣсъ въ свѣтѣ, гдѣ прощаютъ человѣку все, кромѣ смѣшнаго. При жизни отца молодой графъ Таровскій велъ себя нѣсколько осмотрительнѣе, потому-что боялся старика, не изъ любви къ нему, а такъ, по привычкѣ. Поведеніе его въ отношеніи къ мачихѣ было, до смерти отца, довольно почтительное. Но когда старикъ графъ умеръ, то молодой Таровскій началъ почти явно ухаживать за Еленой. Она сначала старалась подъ разными предлогами избѣгать свиданій съ нимъ; но видя, что преслѣдованія его отъ того не прекращаются, рѣшилась при первомъ удобномъ случаѣ запретить ему являться къ ней въ домъ. Вскорѣ Елена, сочла нужнымъ написать ему письмо, которое въ Русскомъ переводѣ здѣсь предлагаемъ читателю.

«Ваше поведеніе въ отношеніи ко мнѣ такъ оскорбительно, что я, изъ уваженія къ себѣ самой и любя сестру вашу, для которой ваше общество можетъ быть только вреднымъ, покорнѣйше прошу васъ уволить меня вовсе отъ вашихъ посѣщеній. Люди мои получили приказаніе не принимать васъ *никогда*. Я бы не написала такъ рѣшительно этаго послѣдняго слова, если бъ не знала васъ; къ несчастію, вы неисправимы. Неприличная жизнь ваша слишкомъ извѣстна, и я, не смотря на уваженіе и любовь, ко-

торыя питаю къ памяти отца вашего, не могу согласиться принимать васъ у себя для того, чтобы навлекать на себя нареканіе всего свѣта. Надѣюсь, что въ васъ еще есть столько благородства, чтобы исполнить мое желаніе.

Гр. Елена Таровская.»

Таровскій, получивъ это письмо, подумалъ:

— Зачѣмъ противорѣчить капризу женщины? Будемъ играть роль покорнаго. Придетъ и моя очередь предписывать тебѣ законы, Елена! —

Вѣроятно, по этой причинѣ Таровскій молчалъ. Елена разгласила однако, что принуждена была запретить Николаю посѣщать ея домъ.

Злые языки, готовые всегда прицѣпиться ко всему для сочиненія сплетней, толковали по-своему это распоряженіе Елены.

Мнѣніе свѣта хотѣло-было уже заклеймить *репутацію* Елены; но поведеніе ея было такъ скромно, что словоохотливость злоязычія теряла съ каждымъ днемъ свою силу. Сверхъ того друзья Елены распространяли о добродѣтели ея такіе слухи, что вскорѣ перестали объ этомъ говорить. Эта катастрофа имѣла выгодныя послѣдствія для Елены; она подала новый

поводъ говорить о ней, и графиня пріобрѣла еще болѣе извѣстности въ свѣтѣ.

Таровскій, не отказывавшійся въ душѣ отъ своихъ преслѣдованій, умѣлъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ выманить у Елены хитростію дозволеніе являться снова къ ней въ домъ. Онъ былъ такъ почтителенъ, такъ, казалось, благоразуменъ, что Елена, не видя никакой для себя опасности, рѣшилась согласиться на его просьбы, припрaвленныя изъявленіемъ полнаго раскаянія въ прежнемъ безразсудствѣ. И Елена Николаевна зажила по-прежнему. По-прежнему была она окружена многочисленными поклонниками. Кокетничая искусно со всѣми, она держала все свое войско *en haleine*, не отпуская въ отставку ни одного солдата, даже инвалидовъ. Всякой изъ нихъ думалъ, что со временемъ добьется исключительной привязанности Елены, и все напрасно. Она въ жизни не любила никого, а морочила всѣхъ, въ томъ числѣ и покойнаго своего мужа. Водить за носъ толпу вздыхателей-селадоновъ было истиннымъ, постояннымъ ея наслажденіемъ.

Въ такомъ положеніи находился домъ графини Елены Николаевны, когда въ городѣ заговорили о новопріѣзжемъ изъ-за границы музыкантѣ. Будучи хорошей музыкантшей и покровительницей талантовъ, а главное, слѣдуя модѣ, Елена сочла долгомъ

своимъ пригласить Фердинанда Баумштейна для преподаванія музыки себѣ и падчерицѣ своей Аминѣ.

Появленіе Баумштейна въ домѣ графини Таровской было весьма важно для молодаго музыканта. Хотя онъ уже и пользовался тогда значительною извѣстностію въ Петербургѣ; но, не смотря на это, входъ въ гостиную модной женщины, обладавшей неограниченною властію надъ множествомъ людей, принадлежавшихъ къ хорошему обществу, былъ для него весьма важенъ. Извѣстность — великое дѣло для таланта; а откуда могъ Баумштейнъ распространить ее болѣе, какъ не изъ дому графини Елены Николаевны, которая всю жизнь свою стремилась къ тому, чтобы ее знали *всѣ*. Великолѣпное убранство дома графини поразило Фердинанда. Хотя посѣщеніе нѣкоторыхъ знатныхъ домовъ въ Петербургѣ и пріучило его нѣсколько къ гигантской роскоши нашей сѣверной столицы; но залы графини превосходили все, видѣнное имъ доселѣ. Въ нихъ, правда, ничто не бросалось въ глаза отдѣльно, но цѣлое удивляло гармоніей изящества и вкуса.

«Какія очаровательныя женщины — графиня и ея падчерица!» думалъ Фердинандъ, выходя отъ нихъ послѣ перваго урока. И вдругъ, какъ бы испугавшись этаго замѣчанія, онъ вспомнилъ о своей восхитительной Амаліи, о ея скромномъ житьѣ-бытьѣ близъ Кеминца... онъ вздохнулъ и съ восторгомъ

сказалъ самому себѣ: «тамъ счастье, а здѣсь поддѣльныя радости; тамъ мой рай, а здѣсь... здѣсь пролегаетъ тяжкій путь мой для достиженія блаженства.»

Пришедъ домой, Фердинандъ сѣлъ къ своему роялю. Клавиши запѣли подъ его пальцами; звуки лились, сливаясь съ гармоническими аккордами. Онъ высказывалъ положеніе души своей восхитительными мелодіями. Къ ней, къ ней, къ своей прекрасной Амаліи летѣлъ онъ сердцемъ; онъ пѣлъ любовь свою къ ней, онъ пѣлъ счастіе перваго признанія, горесть разлуки и радость будущаго свиданія.

Любите ли вы слушать, какъ фантазируетъ хорошій музыкантъ, художникъ въ душѣ? Любите ли вы слѣдить ухомъ за переходами въ его игрѣ? Умѣете ли вы угадывать въ каждомъ звукѣ, издаваемомъ инструментомъ, его таинственный смыслъ, таящійся въ душѣ артиста? Любите ли вы ловить эти вопли сердца, вырывающіеся у него иногда увлекательными восклицаніями звуковъ? Если вамъ случалось находиться въ обаятельномъ состояніи, слушая исповѣдь сердца музыканта, то вы поймете то высокое наслажденіе, которое должно наполнять душу самаго художника въ такія минуты вдохновеннаго творчества. Вы не удивитесь тогда, если я вамъ скажу, что, когда Фердинандъ кончилъ, когда звуки замерли и только одно неопредѣленное, едва слышное сотрясеніе воздуха отъ движенія струнъ

напомнпнало ему о томъ, что этотъ мертвый инструментъ служилъ ему сей-часъ орудіемъ, замѣнялъ ему всю гибкость и всѣ оттѣнки языка; вы не удивитесь, что онъ зарыдалъ какъ ребенокъ, не зная, радость или горе выжимаетъ изъ глазъ его слезы.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ сѣлъ и написалъ самое пламенное посланіе къ Амаліи. Онъ былъ такъ счастливъ, что въ душѣ его не было мѣста для иныхъ ощущеній, какъ только для радости тихой, безмятежной. Въ тотъ же вечеръ былъ онъ званъ на музыкальный вечеръ. «Не пойду туда», думалъ онъ, «зачѣмъ осквернять мнѣ эти минуты блаженства игрою передъ толпой равнодушныхъ слушателей! посвящу сегодняшній день наслажденіямъ, которыми я не могу дѣлиться съ людьми; своими глупыми похвалами они затопчутъ въ грязь священные порывы моего сердца.» Онъ написалъ, что внезапное нездоровье лишаетъ его удовольствія явиться на вечеръ, и остался дома. Кто бы могъ подслушать то, что онъ игралъ въ этотъ вечеръ въ своемъ уединеніи, тотъ не усомнился бы въ томъ, что онъ великій музыкальный геній.

Поздно пришелъ къ нему его братъ, и весьма удивился, заставъ его дома. Онъ зналъ, что Фердинандъ долженъ былъ въ тотъ вечеръ играть.

«Я не думалъ застать тебя», сказалъ онъ ему. «Развѣ вечеръ ужъ кончился?»

— Не знаю, я не былъ тамъ — отвѣчалъ Фердинандъ.

«Отъ чего же?»

Фердинандъ расказалъ ему откровенно причину. Братъ началъ ему выговаривать, расчитывая со всею аккуратностію Нѣмецкаго ремесленника весь убытокъ, который онъ понесъ отъ своего каприза. Фердинандъ доказывалъ ему, что это не капризъ; что если онъ будетъ принуждать себя въ такихъ случаяхъ, то убьетъ свой талантъ. Братъ не понималъ его.

«Не совѣтую тебѣ часто поступать такъ», сказалъ онъ въ заключеніе, «это не понравится публикѣ, и тогда ты пропалъ. Аккуратность прежде всего. Если мнѣ закажутъ часы, такъ я, хоть ночи не сплю, а сдѣлаю къ сроку».

Добрый часовщикъ не понималъ разницы между машинальнымъ собираніемъ часовыхъ колесъ и музыкальнымъ занятіемъ. То и другое было въ глазахъ его ремесло, и больше ничего.

Поспѣвъ еще нѣсколько времени, онъ началъ медленно шарить въ боковомъ карманѣ.

«Я-было и забылъ», говорилъ онъ, «что къ тебѣ есть письмо...»

— Письмо? прервалъ его съ жаромъ Фердинандъ: давай, давай; откуда? —

«Не знаю, отвѣчалъ хладнокровно часовщикъ; я не посмотрѣлъ на штемпель; знаю только, что изъ-за границы, и что я заплатилъ за него два рубля восемьдесятъ двѣ копѣйки.»

— Вѣрно изъ Дрездена, отъ Амаліи — возразилъ Фердинандъ, и съ жадностію протянулъ руку.

По часовщикъ, не измѣняя своему хладнокровію, вынулъ изъ кармана кипу бумагъ и началъ съ убійственною медленностію разбирать поочередно каждую бумажку.

— Поскорѣе, братъ!—говорилъ Фердинандъ.

«Подожди, не могу отыскать», отвѣчалъ тотъ, «все счеты, да счеты; вотъ оно... Нѣтъ, нѣтъ, это не то... сей-часъ... Ахъ, Боже мой! по этому счету вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ не могу получить денегъ; надобно пойти завтра.» Такими эпизодами мучилъ часовщикъ Фердинанда довольно долго, и наконецъ, нашедъ письмо, подалъ его брату съ тою же Нѣмецкою флегмою, съ какою искалъ его.

Сломать печать и вынуть письмо изъ конверта было для Фердинанда секуднымъ дѣломъ. Письмо было отъ Амаліи.

«Тише, разорвешь письмо; можетъ быть, сургучь присталъ», говорилъ часовщикъ, видя поспѣшность брата; но Фердинандъ въ концѣ этой фразы уже читалъ письмо.

Вотъ оно:

«Много благодарю тебя, мой дорогой Фердинандъ, за твое послѣднее письмо; оно обрадовало меня несказанно. И такъ время свиданія нашего не такъ далеко, какъ мы думали. Какое блаженство! Эта мысль такъ восхитила меня, что я, признаюсь тебѣ въ этомъ, смотрѣла болѣе съ спокойнымъ сердцемъ на нездоровье моего отца. Добрый старикъ былъ очень боленъ. Теперь ему полегче. Главною причиною болѣзни его, я это знаю, есть стѣсненное положеніе, въ которомъ онъ находится въ отношеніи къ денежнымъ дѣламъ. Долги мучатъ его ужасно. Недавно еще одинъ изъ кредиторовъ его подалъ жалобу. Надобно было уплатить, а денегъ не-откуда взять. Къ счастію, пришло мнѣ на умъ, что у меня есть кое-какія золотыя вещи, оставленныя мнѣ матушкой; къ великой радости моей, нашелся покупщикъ и далъ за нихъ нѣсколько талеровъ болѣе, нежели сколько нужно было уплатить. Батюшка, узнавъ это,

сначала посердился, но потомъ простилъ мнѣ. Кажется, что теперь не предвидится скорыхъ требованій; а до тѣхъ поръ будемъ работать и, Богъ дастъ, накопимъ для будущихъ платежей. *Прецель*, къ которому ты такъ часто ревновалъ меня, полагая, что онъ непремѣнно будетъ за меня свататься, бываетъ у насъ теперь гораздо рѣже. Онъ занятъ большими спекуляціями и только изрѣдка можетъ удѣлять нѣсколько часовъ для бесѣды съ батюшкой, котораго онъ очень любитъ. Папенька также уважаетъ его. Недавно узнала я, что онъ имѣетъ отъ батюшки заемное письмо на довольно значительную сумму; но, дай Богъ ему здоровья, онъ никогда не тревожитъ насъ и не напоминаетъ даже о долгѣ. Я ему за это очень благодарна. Если бъ ему вздумалось потребовать свои деньги, то батюшка пропалъ бы. Извини, мой безцѣнный другъ, что я пишу тебѣ объ этомъ; но вѣдь ты такой добрый и вѣрно простишь твоей Амаліи ея болтливость. Ты теперь въ большомъ городѣ, пользуешься уваженіемъ знатныхъ людей; вокругъ тебя столько жизни, разнообразія... остается ли у тебя время подумать о твоей Амаліи? Любитъ ли меня мой Фердинандъ по-прежнему? Такъ думаю я иногда, любезный другъ; но будь спокоенъ, я бы наклеветала на себя, если бъ сказала тебѣ, что это меня мучитъ. Такія мысли приходятъ ко мнѣ внезапно, противъ моей воли, и улетаютъ такъ же скоро. Я такъ тебя люблю, что малѣйшее недовѣріе или страхъ показались бы мнѣ преступленіемъ, а наша

любовь такъ чиста! Неоцѣненный мой Фердинандъ! велика жертва, которую ты приносишь мнѣ! Растаться съ родиной!.. Но, ради Бога, не оставайся долго въ отлучкѣ; что намъ богатство? Я такъ люблю тебя, что удовольствовалась бы самыми ничтожными средствами! При первой возможности брось все... Но нѣтъ, зачѣмъ лишаться тебѣ твоей славы? зачѣмъ не достигнуть тебѣ того, что слѣдуетъ тебѣ по-праву? Если намъ и не суждено соединиться, то развѣ Амалія не можетъ быть счастлива, слыша въ своемъ уединеніи, что Фердинандъ счастливъ... своею славой. Мое сердце, моя любовь — они, можетъ быть, не въ состояніи наполнить душу генія. Тебѣ нужна слава, слава, слава! Прости меня, я, быть можетъ, заблуждаюсь; я, можетъ быть, огорчаю тебя; но обвиняй въ этомъ случаѣ одну лишь безграничную любовь твоей

Амаліи.»

Когда Фердинандъ прочелъ письмо, братъ его пожалъ ему руку и, сказавъ нѣсколько словъ въ видѣ наставленія, ушелъ домой.

Письмо Амаліи было перечитано нѣсколько разъ, измято поцѣлуями, орошено слезами.

«Слава!» думалъ Фердинандъ, «что мнѣ въ ней! Когда искалъ я ея? Какія радости принесетъ она мнѣ? Мнѣ нужно счастье, счастье! А гдѣ оно? у груди моей Амаліи. Останусь здѣсь столько времени, сколь-

ко нужно, чтобы заплатить долги Формана и накопить что-нибудь, хоть самое незначительное для себя; а тогда, прощай Петербургъ! Не заманишь ты меня ни роскошью, ни шумомъ, ни даже лавровымъ вѣнкомъ, который бы соблазнилъ, можетъ быть, иного безумца, но не меня.»

Фердинандъ легъ спать. Во снѣ онъ былъ въ Дрезденѣ, у своей возлюбленной Амаліи.

III.

Теперь заглянемъ снова въ домъ графини Таровской.

Прошелъ мѣсяцъ послѣ появленія въ немъ Фердинанда. Графиня Елена Николаевна сидитъ за своимъ великолѣпнымъ роялемъ и разыгрываетъ при учителѣ варіаціи Калькбреннера. Баумштейнъ съ величайшимъ вниманіемъ слѣдуетъ за движеніемъ пальцевъ своей ученицы, ловитъ ухомъ каждую ноту.

«Est-ce bien?» спрашиваетъ его Елена Николаевна, сыгравъ довольно трудный пассажъ.

— Pardon, madame la comtesse, отвѣчаетъ Фердинандъ; у васъ правая рука нѣсколько отстаетъ отъ лѣвой, и вы не довольно сильно обозначаете басовыя ноты. —

«Voulez vous bien, monsieur, jouer ce passage; je serai tout oreille.»

Баумштейнъ сѣлъ и, сказавъ, что сыграетъ всю варіацію, началъ прелюдировать.

«Скажите, monsieur Баумштейнъ», спросила графиня, «Алина играетъ уже эту варіацію?»

— Да, она въ прошлый урокъ сыграла ее отлично. —

«Elle a beaucoup de talent», сухо отвѣчала графиня.

Баумштейнъ кончилъ прелюдію.

— Veuillez faire attention, madame, сказалъ онъ, je commence la variation. —

Лишь только онъ началъ играть, въ комнату вошла Алина едва слышными шагами, и остановилась у рояля. Въ утреннемъ костюмѣ, лишенномъ всѣхъ блестокъ, которыми покрываютъ себя женщины для появленія въ свѣтѣ, она была прелестна. Ея глаза, большіе, черные, полные пышной жизни, горѣли неизъяснимо чуднымъ огнемъ; ея черные локоны вились около ея смуглой, пухленькой шейки; на щекахъ рдѣлся свѣжій румянецъ, на устахъ улыбка. Алина

была восхитительна, какъ гурія Магаммедова рая, назначенная въ удѣлъ ревностнѣйшему мусульманину. Баумштейнъ, увидя ее, привсталъ и поклонился; она присѣла ему такъ граціозно, такъ мило, что бѣдный музыкантъ совсѣмъ растерялся. Онъ сѣлъ на свое мѣсто, и началъ снова играть; но онъ не смотрѣлъ на ноты; глаза его то опускались на клавиши, то подымались къ прелестному личику Алины. Онъ игралъ восхитительно, щеки его пылали, губы сжимались судорожно...

«Mais vous jouez autre chose, monsieur», замѣтила удивленная графиня.

Баумштейнъ внезапно остановился, всталъ, посмотрѣлъ сперва на Алину, потомъ на Елену Николаевну, и сказалъ съ замѣтнымъ смущеніемъ:

— Извините, графиня, я задумался... —

«Разсѣянность есть принадлежность генія», прервала его Алина.

Глаза Баумштейна и графини мгновенно обратились на Алину; но наблюдатель прочелъ бы въ этихъ двухъ взглядахъ два совершенно различныя выраженія. Въ глазахъ Баумштейна сіяла радость, радость, которую ощущаетъ ребенокъ при видѣ любимой игрушки. Въ глазахъ графини изображалось

удивленіе, смѣшанное съ досадой. Алина же, не подозрѣвая ничего, не замѣтила даже взгляда мачихи, и любовалась восторженнымъ выраженіемъ лица Фердинанда. Фердинандъ чувствовалъ дѣйствіе этаго продолжительнаго взгляда Алины; онъ впивался въ нее взоромъ. Графиня, замѣтивъ, что Алина не обращаетъ на нее вниманія, разсердилась не на шутку и, принявъ довольно строгій видъ, сказала:

«Allez, mademoiselle, ne nous empechez pas.» И потомъ, обращаясь къ Баумштейну, погруженному еще въ мечтанія, прибавила: «allons, monsieur, revenez de vos rêres enchanteurs. Я спѣшу; мнѣ сегодня не-когда.»

Алина вышла, потупивъ глазки, и сѣла въ сосѣдней комнатѣ въ мягкое кресло. Фердинандъ перевернулъ машинально страницу нотъ и началъ играть другую варіацію.

«Не то, не то», говорила графиня, принуждая себя улыбнуться, «vous n'y êtes pas. Вотъ здѣсь», и она перевернула обратно страницу.

— Извините, графиня, отвѣчалъ Баумштейнъ; я такъ разсѣянъ... —

«Вы оправдываете слова моей дочери. Elle a peut-être raison. Вы такъ играете, что васъ можно слушать всю жизнь и не наслушаться.»

— Вы слишкомъ снисходительны, графиня. —

«Я говорю, что думаю и чувствую. Я бы отдала десять лѣтъ жизни за то, чтобы мнѣ удалось хоть разъ сыграть такъ, какъ вы всегда играете. Вы должны быть очень счастливы.»

— Я? Да... нѣтъ... Богъ знаетъ; я и самъ не знаю. Я чувствую, что я бы могъ быть счастливъ; но кто знаетъ, когда сбудутся мои желанія, и сбудутся ли они когда-нибудь? —

«Вы вѣрно влюблены? Отгадала ли я?» И, произнося эти слова, графиня пристально посмотрѣла ему въ лицо.

Баумштейнъ взглянулъ также на нее, призадумался; въ глазахъ его было какое-то странное, необыкновенное выраженіе. Помолчавъ съ минуту, онъ твердымъ голосомъ сказалъ:

— Нѣтъ! —

Алина кашлянула въ сосѣдней комнатѣ. Баумштейнъ хотѣлъ, чтобы скрыть свое смущеніе, по-

смотрѣть на записку, въ которой были отмѣчены уроки на тотъ день, и вмѣсто нея вынулъ письмо Амаліи. Поспѣшно спрятавъ его въ карманъ, онъ подумалъ, что все это очень, очень странно.

Лице графини просіяло.

«Смотрите», сказала она, «чтобы вамъ не влюбиться здѣсь, въ Петербургѣ; что ни говори, довольно хорошенькихъ личикъ.»

— Побывавъ у васъ въ домѣ, графиня, всякой скажетъ, что въ Петербургѣ есть истинныя красавицы. —

Графиня, привыкшая слушать совершенно хладнокровно такіе комплименты отъ множества мущинъ, какъ-то смѣшалась при этихъ словахъ Фердинанда, и только легкой улыбкой самодовольствія, сопровождаемой краснотою на щекахъ, отвѣчала музыканту. Потомъ, оправившись, она сказала:

«Такая похвала отъ человѣка, незнающаго притворства, какъ вы, должна очень льстить моему самолюбію.»

— Я не думаю, отвѣчалъ Фердинандъ, чтобы она могла порадовать васъ и вашу дочь. Я ничто, а... вы графиня... Знаете ли? трудно найти такую со-

вершенную красавицу, какъ mademoiselle Aline; какой ростъ, какіе глаза... прелесть! —

«Однако мы опять заговорились», подхватила графиня; «пора кончить урокъ.»

Баумштейнъ началъ играть. Графиня стала передъ нимъ, опершись на рояль, и не спускала съ него глазъ. Онъ игралъ превосходно, но ни разу не взглянулъ на Елену Николаевну.

Въ это время вошелъ въ комнату Николай Таровскій.

«Здравствуйте, Елена Николаевна! Здравствуйте, monsieur Баумштейнъ! Если бъ вы знали, графиня, какъ смѣшно было мнѣ, когда я вошелъ въ комнату и посмотрѣлъ на васъ. Monsieur Баумштейнъ погрузился въ музыку, а вы стояли передъ нимъ en contemplation, какъ передъ божествомъ какимъ-нибудь».

— Quelle folie, отвѣчала графиня, закраснѣвшись; потомъ, обратясь къ Фердинанду, присѣла и прибавила: bonjour, monsieur, à jeudi; я сей-часъ поѣду со двора. —

Проходя черезъ гостиную, графиня застала Алину, сидящую въ креслахъ. Алина была погружена

въ размышленіе и не замѣтила прихода Елены Николаевны.

«Она была здѣсь!» подумала Елена, и, подойдя къ дочери, довольно сердито спросила ее:

«Que faites vous ici?»

Алина какъ-бы испугалась и едва внятно отвѣчала:

— Rien, maman. —

Когда Фердинандъ вышелъ на улицу, онъ вздохнулъ свободнѣе; ему казалось, что онъ вырвался изъ темницы. Вниманіе Елены Николаевны было ему тягостно, вниманіе Алины страшно. Онъ не могъ дать себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ; но ему казалось ясно, что отношенія его къ графинѣ и къ ея дочери принимали какой-то странный видъ.

«Что имъ до меня? Зачѣмъ онѣ меня мучатъ? Онѣ мнѣ чужія, какъ и я имъ, и мы останемся всегда на томъ же разстояніи другъ отъ друга. Алина красотою своею можетъ свести съ ума, а если къ этому будетъ она мнѣ пророчить имя генія, то, право, надобно такъ сильно любить Амалію, какъ я ее люблю, чтобы не бояться соперничества прелестной графини (не матери, а дочери). Если это будетъ

продолжаться, то я перестану ходить къ нимъ въ домъ. Онѣ, можетъ быть, шутятъ, смѣются надо мной, а я не терплю насмѣшекъ, и эти шутки могутъ кончиться плохо.»

IV.

Недѣли черезъ двѣ у графини Елены Николаевны былъ музыкальный вечеръ. Корифеемъ этаго вечера долженъ былъ быть, разумѣется, Фердинандъ Баумштейнъ. На него было тогда устремлено вниманіе всѣхъ знатоковъ и любителей музыки. Графиня и Алина упросили Фердинанда сыграть въ этотъ вечеръ что-нибудь новое, его сочиненія. Фердинандъ обѣщалъ имъ, и въ однѣ сутки написалъ ту восхитительную пьесу, которою публика такъ долго восхищалась, подъ поэтическимъ названіемъ Liebessehnsucht. Лучшее общество собралось въ великолѣпный домъ графини Таровской. Залы горѣли огнемъ люстръ и канделабръ, и свѣтъ ихъ отражался въ огромныхъ зеркалахъ и въ свѣтломъ паркетѣ. Тутъ были женщины съ упоительными плечами и съ волнующеюся грудью, доказывающею, что подъ тугимъ корсетомъ бьется сердце, нечуждое сладкихъ чувствъ любви. Тутъ были почтенныя и не почтенныя старушки, живыя муміи, посѣщающія общество, какъ онѣ говорятъ, для внучекъ и племянницъ, а по-истинѣ давно продавшія души свои

демону свѣтскихъ страстей, доступныхъ въ ихъ лѣта, какъ то: картамъ, сплетнямъ, охотѣ наряжаться, и т. д. Тутъ были дѣвицы, Пигмаліоновы статуи, ожидающія, въ лицѣ мужа, огня, долженствующаго оживить ихъ. Тутъ были и такія, которыхъ огонь могъ бы скорѣе превратить въ пепелъ, нежели оживить. Тутъ было нѣсколько блѣдныхъ юношей, высохшихъ отъ танцевъ подъ ладъ Лядовской музыки. Тутъ были люди съ значительными физіономіями, нюхающіе табакъ съ разстановкою, въ довольно неуклюжихъ одеждахъ, и играющіе въ вистъ по 100 рублей point. Тутъ было нѣсколько юныхъ поэтовъ, въ черныхъ платьяхъ и жилетахъ, съ развѣвающимися волосами, вѣроятно, для доставленія чорту болѣе удобства тащить ихъ въ адъ за ихъ никуда негодные стихи. Тутъ были знатоки-любители музыки, важно толкующіе о Моцартѣ и Бетговенѣ. Тутъ было также нѣсколько хорошихъ и умныхъ людей обоего пола. Словомъ, къ графинѣ съѣхался, что называется, весь городъ.

Хозяйку и ея падчерицу окружала толпа вздыхателей. Графиня любезничала со всѣми, порхала отъ дамскаго кружка къ мужскому, отъ одного карточнаго стола къ другому, таща за собою всюду мужчинъ какъ комета свой длинный, пестрый хвостъ. Громкіе разговоры, хохотъ, шушуканье, восклицанія раздавались во всѣхъ залахъ. Толкотня страшная.

Чудо, а не вечеръ. Кстати сказать, графиня говорила какъ-то, что желала бы назвать къ себѣ столько гостей, чтобы не только въ комнатахъ, но и на лѣстницѣ не было прохода отъ посѣтителей. Но на сей разъ желаніе ея не сбылось вполнѣ. На лѣстницѣ торчали только какъ статуи ливрейные лакеи, спорящіе ростомъ съ Голіаѳомъ, а гости помѣстились всѣ въ огромныхъ залахъ. Партіи уже давно составлены, Только нѣсколько запоздалыхъ игроковъ ходятъ съ вопросительными лицами, ища случая пристроиться; а Николай Таровскій, какъ хозяинъ, бѣгаетъ и набираетъ для виста четверку подъ-масть. Наконецъ доходитъ дѣло до музыки. Графиня подводитъ Фердинанда къ роялю. Баумштейнъ садится. Шумъ умолкаетъ въ залѣ. Онъ вынимаетъ изъ портфеля ноты, встаетъ и подаетъ ихъ Алинѣ. На нотахъ была слѣдующая надпись:

Liebessehnsucht
composé
et dédié
à
mademoiselle la comtesse
Aline de Tarovski
par
Ferdinand Baumstein.

Алина хочетъ благодарить его, краснѣетъ; но онъ сказалъ ей:

«Je m' en vais jouer cela—садится снова, и гармоническій аккордъ возвѣщаетъ о началѣ пьесы. Всѣ слушаютъ или по крайней мѣрѣ молчатъ. Adagio чудесно. Каждая нота поетъ подъ пальцами художника; онъ вырываетъ слезы у чувствительныхъ дамъ и тихія восклицанія у знатоковъ мужчинъ. Доходитъ дѣло до allegro. Фердинандъ одушевляется; его лице выражаетъ состояніе души его, изливающееся чудными звуками. Рояль гремитъ. Всѣ уста нѣмы. Но вотъ раздался послѣдній аккордъ. Звукъ его дрожитъ еще въ воздухѣ и наконецъ умираетъ тихо и звучно, какъ послѣдній вздохъ на груди возлюбленной. Съ этимъ вмѣстѣ громъ рукоплесканій оглушаетъ залу.

«Что это такое? Что это такое?»

— Liebessehnsucht, новое сочиненіе Баумштейна —

«Какая прелесть!»

— Какая грація! —

«Какая сила!»

— Что за гармонія! —

«Какая гибкость въ пальцахъ!»

— Сколько выраженія, души въ его игрѣ! —

«Напечатано ли?»

— Какъ же; онъ поднесъ графинѣ Алинѣ ноты.—

«Permettez de voir, mademoiesllе!»

— C'est un chef d'oeuvre! —

«Геніальное созданіе!»

Такія восклицанія сыпались со всѣхъ сторонъ. А Баумштейнъ стоялъ недвижно и смотрѣлъ на пеструю толпу съ какимъ-то грустнымъ выраженіемъ въ глазахъ. Алина стояла, едва переводя дыханіе отъ восторга, произведеннаго на нее игрою Фердинанда. Елена Николаевна подошла къ нему и разсыпалась похвалами его изумительному таланту. Онъ кланялся и не говорилъ ни слова.

Черезъ нѣсколько времени его начали просить сыграть еще что-нибудь; но онъ отказался рѣшительно, сказавъ, что весьма утомленъ, и потихоньку скрылся изъ залы.

Когда Фердинандъ ушелъ, то засадили за рояль извѣстную графиню П*** и просили ее пропѣть что-нибудь. Она пропищала кое-какъ небольшую арію, извиняясь, что охрипла и давно не пѣла.

Потомъ, наскучивъ музыкой, общество принялось за танцы. Въ четвертомъ часу гости разъѣхались, пные въ восторгѣ отъ игры Фердинанда, другіе проклиная ее, потому-что она помѣшала имъ играть и была причиною репонса въ самую рѣшительную минуту.

Когда залы опустѣли и представляли самый плачевный видъ съ своими догарающими свѣчами и разбросанными по угламъ конфектными бумажками и апельсинными корками, тогда началась между Еленой и Алиной одна изъ тѣхъ домашнихъ сценъ, которыя остаются вѣчно неизвѣстными для свѣта.

Утомленная танцами и безсвязными бальными разговорами, Алина, дошедъ съ мачихой своей до ея будуара, спѣшила проститься съ нею. Елена Николаевна поцаловала ее холодно въ лобъ, посмотрѣла на нее пристально и сказала:

«Съ какихъ поръ позволяете *вы* себѣ принимать подарки отъ молодыхъ людей.?»

Это вы, произнесенное съ особенной интонаціей, ясно доказывало, что графиня начинаетъ разговоръ съ непріязненными намѣреніями. Алина или не поняла ее, или не хотѣла понять, а потому и спросила:

— Какіе подарки?—

«И вы еще осмѣливаетесь спрашивать меня, какіе подарки, тогда-какъ держите въ рукахъ этотъ свертокъ нотъ», прервала ее графиня съ видимымъ негодованіемъ.

— Я, право, не понимаю, maman, зачто вы на меня сердитесь: если вамъ кажется неприличнымъ, что я приняла отъ Баумштейна эти ноты, посвященныя мнѣ, то зачѣмъ вы не сказали мнѣ это тогда, когда дѣло еще можно было поправить... вы стояли возлѣ меня, когда онъ поднесъ мнѣ ихъ.—

«Мнѣ и въ голову не приходило, что г. Баумштейнъ будетъ имѣть дерзость поднести падчерицѣ моей что бы то ни было; я думала, что это что-нибудь другое... Я думала... я сама не знаю теперь, что я думала, но ужъ вѣрно не подозрѣвала...»

— Да что жъ въ этомъ дурнаго, maman? —

«Что тутъ дурнаго? Mais vous êtes folle, ma chère, вы компрометтируете и себя и меня вашимъ поведеніемъ. Баумштейнъ никогда не осмѣлился бы сдѣлать то, что сдѣлалъ, если бы вы не довели его до того вашимъ кокетствомъ...»

—Кокетствомъ! вскрикнула Алина; я въ жизни не кокетничала ни передъ кѣмъ... —

«Тѣмъ менѣе должны бы вы были кокетничать съ ничтожнымъ музыкантомъ. Comme c'est beau, un musicien ambulant fait la cour à la comtesse Tarovski! Какъ мило! Да я лопну отъ стыда; одна мысль эта приводитъ меня въ отчаяніе.»

—Откуда берутся у васъ эти мысли, maman?—

«Онъ влюбленъ въ тебя, это ясно...»

— Отъ чего же это ясно; развѣ онъ говорилъ вамъ это? —

«Мнѣ не нужно словъ, чтобы понять состояніе его сердца; я знаю, я увѣрена.»

— Вы считаете себя слишкомъ проницательною, maman—отвѣчала Алина съ нѣкоторой досадой — вы хотите видѣть прежде меня то, что касается до меня.

«Я увѣрена», продолжала съ жаромъ Елена Николаевна, какъ бы не слыша возраженій Алины,» я увѣрена, что онъ уже признался тебѣ въ любви...»

— Этаго никогда не было, твердымъ голосомъ отвѣчала Алина, я никогда не думала, чтобы такое признаніе было возможно, я... —

«Ты лжешь», прервала ее графиня.

Алина поблѣднѣла. Она хотѣла что-то сказать, губы ея тряслись, голова кружилась, ни слова не вырвалось у нея. Графиня, принимая это смущеніе за полупризнаніе и, не обдумавъ, что слова «ты лжешь», произнесенныя хотя и мачихой, могутъ раздражить въ высшей степени, съ жадностію ухватилась за это средство и повторила громче прежняго:

«Ты лжешь! но пощади меня, не разсказывай, какъ Баумштейнъ изъяснялся въ любви къ тебѣ, какъ онъ съ жаромъ говорилъ о любви своей, какъ пламенно смотрѣлъ онъ на тебя... какъ онъ пожималъ тебѣ руку, какъ онъ цаловалъ ее... какъ онъ, можетъ быть, цаловалъ эти локоны, эти щеки .. Ахъ! ужасъ! ужасъ! Не говори, не говори ради Бога! Я умру отъ...»

Графиня не договорила; она упала почти безъ чувствъ на кушетку. Грудь ея сильно волновалась, щеки горѣли, въ глазахъ дрожали непритворныя, горючія слезы. Алина стояла на томъ же мѣстѣ какъ вкопаная, не сводя ни на минуту глазъ съ своей мачихи. Она, казалось, была поражена какою-то странною, ужасною мыслію. Когда графиня умолкла, Алина нѣсколько разъ хотѣла начать говорить, но языкъ ея оставался нѣмъ. Наконецъ, собравшись съ силами, она подошла къ мачихѣ, взяла ее за руку и сказала:

— Не обвиняйте другихъ въ томъ, чему бы вы сами радовались; вы его любите...—

«Замолчи!» вскрпчала графиня, съ трудомъ приподымаясь на кушеткѣ.

— Въ васъ говоритъ ревность; вы любите его безъ ума. —

Графиня не могла вымолвить ни слова; голова ея склонилась къ подушкѣ, хохотъ и плачь раздались въ комнатѣ. Графиня лежала въ истерикѣ. Алины не было уже въ будуарѣ.

V.

Баумштейнъ воротился отъ графини послѣ концерта въ совершенномъ изнеможеніи.

Онъ игралъ недолго, но въ это короткое время нервы его такъ разстроились, что не какой-нибудь капризъ артиста, а истинная невозможность заставила его отказаться играть далѣе. Дома нашелъ онъ письмо отъ Амаліи.

Письмо осталось нераспечатаннымъ съ-полчаса. Въ это время Фердинандъ находился въ какомъ-то безсознательномъ положеніи. Передъ нимъ шумѣла толпа въ залахъ графини Таровской. Толпа вдругъ

затпхала. Ему мнилось, что онъ сидитъ за роялемъ; ему слышались звуки, издаваемые клавишами. Возлѣ него стояла Алина и держала свертокъ нотъ въ своихъ нѣжныхъ ручкахъ. Ему казалось, что она наклоняется къ нему, шепчетъ ему что-то на ухо. Онъ не можетъ вникнуть въ смыслъ рѣчи; онъ слышитъ слова: «геній великій геній... Фердинандъ... любовь... геній, счастье... счастье, любовь...»

Очнувшись отъ этихъ грезъ, Фердинандъ потеръ лобъ рукою и сказалъ:

«Какой вздоръ!»

Тогда взглядъ его упалъ на письмо отъ Амаліи. Взявъ его въ руки, онъ началъ осматривать его со всѣхъ сторонъ. То была не раздушенная записка свѣтской дѣвушки, отъ него не вѣяло ни роскошью, ни знатностью. Какая скромная облатка! И то видно сломалась и потомъ была склеена. Какая бѣдность! Съ какимъ грустнымъ чувствомъ Фердинандъ раскрылъ письмо. Опять въ немъ идетъ рѣчь о долгахъ Формана, о ихъ бѣдности; опять имя Прецеля упомянуто, окруженное самыми ласковыми эпитетами. Опять просьба не ревновать, не разлюбить. Опять нѣсколько увѣреній въ любви вѣчной, опять... опять все одно и то же. Фердинандъ держалъ письмо въ рукахъ и сидѣлъ погруженный въ размышленія. Онъ самъ едва зналъ, что происходило въ его головѣ; но

мы имѣемъ право читать его мысли. Ему казалось странно, что Амалія, зная, что онъ считалъ Прецеля въ числѣ ея претендентовъ, можетъ такъ часто о немъ говорить и съ такими, по его мнѣнію, неумѣстными похвалами. Писать безпрестанно о долгахъ Формана не значитъ ли просить его, Фердинанда, уплатить ихъ? Это казалось ему крайне неделикатнымъ. «А бѣдность, бѣдность — это ужасъ! Голодная любовь! Когда успѣешь накопить столько денегъ, чтобы можно было жить порядочно гдѣ-нибудь въ столицѣ? А въ провинціи, избави Боже, умрешь со скуки. Дрезденъ? да врядъ ли есть скучнѣе его мѣсто на земномъ шарѣ! Въ столицѣ, на прим. въ Петербургѣ, порядочному человѣку съ женой невозможно жить, получая менѣе пятидесяти тысячъ годоваго дохода. А гдѣ онѣ? Конечно, трудами... но вѣдь ужасно весь вѣкъ свой быть наемникомъ; захочешь отдохнуть, нельзя... жить не-чѣмъ. Амалія прекрасная дѣвушка; но она не будетъ умѣть жить въ свѣтѣ; ее никуда нельзя ввесть въ общество. Да и кто приметъ ее, жену музыканта? Она не дворянка, я тоже не дворянинъ. Меня терпятъ въ обществѣ за то, что я умѣю веселить людей моей игрою, а жену мою... никто не захочетъ ее знать. Ну, какъ покажу я ее, на пр: графинѣ Таровской? Что скажетъ Алина, увидя неуклюжую провинціалку съ довольно большой ногой и съ грубой кожей на рукахъ. Въ ней нѣтъ ничего того, что требуется отъ женщины, хоть нѣсколько воспитанной.»

И въ то время, когда эти мысли толкались въ головѣ, Фердинандъ самъ не зналъ, что съ нимъ происходитъ. То казалось ему, что онъ ходитъ по Брюлевской террасѣ подъ-руку съ своей Амаліей; навстрѣчу имъ идутъ разряженныя дамы; это пріѣзжія, это графиня и ея падчерица. Онъ кланяется имъ, графиня спрашиваетъ его потихоньку:

«A qui donnez vous le bras?»

— C'est... c'est ma femme—отвѣчаетъ онъ съ замѣшательствомъ, и краснѣетъ за свою молодую жену.

Алина смотритъ на него съ удивленіемъ. Его замѣшательство достигаетъ высшей степени. Онъ бросаетъ руку жены, становится на колѣна передъ Алиной...

Но вотъ декорація измѣняется. Онъ сидитъ въ залѣ графини Таровской и даетъ урокъ Алинѣ. Алина играетъ его новую пьесу, она выполняетъ ее отлично. Онъ внѣ себя отъ восхищенія. Она наклоняетъ къ нему свою ангельскую головку. Ея раздушеные локоны касаются его щеки; онъ цалуетъ ихъ, а она шепчетъ ему:

«Я люблю тебя, Фердинандъ!»

— О, какъ безумны мои мечты! — думаетъ онъ, пришедъ въ себя.—Что общаго между мною и графиней Алиной, наслѣдницей блестящаго имени и огромнаго богатства? Я бѣдный музыкантъ, а она — самый блестящій перлъ Петербургскаго общества. Но если она меня любитъ? Такъ чтожъ? Любовь ея есть преступленіе противъ приличій свѣта, и я всегда останусь для нея чужимъ. А геній? А слава моя? Развѣ они не даютъ человѣку волшебнаго имени въ обществѣ? Развѣ они не стоятъ древняго дворянскаго герба? Быть женою великаго человѣка—женою Моцарта, Бетховена! Я выбьюсь изъ горькой, жалкой колеи, назначенной мнѣ моимъ рожденіемъ, и тогда Алина съ гордостію скажетъ: «мой мужъ величайшій музыкантъ своего времени. Его слава — моя слава; мой графскій гербъ ничто въ сравненіи съ вѣнцомъ славы, сіяющей на главѣ моего мужа; я горжусь его именемъ!» И тутъ являлась Фердинанду роскошь во всей ослѣпительной красотѣ своей. Онъ видѣлъ себя въ своемъ великолѣпномъ домѣ окруженнымъ толпою людей лучшаго тона; возлѣ него сидѣла Алина; въ залѣ разливался очаровательный запахъ цвѣтовъ; у подъѣзда, въ трескучій морозъ, стояло множество экипажей съ графскими, княжескими и баронскими гербами... И вдругъ декорація мѣнялась снова. Онъ былъ опять въ Дрезденѣ, опять сидѣла возлѣ него Амалія, въ ситцевомъ платьѣ съ коленкоровымъ передникомъ, и намазывала на хлѣбъ масло для ужина. Онъ курилъ трубку; около стола сидѣло

нѣсколько скромныхъ посѣтителей; дѣвка бѣгала изъ угла въ уголъ, принося и унося блюда и тарелки... Какая убійственная проза, какая жалкая бѣдность!

Такъ провелъ Фердинандъ часть ночи; подъутро легъ въ постель, и когда солнце уже высоко блестѣло на небѣ, безпокойный сонъ закрылъ его глаза.

Онъ еще спалъ, когда пришелъ къ нему братъ его.

«Ты еще въ постелѣ?» сказалъ часовщикъ, входя въ спальню Фердинанда и подавая ему руку, «а я иду въ церковь и зашелъ за тобой.»

— Я очень усталъ и не пойду въ церковь —отвѣчалъ Фердинандъ, лѣниво протирая глаза.

«Жаль; я иду послушать отличнаго проповѣдника.»

— Въ другой разъ, пожалуй; сегодня я не въ силахъ. —

Часовщикъ вышелъ. Его приглашеніе идти въ церковь напомнило Фердинанду объ Алинѣ: она говорила ему на дняхъ, что онѣ сбираются сегодня къ обѣднѣ въ церковь Всѣхъ Скорбящихъ. Онъ одѣлся

наскоро и поѣхалъ туда же. У подъѣзда церковнаго стояла карета графини. Фердинандъ входитъ. Церковь была полна. Царскія врата открыты. Діаконъ стоялъ передъ налоемъ и читалъ Евангеліе. Звонкій голосъ его раздавался по церкви и разносилъ по ней внятно и отчетливо каждое священное слово Евангелія. Въ церкви царствовала величественная тишина. Легкія облака дыма отъ каденія во время чтенія Апостольскихъ посланій еще носились по воздуху и придавали церкви какой-то таинственный видъ, побуждающій душу къ благочестивымъ размышленіямъ и приводящій ее въ благоговѣйный трепетъ. Священникъ съ обнаженною головою, покрытой сѣдинами, стоялъ за престоломъ. Свѣчи теплились передъ святыми иконами. Образъ Пречистой Дѣвы горѣлъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, въ коихъ играли лучи неугасаемой лампады, висящей передъ нимъ.

Діаконъ читалъ. Баумштейнъ, знавшій уже нѣсколько по-Русски, слышалъ, но не понималъ всего. Діаконъ читалъ:

«Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы.»

Фердинандъ слышалъ и понялъ только первыя слова: «пріидите ко Мнѣ»... и думалъ: «то призывъ Божій; къ Нему прибѣгну и я, и буду просить Его наставить меня.» Когда діаконъ кончилъ чтеніе

и хоръ возгласилъ славу Богу, Фердинандъ окинулъ взоромъ церковь. Неподалеку отъ образа Богородицы, Помощницы всѣхъ скорбящихъ, стояла Алина. Она не спускала глазъ съ лика Божественной Дѣвы; въ глазахъ ея дрожали слезы. Она молилась усердно. Ставъ на колѣна, поднимала она глаза къ небу; губы ея шевелились; она иногда раскрывала небольшую книжку въ бархатномъ переплетѣ и читала въ ней про себя молитвы.

«Я видѣлъ ее въ шумѣ свѣта, я видѣлъ ее въ ея семейномъ кругу», думалъ Баумштейнъ; «но это все ничто въ сравненіи съ тѣмъ выраженіемъ, которое осѣняетъ ея лицо теперь во время молитвы.» Возлѣ Алины стояла Елена Николаевна. Она молилась тоже; но въ ея глазахъ не было того спокойствія, той умилительной покорности Промыслу, которыя сіяли въ очахъ Алины. Елена осматривалась иногда, какъ бы выглядывая, нѣтъ ли въ церкви знакомыхъ, и вдругъ взоръ ея упалъ на Баумштейна; но она не встрѣтила его глазъ; слѣдуя направленію его взгляда, она увидѣла, что онъ покоится на головкѣ Алины. Графиня измѣнилась въ лицѣ, взяла за руку Алину и, сказавъ: «мнѣ дурно», вышла изъ церкви. Алина послѣдовала за нею. Баумштейнъ, видя, что онѣ уходятъ, пошелъ къ дверямъ и тамъ расклапялся съ ними. Алина, взглянувъ на него, смутилась; но сдѣлала ему привѣтливый поклонъ. Графиня бросила на него сердитый взглядъ и едва кивнула головою. На подъ-

ѣздѣ встрѣтилъ онъ Николая Таровскаго. Николай пожалъ ему руку и сказалъ:

«Правда ли, что вы будете играть въ концертѣ Бёма?»

— Не знаю, отвѣчалъ разсѣянно Фердинандъ; я очень занятъ... —

«Николай сѣлъ въ коляску.

Графиня, пріѣхавъ домой, легла въ постель и приказала не принимать никого.

VI.

Цѣлыя двѣ недѣли Елена Николаевна не выѣзжала и не видѣла никого, кромѣ своихъ домашнихъ и доктора, посѣщавшаго ее ежедневно. Алина ходила каждый день въ третьемъ часу гулять на Англійскую набережную съ своею гувернантой, подышать свѣжимъ воздухомъ, не такъ уже морознымъ въ первыхъ числахъ Февраля. Тамъ встрѣчалась она всякой день съ Баумштейномъ; но разговоръ ихъ большею частію ограничивался обыкновенными фразами привѣтствія.

Николай Таровскій, полагая, что графиня очень скучаетъ въ своемъ заключеніи, счелъ весьма удобнымъ возобновить въ это время свои преслѣдованія, и началъ не на-шутку ухаживать снова за своей мачихой. Елена Николаевна, занятая другими мыслями, сначала не замѣчала ничего; наконецъ докучливость Николая показалась ей подозрительною. Она старалась не обращать вниманія на него. Николай жаловался на ея жестокость, упрекалъ ее въ кокетствѣ.

«Вы кокетничаете со всѣми; даже не пощадили этаго бѣднаго музыкантишку Баумштейна; но я ему скажу, чтобы онъ не поддавался, что въ васъ нѣтъ сердца, что вы не въ состояніи любить никого.»

— Вы не осмѣлитесь сдѣлать это—возразила графиня.

«Я сдѣлаю это непремѣнно, очерню васъ въ его глазахъ, какъ вы того заслуживаете; пусть онъ расказываетъ своимъ друзьямъ, сапожникамъ и столярамъ, что графиня Таровская навязывала ему свою любовь...»

— Николай! вы не будете такъ низки... —

«Я не боюсь вашихъ оскорбленій; я скажу Баумштейну все, все...»

— Чтожъ скажете вы ему? что я васъ ненавижу, что я васъ презираю?.. —

«И что вы заманиваете его въ свои сѣти. Пусть онъ скажетъ, что онъ не захотѣлъ ласкъ графини Таровской...»

— Николай! вы простираете слишкомъ далеко вашу дерзость. Я слишкомъ долго сносила отъ васъ оскорбленія. Оставьте меня; я васъ ненавижу. —

«И такъ нѣтъ средствъ смягчить ваше каменное сердце? Я разобью его.»

И съ этимъ словомъ Николай вышелъ изъ комнаты.

Когда Елена осталась одна, ею овладѣлъ страхъ, парализующій всѣ нравственныя и физическія силы человѣка. Она любила. Она любила въ первый разъ въ жизни, и кого же? Человѣка, не заботящагося о ней нисколько—о ней, одной изъ первыхъ красавицъ Петербурга; и этотъ человѣкъ былъ ничтожный музыкантъ, который бы за особенное счастіе долженъ былъ почесть вниманіе, не только любовь такой женщины, ка-

кова была графиня Таровская. Она любила Фердинанда со всѣмъ увлекательнымъ пыломъ первой любви, со всѣми порывами юношеской, безумной страсти. И что ей было теперь въ ея знатности, въ ея богатствѣ, въ ея извѣстности, въ ея красотѣ, когда тотъ, кому она предалась душой, не думалъ удѣлить ей ни малѣйшаго сочувствія! Шумъ свѣта казался ей гадкимъ; ея знатность ужаснымъ несчастіемъ, отдаляющимъ ее еще болѣе отъ любимаго предмета; ея извѣстность—несносной преградой, мѣшающей ей сблизиться съ Фердинандомъ, показать ему всю безграничность ея любви и тѣмъ, можетъ быть, тронуть его сердце.

«Но нѣтъ, все было бы напрасно», думала она потомъ; «онъ любитъ, онъ любитъ Алину.» Еслибъ въ эту минуту Алина явилась передъ нею, она растерзала бы соперницу свою. «Развѣ она лучше меня?» думала графиня. «Я четырьмя годами старѣе ея! но развѣ я не свѣжѣе ея? развѣ смуглая кожа ея можетъ сравниться съ бѣлизною моего лица, моихъ плечъ, моихъ рукъ? развѣ мои глаза не больше и не выразительнѣе ея маленькихъ глазъ? развѣ мои зубы не бѣлѣе и не ровнѣе, нежели у нея? развѣ нога моя не стройнѣе ея ноги? О! зачѣмъ природа надѣлила меня всѣмъ этимъ, если тотъ, кого я люблю, предпочитаетъ мнѣ дѣвчонку, не понимающую, что значитъ любовь.

Среди этихъ ощущеній ревности и любви безнадежной являлся умственному взору ея Николай Таровскій. О, какъ отвратителенъ казался онъ ей съ своей чувственной любовью. Онъ хотѣлъ только испугать ее, думала она, стращая ее тѣмъ, что скажетъ Фердинанду... но что же онъ скажетъ ему? Вѣдь онъ и не подозрѣваетъ ея любви къ нему. А если онъ, въ порывъ безумнаго гнѣва, наклевещетъ на нее? Но за что же? за то ли, что она пренебрегаетъ имъ? О, нѣтъ! это было бы слишкомъ безчестно; онъ не рѣшится на такой низкій поступокъ; онъ не захочетъ заклеймить женщину, носящую съ нимъ одно имя, свою мачиху!

Въ такомъ положеніи находилась Елена Николаевна, и, безъ сомнѣнія, здоровье ея не могло поправиться при такихъ обстоятельствахъ.

Между-тѣмъ Алина, какъ беззаботное дитя, вдающееся безъ размышленія первымъ впечатлѣніямъ сердца, любила Фердинанда какъ потому, что онъ ей нравился своею прекрасной наружностью и плѣнялъ ее своимъ изумительнымъ талантомъ, такъ и потому, что она читала въ его глазахъ самое сладкое признаніе въ любви. Какое ей было дѣло до ревности ея мачихи, до рѣзкой черты, раздѣляющей графиню отъ музыканта? Ей казалось все это такъ ничтожнымъ, что не стоило въ ея глазахъ ни малѣйшаго вниманія. Чтеніе романовъ новѣйшей Французской

школы, доставляемыхъ ей изъ-подтишка услужливой гувернантой, ободряло ее еще болѣе. «Если родные мои не согласятся выдать меня за него, то я могу убѣжать съ нимъ. Какое блаженство бѣжать съ нимъ! Comme c'est poétique!» И воображеніе дѣвушки представляло ей чудесную картину бѣгства съ обожаемымъ Фердинандомъ; путевыя безпокойства, какъ сладко ихъ сносить вдвоемъ! Вотъ онъ спасаетъ ее отъ опасности, даже отъ смерти, онъ несетъ ее на рукахъ; говоритъ, какъ онъ ее любитъ; переплываетъ съ нею рѣки, скачетъ съ нею по полямъ на неукротимомъ конѣ, привозитъ ее къ себѣ на родину. Тамъ они живутъ нѣсколько времени, потомъ ѣдутъ въ Петербургъ для занятія слѣдующаго имъ по праву, ей по рожденію, ему по заслугамъ, мѣста... Чудо! чудо! «Какъ онъ хорошъ! какъ строенъ! какъ свѣжъ! О! мой Фердинандъ лучше всѣхъ мужчинъ на свѣтѣ», восклицаетъ иногда дѣвушка, не умѣя совладѣть съ играющей фантазіей.

А Баумштейнъ давно уже не писалъ Амаліи; онъ не знаетъ, что писать; съ нимъ не случается ничего необыкновеннаго, все идетъ по-прежнему. Невинный вздоръ, наполнявшій прежде его письма, перемѣшанный изъявленіями любви, кажется ему вялымъ, скучнымъ, глупымъ. «Писать все одно и то же наскучитъ хоть кому. Къ тому же этотъ вѣчный Прецель, который, какъ violon obligé, всегда акомпанируетъ въ ея письмахъ, становится мнѣ ску-

ченъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она его любитъ, а мнѣ пишетъ какъ бы по обязанности; уволить ее отъ такаго тяжкаго наказанія будетъ весьма похвально съ моей стороны; стану писать рѣже.» Такъ думалъ Фердинандъ. Но Амалія не переставала посылать ему пламенныя посланія. Онъ не понималъ чудесной ихъ простоты; они казались ему довольно вздорными и къ тому же дурно написанными; онъ былъ такъ ослѣпленъ блескомъ нашихъ столичныхъ дамъ, что письмо, написанное не по правиламъ, принятымъ въ хорошемъ обществѣ, казалось ему и жалкимъ и ничтожнымъ и безграмотнымъ. Слѣпецъ! онъ не видѣлъ, что въ письмахъ Амаліи говорило сердце, что въ нихъ не было и тѣни притворства! Чѣмъ болѣе Амалія теряла въ его глазахъ, тѣмъ болѣе выигрывала Алина. Онъ видѣлъ въ ней созданіе высшее, чудное, сотворенное для любви, для обожанія; всякое слово ея казалось ему прелестью, всякій взоръ упоеніемъ. И она была такъ хороша!

Братъ Фердинанда не зналъ, что музыкантъ оставилъ въ Дрезденѣ любовницу. Онъ замѣчалъ, что Фердинандъ очень задумчивъ, и потому спросилъ его о причинѣ такой перемѣны въ характерѣ. Въ минуту откровенной братской бесѣды Фердинандъ признался ему, что онъ — не то, чтобы влюбленъ — а ухаживаетъ за одной прекрасной графиней; что имя ея Алина; что она прелестна, какъ майскій цвѣтокъ, и любитъ его.

Часовщикъ изумился до крайности. Въ его глазахъ графиня, какая бы то ни была, казалась лицомъ такимъ возвышеннымъ, недосягаемымъ, почти миѳомъ, что онъ переспросилъ обо всемъ брата, и не вѣрилъ ни ему, ни ушамъ своимъ, и прибавилъ:

«Или я, или ты помѣшался; или ты говоришь вздоръ, или мнѣ слышится чепуха; графиня, говоришь ты?»

— Да; чтожъ тутъ удивительнаго? —

«Какъ что? да это вздоръ, ты бредишь, влюбиться въ графиню! и она тебя любитъ, говоришь ты?»

— Да, да; развѣ ты оглохъ, что не слышишь и заставляешь двадцать разъ твердить тебѣ одно и то же?—

«Полно здоровъ ли ты, Фердинандъ? въ своемъ ли ты умѣ? Влюбиться въ графиню! Да ты развѣ забылъ, что ты...»

— Я забылъ, что говорю съ часовщикомъ, что говорю съ человѣкомъ, удивляющимся всему, что не касается до часовыхъ колесъ. Я великій музыкантъ, а она графиня; между нами нѣтъ никакой разницы. Понимаешь ли теперь? —

«Ничего не понимаю, да и врядъ ли когда-нибудь пойму, а жалѣю только, что тебѣ въ голову забрела такая безтолковщина.»

— Если здѣсь въ комнатѣ есть кто-нибудь безтолковый, такъ это вѣрно ты, а не я. Впрочемъ я сдѣлалъ большую глупость, что началъ говорить съ тобой о такихъ вещахъ, которыхъ ты не въ состояніи понять. —

«Дѣйствительно напрасно счелъ ты меня за дурака, что рѣшился морочить меня такими бреднями; въ нихъ нѣтъ ни капли смысла.»

— Хорошо, Карлъ, не станемъ объ этомъ говорить; зачѣмъ намъ ссориться? Ты думаешь такъ, а я иначе, вотъ и все тутъ. Я говорю тебѣ, что мнѣ нравится графиня и что я ей также нравлюсь. ты невѣришь? пожалуй! не вѣрь; какъ хочешь. —

«Wunderbar! Sonderbar!» пробормоталъ часовщикъ, и ушелъ домой, не зная, что думать о братѣ своемъ и о себѣ.

Черезъ двѣ недѣли графиня выздоровѣла, и Баумштейна пригласили туда, чтобы давать обычный урокъ на фортепіано. Фердинандъ явился нѣсколько ранѣе назначеннаго часа. Графиня была въ своей

уборной. Баумштейнъ засталъ Алину за роялемъ. Она вскрикнула, увидя его.

«Извините, что я испугалъ васъ.»

— Я задумалась, отвѣчала Алина, и не слышала звонка швейцара; вашъ приходъ, по-правдѣ, испугалъ меня немного. —

Баумштейнъ, видя, что они одни, подумалъ: такаго случая не представится долго, надобно пользоваться минутой. И вотъ онъ издалека повелъ рѣчь о своей любви, о... Но что это я-было началъ дѣлать? кажется, у меня чуть-чуть не выскочила изъподъ пера сцена любовнаго объясненія. Слава Богу, на меня, за грѣхи мои, не наложено еще наказаніе писать фразы безъ смысла для постороннихъ и понятныя только дѣйствующимъ лицамъ; я не какой-нибудь А. Б. В. Г. Д., и какъ ихъ тамъ зовутъ, чтобы надоѣдать и себѣ и читателю общими мѣстами чувствительныхъ романовъ и повѣстей. Довольно вамъ знать, что Фердинандъ и Алина долго разговаривали. Вы догадливы, читатель; гораздо догадливѣе тѣхъ, которые пишутъ — и вѣрно убѣждены въ томъ, что разговоръ былъ очень сладкій, пріятный, краснорѣчивый. Очень не кстати явилась вскорѣ графиня Елена Николаевна. Молодые люди, услыша шорохъ ея шаговъ, принялись весьма усердно разсматривать лежащія на роялѣ ноты и толковать о превосход-

ствѣ однаго музыкальнаго сочиненія передъ другимъ. Лишь только Елена Николаевна вошла въ комнату, Алина, чтобы скрыть свое смущеніе, убѣжала въ свою комнату, оставляя мачиху свою en tête-à-tête съ Фердинандомъ. Графиня была блѣдна; болѣзнь измѣнила ее нѣсколько; но она была отъ того еще лучше прежняго. Разсѣянно сѣла она къ роялю. Фердинандъ еще съ большею разсѣянностію раскрылъ лежавшія на пульпитрѣ ноты. Графиня начала играть. Онъ не слышалъ ничего. Графиня играла съ полчаса. Онъ не зналъ, что она играетъ. Ему все хотѣлось заговорить съ ней, и всякій разъ, когда онъ сбирался начать, слова замирали на губахъ его. Наконецъ онъ рѣшился.

«Графиня! я не могу болѣе выдерживать адскую муку», сказалъ онъ; «вотъ уже полчаса, какъ я хочу поговорить съ вами объ одномъ важномъ дѣлѣ, и не смѣю.»

Графиня посмотрѣла на него съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, и отвѣчала отрывистымъ голосомъ:

— Mais parlez donc... en grâce qu'avez vous? —

«Графиня!» продолжалъ Фердинандъ, едва смѣя взглянуть на нее, «есть минуты въ жизни, отъ которыхъ зависитъ вся жизнь человѣка, минуты, въ ко-

торыя томительная тоска можетъ мгновенно превратиться въ радость, или...»

— Ради Бога, безъ предисловій, прервала его Елена, говорите, что съ вами? —

«Какъ сказать мнѣ вамъ это? Боюсь возбудить гнѣвъ вашъ, и тогда вся моя надежда на счастіе, возможное въ мірѣ, разобьется въ прахъ.»

— Mon Dieu! развѣ я такая страшная, сердитая?..—

«О, нѣтъ! вы добрѣйшее существо въ мірѣ, но... но... но я не знаю, какъ начать.»

— Ободритесь, monsieur Баумштейнъ! я готова слушать все. —

«И такъ, графиня, отъ васъ, отъ васъ *однихъ* зависитъ судьба моя; одно ваше слово можетъ сдѣлать меня счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ...»

— Я готова сдѣлать все, угодное вамъ—отвѣчала графиня, и легкій румянецъ пробѣжалъ по щекамъ ея.

«О! если бъ я зналъ, что вы точно не отвергнете меня, не откажете мнѣ...»

— Но что же? что же? —

«Графиня... я люблю.» И съ этимъ словомъ Баумштейнъ взгляпулъ на Елену такъ выразительно, какъ бы хотѣлъ этимъ взоромъ прочесть въ ея душѣ и передать ей состояніе своего сердца. Но какъ пристально ни смотрѣлъ онъ на нее, онъ не замѣтилъ однако мгновеннаго сотрясенія всего ея тѣла и того, что она дважды принималась отвѣчать ему и не могла.

«Вотъ видите», продолжалъ онъ, не слыша отъ нея ни слова; «одно это признаніе поражаетъ васъ такъ, что вы не знаете, что отвѣчать мнѣ. Вы знаете, кого люблю я; вы не могли не угадать этаго...»

Графиня, какъ бы не замѣчая сказаннаго Фердинандомъ, собралась съ духомъ и сказала:

— Но что же я могу сдѣлать для васъ, не зная, кого вы любите? —

Бѣдная женщина! Восторженная рѣчь Баумштейна, его пылающій взоръ, которымъ онъ пожиралъ ее, его встревоженный видъ, все это бросило въ сердце ея лучь надежды. — Онъ любитъ меня, подумала она, иначе онъ былъ бы смѣлѣе; не говорилъ бы мнѣ, что отъ меня *одной* зависитъ его участь. —

«Не заставляйте меня, графиня, произнести имя той, которую я люблю; вы знаете его вѣрно; о, да; вы неможете не знать этаго. Но мнѣ страшно, если, когда я произнесу это безцѣнное имя, вы отринете мою прозьбу и не позволите мнѣ у ногъ вашихъ вымолить ваше снисхожденіе къ бѣдному музыканту; если вы скажете: прочь отъ меня... что будетъ тогда со мною?»

Графиня болѣе и болѣе убѣждалась въ истинѣ своихъ предположеній; она дошла до того, что не сомнѣвалась въ томъ, что она сама предметъ страсти Фердинанда.—Онъ не смѣлъ до сихъ поръ дать мнѣ это замѣтить, но наконецъ сердце не выдержало. Въ самомъ дѣлѣ, не шутка музыканту сказать графинѣ: я *васъ* люблю.—Графиня съ увѣренностію въ побѣдѣ сказала ему:

— Monsieur Баумштейнъ, вы напрасно боитесь сообщить мнѣ вашъ секретъ. Ваше имя даетъ вамъ право претендовать на... я не знаю, на кого, и я васъ увѣряю, что я не удивлюсь ни мало, если вы назовете мнѣ... я не знаю, кого. —

«О! если такъ», продолжалъ Фердинандъ, «если вы такъ добры ко мнѣ, то я рѣшаюсь...»

— Постойте, прервала его графиня, закрывъ глаза рукою, j'ai un etourdissement, je suis encore si

faible. — Оправившись немного, она прибавила — je vous ecoute. —

«И такъ, графиня, я люблю...» и Баумштейнъ остановился.

О! если бъ кто-нибудь могъ въ это время слышать біеніе сердца бѣдной Елены; если бъ кто-нибудь могъ чувствовать это ужасное волненіе, кипѣвшее въ ея жилахъ: тотъ сжалился бы надъ несчастной. Когда Фердинандъ остановился, она сказала ему задыхающимся голосомъ:

— Mais parlez donc, parlez. —

«Графиня! я люблю Алину!»

Какъ громомъ пораженная, вытянулась Елена на своемъ стулѣ; члены ея окостенѣли, глаза сдѣлались неподвижны, щеки покрылись мертвою блѣдностію, губы посинѣли. Съ-минуту была она въ этомъ положеніи. Баумштейнъ смотрѣлъ на нее съ ужасомъ, не зная, что дѣлать. Наконецъ тяжелый вздохъ вырвался изъ ея груди; она оперлась правою рукою на рояль, судорожно улыбнулась, бросила презрительный взглядъ на Фердинанда, и сказала довольно твердымъ голосомъ, въ которомъ слышался самый обидный хохотъ:

— Vous êtes fou! я думала, что рѣчь идетъ гувернанткѣ Алины, или объ ея горничной. —

Сказавъ это, графиня дрожащимъ шагомъ вы шла изъ комнаты. Пришедъ въ свою спальню, он позвонила, велѣла позвать къ себѣ Алину, и посл всѣхъ этихъ сверхъестественныхъ усилій упала полу мертвая на свою постель.

Такъ пролежала она два часа въ обморокѣ безъ малѣйшаго знака жизни.

Баумштейнъ, услыша бѣготню людей, посылаю щихъ другъ друга за докторомъ, вышелъ изъ дома графини.

VII.

И такъ, Елена, минутная надежда улетѣла! Твои розовыя, преступныя мечты разбились, и при тебѣ осталось убійственное чувство оскорбленнаго самолю бія и отверженной любви. А ты его такъ любила! Тебѣ остается еще одно утѣшеніе—то жестокое мще ніе, которымъ ты заплатила ему, убивъ его однимъ словомъ! Но что тебѣ въ этомъ? Онъ не любитъ тебя, а ты этаго только и желала.

Елена не сказала ни слова своей падчерицѣ о ея разговорѣ съ Фердинандомъ. Она была довольна собой.

Ея поведеніе въ отношеніи къ Баумштейну казалось ей такъ жестоко, такъ для него унизительно, какъ она того желала. Она вполнѣ умѣла сохранить свое достоинство и не дала ему даже угадать своихъ обманутыхъ ожиданій. Такъ думала она; но на дѣлѣ было не то. Баумштейнъ, давно уже замѣчавшій вниманіе къ нему графини, убѣдился теперь совершенно въ томъ, что она была къ нему крайне неравнодушна. Какъ ни была молода и неопытна Алина, но, увидя Елену Николаевну внезапно въ такомъ болѣзненномъ положеніи, она не повѣрила словамъ мачихи, будто это остатокъ слабости дѣйствовалъ въ ней, а очень хорошо и скоро догадалась, что, вѣроятно, Елена узнала о намѣреніяхъ Фердинанда, и что это положительное доказательство его любви къ ней взволновало ее такъ сильно.

Въ первые дни послѣ *декларации*, Елена Николаевна, Алина и Фердинандъ оставались въ совершенномъ бездѣйствіи, не зная, что предпринять. Между-тѣмъ масленица была на дворѣ; до нея оставалось не болѣе двухъ недѣль. Въ Петербургъ съѣзжались помѣщики. Въ виду было множество баловъ, раутовъ, завтраковъ, обѣдовъ и проч. У Елены Николаевны былъ также назначенъ день для пышнаго бала. Елена думала, думала, и не могла ничего придумать, какъ бы ей получше наказать Баумштейна. Случай помогъ ей. Однажды вечеромъ къ крыльцу великолѣпнаго отеля графини Та-

ровской подъѣхалъ дорожный четверомѣстный возок
запряженный шестеркой почтовыхъ лошадей. Д
лакея вытащили изъ него дряхлую старушку. Э
была пріѣхавшая изъ Москвы тетушка Алины, ста
шая сестра ея покойнаго отца, княгиня Дертов
Первая встрѣча съ лобызаніями, восклицаніями, ох
ми, вздохами etc. миновалась. «Какъ ты похудѣла,
ты похорошѣла!»—Какъ вы поправились, ma tante.—
«Какое поправилась! подагра замучила; смерть моя!» Н
вотъ кончились всѣ первые распросы. Княгиню ул
жили спать, и все утихло. На слѣдующее утро Елен
встала ранѣе обыкновеннаго и пошла навѣстить ст
рушку. Тутъ открыла она ей все, т. е. все, касаю
щееся до Алины, умолчавъ о себѣ.

«Что дѣлать?» спросила она въ заключен
княгиню.

— Какъ, что дѣлать, матушка? выдать ее поск
рѣе за мужъ. —

«Какъ? за мужъ? да это будетъ срамъ», во
кликнула графиня.

— Какой тутъ срамъ? развѣ у тебя, ma chèr
нѣтъ на примѣтѣ какаго-нибудь жениха, кромѣ эта
проклятаго музыканта? —

«Я не поняла васъ, я думала, что вы говорите о Баумштейнѣ »

— За кого ты меня принимаешь, душа моя? Чтобъ я, княгиня Дертова, выдала племянницу свою, графиню Таровскую, за этаго музыканта. Я говорю о какомъ-нибудь порядочномъ человѣкѣ. —

Елена, подумавъ нѣсколько, сказала:

«У меня есть одинъ очень хорошій человѣкъ, который сватался за Алину, да она не хотѣла »

— А кто ее спроситъ,? коли человѣкъ съ фамиліей, такъ съ Богомъ; кто онъ такой? —

«Пикаловъ.»

— Фамилія хорошая, да кто онъ? что онъ? —

«Онъ генералъ...»

— Крестьяне есть? —

«Да; въ Орловской губерніи у него тысяча душъ...»

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало? Пошли за нимъ; я поговорю и улажу все; можетъ, еще до маслени-

цы свадьбу справимъ; а потомъ отправимъ ихъ в
Тверскую деревню Алины; я сама ихъ провожу.
покуда ты имъ устроишь домъ. Вѣдь выискался ж
этакой скверной музыкантъ; вишь, что задумалъ! Ну
да мы его проучимъ.

«Ради Бога, не дѣлайте ничего», прервала гра
финя, «онъ и безъ того будетъ наказанъ отказомъ.

— Ну, хорошо, хорошо; посылай же сейчас
за твоимъ женихомъ, чтобъ въ третьемъ часу изво
лилъ явиться. —

«Да какъ же мы сдѣлаемъ съ Алиной?»

— Велимъ обручиться и подъ вѣнецъ идти
вотъ и все тутъ; пусть плачетъ, дѣвичьи слезы не
велико дѣло; пореветъ, пореветъ, да и перестанетъ. —

Послали за Пикаловымъ.

Не дождавшись еще его прихода, княгиня поз
вала къ себѣ Алину, и объявила, что ей надобно го
товиться въ-невѣсты; что она, княгиня, нарочно для
этаго пріѣхала; что Пикаловъ прекрасный человѣкъ
что она должна быть счастлива, и пр. и пр.

Алина отвѣчала но все слезами, не смѣя и подумать произнести имя Фердинанда при тетушкѣ, которой она боялась какъ огня.

Въ назначенный часъ пріѣхалъ Пикаловъ. Княгиня такъ хитро повернула дѣло и такъ тонко вела разговоръ, что заставила его самаго заговорить о женитьбѣ. Дѣло было слажено въ часъ времени. Положено обвѣнчать ихъ безъ всякаго блеска и шуму черезъ недѣлю, а потомъ посадить въ карету и отправить въ Тверь.

«Ты, батюшка, не горюй объ томъ, что племянница моя сначала будетъ плакать», говорила княгиня генералу, «это ужъ такъ водится; а тамъ обойдется и заживетъ счастливо.»

Пикаловъ не былъ изъ числа людей, ищущихъ особеннаго блаженства въ супружествѣ; онъ желалъ устроиться, и потому ему было мало дѣла до того, будетъ ли плакать или смѣяться его невѣста.

На другой день ихъ обручили и стали дѣлать приготовленія къ свадьбѣ.

VIII.

Обратимся теперь къ Фердинанду. Уничтоженный и рѣшительнымъ отказомъ и сарказмами графи-

ни, онъ пришелъ домой въ положеніи, близкомъ къ помѣшательству. Что было дѣлать? Въ его головѣ роилось тысячу плановъ, одинъ безсмысленнѣе другаго. «Она меня любитъ, думалъ онъ, а на что не рѣшится любящее сердце! Увезу ее! Но какъ условиться, но какъ проникнуть въ домъ графини, когда дверь ея заперта для меня теперь навсегда? Еслибъ я не имѣлъ несчастія понравиться графинѣ, то вѣрно все пошло бы иначе.

Неопытный, безумный юноша, онъ думалъ, что одна любовь графини, ея ревность, были причиною полученнаго имъ отказа. Онъ такъ мало зналъ свѣтъ, что думалъ возможнымъ бракъ музыканта, хоть и съ именемъ великаго художника, съ знатной графиней, любимицей аристократическаго общества, его лучшимъ украшеніемъ. Волненіе духа сообщилось его тѣлу. Къ-вечеру онъ лежалъ въ постелѣ. Сильная горячка съ бредомъ овладѣла имъ. Часовщикъ Баумштейнъ, извѣщенный о болѣзни брата, явился на слѣдующее утро, чтобы ухаживать за страдальцемъ. Искусный врачь, призванный къ постели больнаго, объявилъ болѣзнь Фердинанда чрезвычайно опасною нервическою горячкою. Жаръ усиливался ежечасно. Вскорѣ настало совершенное безпамятство. Больной лежалъ весь въ огнѣ, не узнавая никого, и бормоталъ какія-то неясныя слова. Были минуты, въ которыя докторъ отчаявался въ его жизни. Но крѣпкая натура пересилила упорную болѣзнь. На 12-й день

Фердинанду сдѣлалось лучше. Однако слабость была такъ велика, что онъ не могъ даже приподнять головы съ подушки, и съ большимъ усиліемъ произносилъ только по нѣскольку словъ въ день. Въ такомъ положеніи находился онъ двѣ недѣли. Наконецъ на третью силы къ нему возвратились, хоть и далеко не вполнѣ, и ему позволено было выѣхать прокататься. Сѣвъ въ карету, Фердинандъ велѣлъ везти себя къ дому графини Таровской. «Хоть снаружи посмотрю на жилище моего ангела, думалъ Баумштейнъ; можетъ быть, увижу ее у окна.» Подъѣзжая къ дому Елены, Фердинандъ увидѣлъ дорожную карету, отъѣзжающую отъ подъѣзда. Онъ смотритъ въ окна—не видно никого. Здорова ли она, подумалъ Баумштейнъ, и далъ знакъ кучеру подъѣхать къ дому графини. Швейцаръ вышелъ.

«Здорова ли графиня Елена Николаевна?» спросилъ Фердинандъ.

— Слава Богу, сударь—отвѣчалъ швейцаръ.

«А молодая графиня?»

— Вы не изволили видѣть? сейчасъ отъѣхала.—

«Куда?»

— Въ Тверскую деревню.—

«И Елена Николаевна тоже?»

— Нѣтъ-съ, графиня здѣсь. —

«Такъ съ кѣмъ же уѣхала барышня?»

— Съ супругомъ своимъ, его превосходительствомъ Сергѣемъ Ивановичемъ Пикаловымъ. —

Фердинандъ не разслушалъ конца фразы и не вѣрилъ ушамъ своимъ. Онъ переспросилъ швейцара. Швейцаръ отвѣчалъ то же самое, прибавивъ, что свадьба была вчера, что гостей не было вовсе, и пр. и пр. Не зная самъ, что дѣлаетъ, Фердинандъ поднялъ стекло кареты, и закричалъ кучеру:

«Пошелъ домой!»

«И такъ твое счастье улетѣло, думалъ Фердинандъ, послѣдняя страница книги жизни твоей прочтена, все кончено!» Ужасная тоска овладѣла имъ. Онъ пріѣхалъ домой растроенный, убитый. Вошедъ въ свою комнату, онъ увидѣлъ на столѣ письмо. Оно было изъ Дрездена; знакомый почеркъ Амаліи бросился ему въ глаза. «Боже мой!» подумалъ онъ, опускаясь безъ силъ на кресла, «не есть ли это указаніе свыше, что тамъ, съ нею, съ моей Амаліей мое счастье? Въ такую минуту, когда я горюю о потерянномъ счастіи, она приходитъ утѣшать меня, говорить

мнѣ о своей любви, о будущемъ счастіи, ожидающемъ насъ. Она не знаетъ... Боже милосердный! покоряюсь Твоей волѣ, и если для меня возможно счастье на землѣ, то вѣрно только у груди моей Амаліи, моей вѣрной, прекрасной подруги.» Такой странный переходъ ослабилъ еще болѣе Фердинанда. Дрожащими руками взялъ онъ письмо Амаліи, и жаднымъ, но утомленнымъ взоромъ началъ читать его. Когда онъ дочиталъ до конца, то вдругъ лице его измѣнилось, письмо выпало изъ рукъ, глаза сдѣлались неподвижны, полузакрылись...

Вотъ содержаніе письма:

«Не знаю, какъ начать письмо мое, мой добрый Фердинандъ, чтобы объявить тебѣ то, что случилось. Я не умѣю писать красно, а потому и раскажу тебѣ все просто, какъ оно случилось. Съ мѣсяцъ тому назадъ пришелъ къ намъ вечеромъ Прецель. Батюшка былъ нездоровъ. Прецель съ участіемъ освѣдомлялся о его здоровьѣ. Черезъ нѣсколько времени спросилъ онъ меня, знаю ли я, что у него есть заемное письмо отъ батюшки. Я отвѣчала утвердительно. «Я долженъ вамъ сказать, meine Gnädige, отвѣчалъ Прецель, что имѣю теперь крайнюю нужду въ деньгахъ и долженъ требовать уплаты.»—Но, ради Бога, сказала я ему, откуда намъ взять такую большую сумму денегъ? У насъ нѣтъ ничего. — «Я никакъ не могу отсрочить, отвѣчалъ Прецель; мои

кредиторы не даютъ мнѣ покоя... Кому-нибудь изъ насъ, или мнѣ или вашему батюшкѣ надобно идти въ тюрьму.» — Въ тюрьму! закричала я, въ тюрьму! этому бѣдному дряхлому старику идти въ тюрьму! Нѣтъ, этаго никогда не будетъ, и если въ васъ есть искра совѣсти и чести, вы не опозорите имени вашего такимъ отвратительнымъ, безчестнымъ поступкомъ. — «Однако, что же дѣлать?» возразилъ онъ. — Подождите, ради Бога, подождите; на колѣнахъ прошу васъ, умилостивьтесь. Подумавъ нѣсколько, онъ сказалъ;

«Есть одно средство.»

— Какое?—закричала я съ радостію.

«Выйдите за меня замужъ...»

О! это была ужасная минута, мой добрый Фердинандъ! я вспомнила о тебѣ и, вмѣсто отвѣта, горько зарыдала.

«Хотите ли?» спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, это невозможно—отвѣчала я.

«Отъ чего?» спросилъ онъ.

— Я невѣста—произнесла я едва внятнымъ голосомъ.

«Это я знаю давно, продолжалъ Прецель, я знаю, что вы невѣста Фердинанда Баумштейна; но я знаю также, что онъ уже болѣе не женихъ вамъ.»

Я обмерла.

«Давно ли вы имѣли объ немъ извѣстіе?» спросилъ онъ меня.

— Вотъ уже почти два мѣсяца, что я не знаю, что онъ дѣлаетъ. —

«А я такъ получилъ вчера письмо изъ Петербурга, продолжалъ онъ, и, подавая мнѣ письмо, прибавилъ: «прочтите.»

Письмо было отъ твоего брата. Онъ писалъ Прецелю, что ты безъ ума влюбленъ въ какую-то графиню, что она тебя также любитъ, и что ты надѣешься скоро на ней жениться.

Прости мнѣ, мой безцѣнный другъ, мой добрый Фердинандъ, прости мнѣ ту ужасную грусть, которая овладѣла мною, и тѣ упреки, которые я внутренно дѣлала тебѣ. И какъ могла я подумать, что ты будешь любить меня, меня, такую ничтожную въ срав-

неніи съ тобой. Я говорю это теперь; но тогда ослѣпленіе еще не миновалось; я еще воображала себя достойною твоей любви, и упрекала тебя въ невѣрности, забывая, что причиною тому мои собственныя несовершенства, забывая, кто ты—и кто я! Скажу тебѣ болѣе: ревность закипѣла во мнѣ; я хотѣла бы въ ту минуту увидѣть и уничтожить мою соперницу. Безумная, я не подумала, что тѣмъ разрушала бы твое счастье.

Между-тѣмъ Прецель, видя мое тревожное состояніе, требовалъ отъ меня отвѣта и, въ противномъ случаѣ, грозилъ въ ту же минуту тащить отца моего въ тюрьму.

«Спаси отца и возврати свободу твоему Фердинанду», шепнулъ мнѣ мой ангелъ-хранитель.

Я рѣшилась.

Теперь ты можешь быть вполнѣ счастливъ, мой добрый другъ, ты можешь безъ малѣйшаго стѣсненія исполнить свое желаніе. А твоя Амалія!.. О! она счастлива тѣмъ, что могла избавить отъ стыда отца своего и устроить счастіе своего безцѣннаго друга. Прощай. Теперь уже все кончено. Я за-мужемъ. Желаю, чтобъ Небо послало тебѣ столько радостей, сколько ихъ желаетъ тебѣ

Твоя Амалія.

Фердинандъ уже не существовалъ. Апоплексическій ударъ мгновенно прекратилъ жизнь страдальца. Онъ завѣщалъ міру божественные звуки, исторгшіеся изъ его болѣзненной души во время его краткой жизни.

IX.

Графиня Елена Николаевна и Николай Таровскій...

Но окончаніе ихъ исторіи можетъ быть предметомъ другаго расказа.

Баронъ Ѳ. Корфъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

АБАЛАКЪ. *

Часть первая.

Страну Кучума, край богатый,
Намъ Богъ чудесно даровалъ.
Еще спокойствіемъ объятый,
Тотъ край судьбы Творца читалъ:
Тамъ предъ невѣрными очами,
Какъ вѣстникъ мощный, роковой,
Вдругъ съ колокольнями, крестами
Являлся городъ золотой;
И съ высоты чудеснымъ звономъ
Дрожащій слухъ былъ пораженъ,
И степь вопила тяжкимъ стономъ,
И грозно меркнулъ небосклонъ;
Иртышъ багровѣлъ, будто гнѣвомъ
И роковымъ позоромъ полнъ,
И мчался вдаль съ унылымъ ревомъ,
И тяжко бился грудью волнъ...

* Нывѣшнее село, въ 25 верстахъ отъ Тобольска.

И вотъ предвѣстья совершились:
Какъ непонятный метеоръ,
Возсталъ Ермакъ... Поработились
Намъ сонмы чуждыхъ рощь и горъ!
Отринулъ рокъ мольбы шамана,
Его сковали страхъ и стыдъ,
И онъ въ лѣса, подъ кровъ шайтана,
Съ безмолвнымъ ужасомъ бѣжитъ...

И нѣтъ Кучума, нѣтъ Искера:
Къ народамъ дикимъ вмѣсто ихъ
Спѣшила истинная Вѣра,
И шумъ кровавой брани стихъ.
И вотъ, на лонѣ разрушенья,
На лонѣ пасмурныхъ степей,
Ужъ православныя селенья
Стоятъ — отрада для очей.
И свѣтъ блеснулъ въ странѣ суровой,
И тамъ звучитъ иной земли
Одолѣвающее слово,
Тамъ миръ и счастіе взошли...

И вскорѣ созданы тамъ были,
Какъ признакъ жизни и труда,
Какъ цѣль промышленныхъ усилій,
Пріюты обществъ — города.
Сперва надъ мирною Турою
Тюмень возвысилась, потомъ
Тобольскъ надъ гордою волною,
Надъ величавымъ Иртышомъ...
И свыше благость Провидѣнья

Пріосѣняла и вела
Плодъ человѣческаго рвенья,
Новорожденныя дѣла.

Уже Тобольскъ стоитъ полвѣка:
Въ немъ быстро всходятъ и растутъ
И предпріимчивость и трудъ,
И всѣ успѣхи человѣка.
Уже служители Христа,
Дыша для вѣры и святыни,
Внесли въ далекія пустыни
Изображеніе Креста·
Уже влекутъ они къ Распятью
Суровыхъ множество сердецъ...
Какъ вдругъ обрадовалъ Творецъ
Міръ цѣлый новой благодатью,
Да оживляющійся край
Пойметъ любовь Его яснѣе,
Кресту поклонится живѣе,
Увидитъ свѣтъ, увидитъ рай!

Кого жъ избралъ Онъ, Правосудный,
Орудьемъ благости Своей?
Кто вышней воли голосъ чудный
Постигъ, услышалъ изъ людей?
О, простота — удѣлъ смиренья,
Удѣлъ безвѣстности глухой!
Къ тебѣ слетаютъ откровенья,
Дары премудрости святой!
Въ быту сокрытомъ и убогомъ
Ты помнишь небо лишь одно,

И между смертными и Богомъ
Тебѣ посредствовать дано!

Въ одномъ селѣ, глухомъ и скудномъ,
Былъ земледѣлецъ. Онъ лежалъ,
Разслабленный, въ недугѣ трудномъ,
И скорбно таялъ, угасалъ.
Къ нему однажды торопливо
Приходитъ нищій... «Братъ Еѳимъ!»
Одушевительно и живо
Бѣдпякъ бесѣду началъ съ нимъ:
«Молись Творцу: Онъ дастъ пощаду.
Онъ нынѣ всѣмъ послалъ отраду...
Ты, на одрѣ лежа своемъ,
Чай, милость Бога ужъ прославилъ!
Другъ, о явленіи святомъ
Ты слышалъ?

Еѳимъ.

Нѣтъ, мой добрый Павелъ!
Никто въ мой уголъ не зайдетъ,
Никто не сядетъ у кровати,
И не протянетъ мнѣ объятій,
И рѣчь со мной не заведетъ!
А самъ я... нѣтъ во мнѣ движенья...
Куда и какъ пойду? Скорѣй
Про чудо Божьяго явленья
Мнѣ разскажи, и въ грудь пролей
Святую радость утѣшенья!

Павелъ.

Узнай. Безъ дружбы, безъ родства,
Сокрыта въ хижинѣ убогой,
Есть въ Абалакѣ жизни строгой
Одна бездѣтная вдова
Въ трудахъ проводитъ дни Марія,
Отъ міра грѣшнаго бѣжитъ,
И въ тишинѣ мольбы святыя
Передъ Создателемъ творитъ.
Недавно, въ хижинѣ смиренной,
На ложѣ тихомъ и простомъ
Она дремала легкимъ сномъ.
И ей, отрадно усыпленной,
Вдругъ образъ Дѣвы Пресвятой
На свѣтломъ воздухѣ явился
И въ вышинѣ остановился
Предъ нею, съ дивной красотой.
Близъ Богородицы, блистая,
Ликъ чудотворца Николая
Съ Египетской Маріей былъ...
Смутилась робкая вдовица;
Въ умѣ нѣтъ памяти и силъ...
А сей Небесная Царица
Вѣщастъ ласково: «поди,
И православнымъ возвѣсти,
Да съ вѣрой, съ чистыми сердцами,
Единодушными трудами
Мнѣ въ Абалакѣ зиждутъ храмъ,
И два другихъ по сторонамъ:

Одинъ во имя Николая,
Другой—Маріи, что стоитъ
Передъ тобою... Такъ святая
Премудрость Господа велитъ.»
Потомъ сокрылося видѣнье;
Вдова рѣсницы подняла
Съ великимъ страхомъ, и въ смущеньѣ
Встать съ ложа долго не могла.
Она какъ будто онѣмѣла,
И чуда сказывать не смѣла,
Боясь въ простой душѣ своей
Молвы и смѣху отъ людей.
Прошло съ тѣхъ поръ немного дней—
Марія хлѣбъ несла въ лачугу;
Вдругъ будто облако надъ ней
Раскинулось... Она съ-испугу
Упала... видитъ предъ собой
Опять на воздухѣ въ сіяньи
Икону Дѣвы Пресвятой,
А Николай—стоитъ живой
Въ архіерейскомъ одѣяньи...
Онъ говоритъ: «Марія, встань;
Небесной воли малодушно
Ты опасаться перестань;
Явися въ Божій міръ послушно,
И людямъ выскажи тотчасъ,
Что видѣла ты въ первый разъ,
Да знаютъ всѣ!» Марія встала,
Какъ пробужденная отъ сна,
И предъ людьми опять молчала...

Вотъ въ третій разъ, когда одна
Сидѣла въ хижинѣ она,
Вдругъ слышитъ запахъ ѳиміама,
Какъ отъ кадилъ святаго храма..,
Опять на воздухѣ предъ ней
Явилось знаменье Пречистой;
Въ одеждѣ яркой и огнистой
Угодникъ былъ... Съ его очей
Текла угроза... Онъ сурово
Женѣ вѣщаетъ: «для чего
Таишь ты Божеское слово,
Не скажешь міру про него?
Ты понесешь за ослушанье
Отъ вѣчной правды наказанье!»
Тутъ вдругъ Марію повело.
Она средь хижины упала...
Тогда, страдая тяжело,
Святую Дѣву умоляла,
Да ей подастъ небесный щитъ
И грѣхъ безвѣрія проститъ...
Вотъ слышитъ голосъ утѣшенья
Отъ лика Дѣвы: *трудно ей!*
Вмигъ унялись ея мученья,
И чудо скрылось отъ очей.
Марія встала средь волненья,
Таиться больше не могла,
И чудотворныя видѣнья
Духовнику передала,
Да онъ откростъ ихъ скорѣе...
Но онъ увѣриться хотѣлъ
Въ словахъ Маріиныхъ яснѣе,

И въ міръ повѣдать ихъ не смѣлъ.
Въ четвертый разъ—изъ Абалака
Въ Тобольскъ одна Марія шла,
И на пути своемъ была
Вдругъ посреди густаго мрака,
И темный столпъ, какъ занавѣсъ,
Вился предъ нею до небесъ,
И въ томъ столпѣ Святая Дѣва,
И чудотворецъ, полный гнѣва...
Изумлена, устрашена,
Остановилася она,
И мукъ — болѣзнуя душевно —
Ждала себѣ. Угодникъ гнѣвно
Вѣщалъ ей: «грѣшная жена!
Еще ль противиться дерзаешь
Небесной волѣ и вмѣняешь
Судьбы святыя ни во что?
Спѣши, открой свои видѣнья
Всѣмъ людямъ нынѣ же! Не то
Ты будешь въ тяжкомъ разслабленьи,
И въ мукахъ Божью благодать
Напрасно станешь призывать.
А если скажешь, и забудутъ
Твои слова, тогда не ты—
Они терпѣть мученья будутъ
Отъ безразсудной слѣпоты.»
И вдругъ видѣніе сокрылось,
И мракъ исчезъ. Маріи мнилось,
Что тутъ прикована была...
Отъ ужаса въ ней сердце билось,
Насилу двинуться могла...

Достигла города, и съ кликомъ
Тамъ передъ всѣми начала
Разсказъ... Въ стеченіи великомъ
За нею слѣдовалъ народъ,
Крестился, радовался, чуду
Сердечно вѣровалъ... И вотъ—
Въ домахъ, на улицахъ—повсюду
Живая Господу хвала
Изъ устъ признательныхъ текла.
У всѣхъ святое нетерпѣнье
Явилось въ ревности своей:
Всѣ люди Божіе велѣнье
Хотѣли выполнить скорѣй.
Ихъ на спасительное дѣло
Архіерей благословилъ,
И вотъ ужъ радостно и смѣло
Народъ къ работѣ приступилъ...
Ужъ быстро начали, возводятъ
Храмъ въ Абалакѣ, и туда
Изъ дальнихъ мѣстъ толпы приходятъ,
Чтобъ освятиться отъ труда.
О другъ! ты весь убитъ тѣлесно...
Молись Владычицѣ Небесной!
Быть можетъ, вѣры благодать
Тебя очиститъ, и покинешь
Ты эту скорбную кровать,
Гдѣ въ мукахъ медленно такъ стынешь!

Такъ нищій Павелъ говорилъ.
Страдалецъ, вдругъ ожившій духомъ,

Ему внималъ несытымъ слухомъ,
И голосъ тяжкихъ мукъ забылъ...
Онъ молвилъ: «какъ теперь утѣшенъ
Я безотрадный! слѣпъ и грѣшенъ,
Терплю я праведно... мнѣ жить
Уже недолго, можетъ быть...
Все рабъ я вѣчнаго Владыки—
Онъ помнитъ страждущихъ дѣтей;
Онъ далъ услышать мнѣ Великій
Про диво благости своей!..
И вотъ, какъ солнце, предо мною
Стоитъ Пречистая въ лучахъ,
Съ Младенцемъ-Богомъ на рукахъ,
Съ любовью, съ лаской святою!
Какъ тихъ и кротокъ взоръ у ней!
И какъ легко душѣ моей!..
Теперь воскресъ, теперь живу я:
Глаза увидятъ новый храмъ...
Пречистой Образъ напишу я
И Богу въ даръ поставлю тамъ!..

И наполнялся благодатно
Страдалецъ вѣрою святой,
И плакалъ горько и пріятно,
И Богу жаркою мольбой
Высказывалъ свое желанье...
И въ тотъ же день его страданье
Смягчилось. Легче и свѣжѣй
Дышать онъ началъ, и сильнѣй
Въ груди почувствовалъ біенье—
Помогъ болящему Господь!

И возвратилося движенье
Въ его разслабленную плоть.
Тогда, держа обѣтъ священный,
Спѣшилъ тотчасъ онъ заказать
Иконописцу написать
Пречистой ликъ благословенный.
А самъ со дня на день съ тѣхъ поръ
Живѣе былъ; яснѣе взоръ
Кидалъ на міръ какъ будто новый...
И вотъ пришла ему пора:
Вскочилъ онъ весело съ одра,
Опять и бодрый и здоровый.
Какимъ горячимъ языкомъ
Тогда свое благодаренье
Онъ изливалъ передъ Творцомъ!
Опять въ немъ крѣпость и терпѣнье!
Опять онъ будетъ надъ землей
Трудиться, дѣйствовать сохой!..
И вотъ онъ быстрою стопой
Къ иконописцу поспѣшаетъ,
И образъ Дѣвы Пресвятой
Беретъ на грудь, и притекаетъ
Съ нимъ въ Божій храмъ... Среди людей,
Среди молитвъ, Архіерей
Икону принялъ, и святою
Самъ окропилъ ее водою,
Священнодѣйствуя предъ ней.
И всѣ предъ Ликомъ повергались,
И съ умиленьемъ прикасались
Къ нему устами... и Творца
Глубоко славили сердца.

И земледѣлецъ исцѣленный
Стоялъ, колѣнопреклоненный,
И кромѣ Бога одного
Въ себѣ не помнилъ ничего...
И всѣ, кто зналъ его дотолѣ,
Теперь, взирая на него,
Дивились чудной Божьей волѣ!

Часть вторая.

Стоитъ пустынный Абалакъ
На крутизнѣ горы высокой.
Въ ненарушимости глубокой
Предъ нимъ лѣсовъ раскинутъ мракъ...
Вдали громады ихъ одѣло
Небесъ туманной синевой;
Внизу шумитъ осиротѣло
Иртышъ. Онъ пѣнится волной,
Невольникъ грустный, безнадежный...
Давно хребетъ его мятежный
Рыбакъ весломъ перекрестилъ
И въ волны сѣти запустилъ.
Вдругъ слава чуднаго явленья,
Проникнувъ міръ святымъ огнемъ,
Глухой пріютъ уединенья
Одушевила торжествомъ...
Ужъ быстро начали, возводятъ
Храмъ въ Абалакѣ, и туда
Изъ дальнихъ мѣстъ толпы приходятъ,
Чтобъ освятиться отъ труда.
Какая ревность въ ихъ усильяхъ,

Какой восторгъ въ живыхъ сердцахъ!
Растетъ, летитъ какъ бы на крыльяхъ
Священный трудъ, ходатай благъ!
Грядами кедры вѣковые
Подъ звучнымъ пали топоромъ,
И ихъ несутъ валы сѣдые
Къ горѣ крутой—на Божій домъ.
И вотъ, на избранной вершинѣ,
Завѣтъ и радость племенамъ,
Чертогъ молитвамъ и святынѣ,
Поднялся новозданный храмъ.

И мигъ насталъ, мигъ вожделѣнный,
Мигъ благодатный, неземной!
Даръ, земледѣльцемъ принесенный—
Икону Дѣвы Пресвятой,
Повелѣваетъ Архипастырь
Несть въ Абалакъ, и въ новый храмъ
Торжественно поставить тамъ.
И все стеклось на праздникъ дивный,
Живыхъ стремительнѣе водъ,
И звонъ ликующій, призывный,
Благовѣститъ прекрасный ходъ.
Хоругви тронулись, и вотъ,
Между безмолвными толпами,
Пріосѣненная крестами,
Икона движется... за Ней,
Блистая, стражи алтарей
Идутъ величественнымъ хоромъ;
Идутъ таинственнымъ соборомъ

И братья-иноки. Гремитъ
Высокихъ, мощныхъ гимновъ пѣнье;
Съ кадилъ пылающихъ куренье
Благоуханное бѣжитъ...

Идутъ среди восторговъ чистыхъ,
Горитъ у всѣхъ отрадой ликъ...
Путь пролегалъ въ поляхъ лѣсистыхъ
Черезъ деревню Шанталыкъ.
Въ деревнѣ той печали жили:
Тамъ и трудился и скорбѣлъ
Простой, безвѣстный мужъ Василій —
Онъ дочь болящую имѣлъ,
И дочь одна, зѣница ока,
Любовь души, во цвѣтѣ лѣтъ,
Завидно хороша, высока...
Но ей отказанъ Божій свѣтъ:
Ея глаза лихимъ страданьемъ
Поражены, и лучь дневной
Съ своимъ привѣтливымъ сіяньемъ
Ей недоступенъ, ей чужой.
Предъ нею міръ глубокой тмою
Подернутъ весь... Она весною
Не видитъ прелести цвѣтовъ,
Ни мглы раскидистыхъ кустовъ.

И вотъ узналъ отецъ унылой,
Что Благодатную несутъ,
И вспыхнулъ вѣры чудной силой,
И вмигъ забылъ печаль и трудъ...
Спѣшитъ во срѣтенье Пречистой,

И жарко падаетъ предъ Ней,
И слезы льетъ волной струистой,
Молясь Помощницѣ скорбей:
«О непорочная, святая,
Ты жизнь, Ты свѣтъ земли и рая!
Дай бѣдной дочери моей
Увидѣть ясными очами
Твой свѣтлый Образъ, да съ мольбами
Она поклонится Тебѣ...
О, помоги Своей рабѣ!»

И онъ исполнился надежды,
Домой торопится... Глядитъ:
Съ весельемъ дочь къ нему бѣжитъ...
Ея болѣзненныя вѣжды
Открыты бодро и свѣтло!
Василій думаетъ: что̀ съ нею?
Дочь кинулась къ нему на шею,
Цалуетъ въ очи и чело...
И крѣпко грудь его сжимая,
Родитель! говоритъ, сама я
Себя не помню: погляди...
Огонь въ глазахъ, огонь въ груди...
Какъ ты ушелъ—я у порога,
Вотъ здѣсь, тебя присѣла ждать.
Одна, я думала про Бога
И про Святую Дѣву-Мать.
И долго, долго я сидѣла,
Глазами темными смотрѣла
Вокругъ порога моего,
И не видала ничего.

И вдругъ я слышу пѣнье, топотъ...
Ахъ, это съ Образомъ идутъ!
И вырвался молитвы шопотъ...
Не знаю, что со мною тутъ
Случилось, только я невольно
И дико бросилась къ окну...
И вдругъ глазамъ не стало больно...
Какъ будто кто-то пелену
Внезапно скинулъ съ нихъ, и свѣтомъ
Ихъ окатилъ! И я кресты
И ходъ увидѣла... и въ этомъ
Народѣ Божьемъ плачешь ты!..
Нѣтъ, будь ты нынче веселъ, ясенъ,
Какъ этотъ день... великъ Творецъ!
О Божій міръ! Какъ онъ прекрасенъ,
Какъ все въ немъ чудно, мой отецъ!

Душа Василья замирала...
Онъ сердцемъ Господа постигъ;
Но радость сильная сковала
Его уста, его языкъ:
Онъ ищетъ словъ, и не находитъ,
На дочь восторженно глядитъ.
Вотъ съ ней за Образомъ спѣшитъ.
Онъ въ Абалакъ его проводитъ...
И тамъ отслужитъ Пресвятой
Молебенъ съ вѣрою живой!

И чудо новое мгновенно
Проникло набожный народъ:

Одинъ другому умиленно
Его въ пути передаетъ,
И Образъ новымъ поклоненьемъ
И новой славою святитъ...
Но вотъ, предъ крестнымъ ополченьемъ,
Ужъ Абалакъ вдали открытъ,
И храмъ высокій, храмъ нагорный
Свѣтло красуется очамъ...
И вносятъ Образъ чудотворный
Въ сѣнь освященную, въ тотъ храмъ.

О часъ божественный!.. Отнынѣ,
Въ глухомъ углу, въ нѣмой пустынѣ
Все живо, звучно... разлита
Небесной жажды теплота...
Сюда, къ таинственной святынѣ,
Къ мечу житейскихъ бѣдъ и зла,
Стремятся волны православныхъ,
И здѣсь свершаются дѣла
Чудесъ безчисленныхъ и явныхъ...

Одинъ идетъ на костыляхъ...
Онъ всталъ едва съ постели бѣдный;
Онъ много лѣтъ хирѣлъ и чахъ,
И вотъ пришелъ изсохшій, блѣдный
Къ Святому Образу воздѣть
Свои нѣмѣющія руки,
Излить мольбу, свой стонъ и муки,
И грудь надеждой разогрѣть...
И будто вдругъ ручей цѣлебный
Коснулся немощныхъ костей —

И съ пѣснью радостной, хвалебной
Идетъ онъ въ домъ безъ костылей.

Другой лишенъ святаго дара
Въ знакомыхъ звукахъ изливать
Свой духъ и съ братьями вѣщать...
Языкъ въ цѣпяхъ: какая кара!
Дышать съ подобными себѣ,
Имѣть и мысли и желанья —
И роковыя испытанья,
Въ земной сокрытыя судьбѣ,
И узы вѣчнаго молчанья
Печально несть; не въ силахъ быть
Ни тайной думы, ни страданья,
Ни воли брату сообщить!..
Но вотъ предъ ликомъ Благодатной
Нѣмой срывается языкъ —
И сильный рѣчью, всѣмъ понятной,
Онъ издаетъ восторга кликъ!

Тотъ пораженъ утратой слуха:
Ни ближняго священный зовъ,
Ни мощный звонъ колоколовъ
Дремоту скованнаго уха
Прервать не сильны... Божьихъ словъ,
Чудесныхъ звуковъ Откровенья,
Ни утѣшительнаго пѣнья
Не слышитъ онъ, когда стоитъ
Во храмѣ свѣтломъ — и закрытъ
Ему источникъ умиленья;
Предъ нимъ ключь радости изсякъ...

Но вотъ пришелъ онъ въ Абалакъ
И пролилъ теплыя моленья;
И ухо дремлющее вдругъ,
Оживъ, почувствовало звукъ!..

И годы льются, годы мчатся,
И чудеса Иконы той,
Благословенныя, творятся
Неистощимой чередой,
И слава ихъ потокомъ звучнымъ
Бѣжитъ по сумрачной странѣ —
И Благодати хлѣбомъ тучнымъ
Сердца напитаны вполнѣ.

И всякой трудъ людей смиренныхъ,
Къ высокой вѣрѣ пріобщенныхъ,
Вѣнчаютъ радость и успѣхъ;
Восходятъ чистыя желанья,
Цвѣтутъ и зрѣютъ начинанья
Плодомъ довольства и утѣхъ.
И грудь земли, раскрывъ умильно
Всю роскошь тайныхъ силъ своихъ,
Выноситъ пышно и обильно
Дары на нивахъ золотыхъ...
И зной живыхъ полей не губитъ,
И злаковъ молнія не жжетъ,
И градъ стремительный не бьетъ...
Роса ихъ ласковая любитъ,
И ихъ урочною порой
Кропитъ жемчужною струей.

Но изъ годовъ, цвѣтущихъ счастьемъ,
Былъ годъ суровой для земли:
Весна грустила подъ ненастьемъ,
Дожди холодные текли...
Полей затопленнаго лона
Чуждался спрятавшійся лучь,
И не сходили съ небосклона
Громады сѣрыхъ, дикихъ тучь.
Ревѣли вѣтры буйнымъ хоромъ,
Клубили мракъ сѣдыхъ небесъ,
И подъ ужаснымъ ихъ напоромъ
Срывались пни, ломался лѣсъ...
И мстя враждующимъ возстаньемъ
За плѣнъ безславный, вѣковой,
Иртышъ катился съ клокотаньемъ,
Съ угрозой бѣшеной, слѣпой...
И воды вздутыя надменно
Шли на просторъ изъ береговъ
И покрывали изступленно
Поверхность пашень и луговъ.

И люди чувствовали трепетъ,
За свой страшилися удѣлъ,
Потопа ждали... Скорбный лепетъ
Къ Творцу отчаянно летѣлъ.
Вдругъ Архипастырь повелѣлъ,
Къ отрадѣ всѣхъ, какъ оборону
И щитъ растерзанной земли,
Ту чудотворную Икону
Принесть въ Тобольскъ—и принесли...
И чистой, пламенной душою

Съ благоговѣйною тоскою
Мольбы смиренныя предъ ней
Во храмѣ лилъ Архіерей...
И въ тотъ же день дожди и бури
Утихли. Съ дѣвственной лазури
Изъ-за гонимыхъ облаковъ
Пробился лучь, опять готовъ
Живить, лелѣять міръ унылый —
И снова прелесть ясныхъ дней
Настала. Схлынули съ полей
Ручьи, потоки; жизнь и силы
Проникли землю, и она
Дышала, роскоши полна...
И, признакъ благости небесной,
Въ святой раскинуты красѣ,
Созрѣли жатвою чудесной
Поля запаханныя всѣ!

И скорбь смѣнило ликованье,
Сердца наполнились отрадъ...
Тѣ дни святитъ воспоминанье —
Завѣтный, сладостный обрядъ:
Какъ міръ подъ лѣтними лучами
Заблещетъ свѣтомъ и красами —
Съ тѣхъ поръ бываетъ каждый годъ
Изъ Абалака крестный ходъ,
И Образъ славный чудесами,
Въ Тобольскъ приносятъ, и за Нимъ,
Съ любовью, съ трепетомъ живымъ,
Народъ бѣжитъ... И, восхищенный,
Выходитъ самъ Преосвященный,

Въ одеждѣ ярко золотой,
Навстрѣчу къ Дѣвѣ Пресвятой...
И Образъ дивный въ храмъ Соборный
Несутъ и ставятъ при мольбахъ:
Восторгъ пылаетъ животворный
Въ кипящихъ ревностью сердцахъ!
Всѣ — старъ и молодъ, дѣвы, жены —
Тутъ умилительно стоятъ:
Земные, жаркіе поклоны
Предъ Богоматерью творятъ.
И непрерывно ихъ моленья
Бѣгутъ, какъ пламенный потокъ,
Пока святаго посѣщенья
Вдругъ не минуетъ краткій срокъ!

Эм--въ.

ПРАВДА И ДЕМОНЫ.

Правда.

Она не васъ звала на пиръ
Святой поэзіи и славы;
Не вашихъ требовала лиръ,
Чтобъ звукомъ пѣсни величавой
Очаровать великій міръ...
Зачѣмъ пришли вы безъ призванья,
И принесли и дымъ, и смрадъ,
И бредъ кощунствъ и волхвованья
Туда, гдѣ съ Богомъ говорятъ,
И жгутъ одни благоуханья?

Демоны.

Но гдѣ жъ достойный твой Гомеръ,
Скажи намъ, важный порицатель?

Уже ли Байрона химеръ
Плохой и жалкій подражатель?
Какой высокій образецъ
Своей цѣвницы вдохновенной
Намъ доморощенный пѣвецъ
Подастъ Европѣ просвѣщенной?
Что сдѣлалъ онъ? Какимъ стихомъ
Стяжалъ онъ имя во грядущемъ?
Довольно, если только плющемъ
Его главу мы обовьемъ.

Правда.

И вы... Бѣгите съ чернью шумной
Въ вертепъ хмѣльнаго фигляра:
Ему восторгъ вашъ полуумный,
Ему продажное ура!
Подите, бражничайте вмѣстѣ;
Несите ревностную дань
Къ нему холопьей вашей лести,
Или вступайте съ нимъ во брань!
О! сей пріемъ краснорѣчивый
Собратъ достойный вашъ пойметъ,
И жажду жаркую зальетъ
Судей души сребролюбивой.
Но тамъ... но тамъ, гдѣ говоритъ
Богопомазанный пінтъ,
Наслѣдникъ звуковъ Царь-Давида,
Вашъ своевольный приговоръ
Его смертельная обида
И человѣчества позоръ!...

Демоны.

Орломъ летитъ къ безсмертью геній —
И удивленные вѣка,
За чары сладкихъ пѣснопѣній,
Не тронутъ славнаго вѣнка.
А твой гусляръ!... Давно ль могила
Его разбѣгъ оставила —
И неоконченный напѣвъ
Во славу рыцарей и дѣвъ
Прошелъ съ нимъ искрой быстробѣжной.
Пускай прославленнымъ стихомъ
Онъ живъ въ альбомѣ Хлои нѣжной,
Но вѣдь потомство — не альбомъ.

Правда.

Гусляръ сей былъ изъ поколѣнья
Тѣхъ вдохновенныхъ гусляpей,
Которыхъ съ теплымъ умиленьемъ
Народы помнятъ какъ царей.
Гусляръ сей творческія струны
Душой великой пробуждалъ,
И съ неба звѣзды и перуны
Рукою мощною срывалъ.
Онъ посѣтилъ моря и страны,
Вбѣгалъ всевластно въ ураганы;
Онъ заводилъ съ могилой рѣчь;
Враждуя съ завистью стогласной

Глаголомъ правды неугасной,
Блисталъ и сѣкъ что Божій мечь.
Его альбомныя созданья —
Народной славы достоянье:
Ихъ любитъ нашъ Славянскій слухъ
Затѣмъ, что жизни православной
Исполненъ ихъ полетъ державный,
Затѣмъ, что въ нихъ нашъ Русскій духъ!
А вы, презрѣнные Зоилы,
Подняли свой лукавый гласъ,
Когда великій изъ могилы
Ужъ поразить не властенъ васъ.
Нѣтъ, мало въ гнѣвѣ благородномъ
Онъ по невѣжеству свисталъ,
И васъ на плахѣ всенародно
Насмѣшкой злою бичевалъ!
Такъ торжествуйте же, Пигмеи,
Свои коварныя затѣи!..
Всему свой путь, своя чреда:
Ему — на лонѣ славы вѣчной,
А вамъ — въ хаосѣ тмы кромѣчной,
Въ грязи змѣинаго гнѣзда.

К. Айбулатъ.

Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда-то мною,
На-время улети въ Лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья...
Что было и небудетъ вновь...
И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой другъ! она прошла... но съ первыми друзьями
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключенъ;
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
О милый, вѣченъ онъ!

А. Пушкинъ. *

1817.

* П. П. Ершовъ, извѣстный поэтъ нашъ, лично знакомъ былъ съ покойнымъ Пушкинымъ, который его полюбилъ, прочитавъ стихотвореніе его: *Конекъ-Горбунокъ*, какъ обыкновенно Пушкинъ до пристрастія привязывался къ каждому возникающему таланту. Ершовъ хорошо помнитъ почеркъ Пушкина. Случайно встрѣтивъ эти два не-

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой домъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ тоже утѣшенье!
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ Лицейскихъ ясныхъ дней!

А. Пушкинъ.

1827.

большія стихотворенія, собственною рукою автора Онѣгина вписанныя въ памятную книгу однаго изъ его пріятелей, онъ поспѣшилъ ихъ сообщить въ редакцію Современника для напечатанія. Благодаря его за подарокъ, мы остаемся въ прежней увѣренности, что еще долго не составить намъ полнаго собранія сочиненій Пушкина безъ участія общаго и единодушнаго. Кто изъ Русскихъ не сберегъ въ своихъ листкахъ, если удалось ему принять, и строку этаго золотаго пера?

Редакц.

ЧТО ЛУЧШЕ?

Марьѣ Арсеньевнѣ Бартеневой.

L'exaltation est-elle un bien ou un mal?

Problème que deux femmes n'ont pas sû résoudre.

Восторженность души, даръ чувствовать полнѣе
И мыслить глубоко, даръ плакать и мечтать,
И видѣть въ жизни сей все ярче и свѣтлѣе—
То кара ль жребія, то неба ль благодать?...

Что лучше:—разуму спокойно повинуясь,
Судить какъ судитъ свѣтъ, все взвѣшивать, цѣнить;
Съ условнымъ мнѣніемъ небрежно согласуясь,
Жизнь, сердце и судьбу расчету подчинить?

Или, давъ волю снамъ, и думамъ, и желаньямъ,
Преображать весь міръ своей живой мечтой,
Искать сочувствія и вѣрить предвѣщаньямъ,
И ждать... и счастье звать трепещущей душой?..

Что лучше,—знаетъ Богъ!.. Что лучше,—опытъ скажетъ.
Не намъ, не намъ рѣшить загадочный вопросъ!
Кто заблужденье, намъ иль истину докажетъ,
Когда гласъ внутренній еще не произнесъ?..

Но если втайнѣ намъ мечтается порою,
И сладко плачется, и рвется сердце въ насъ
На небо вознестись беззвучною мольбою,
Иль на землѣ вкусить восторга свѣтлый часъ:—

Зачѣмъ противиться?..полны благоговѣнья
На крыльяхъ радужныхъ умчимся высоко!..
Какъ чисты, какъ теплы тѣ слезы умиленья!
Какъ сердцу послѣ нихъ отрадно и легко!..

Гр--ня Ев. Ра--на.

Петербургъ, 5-е Марта, 1841.

БОРГО.

«Lycksalig den, som vid naturens bräst
Från henne hemtar kärlek, ord och röst,
Som irrande sitt modersmål ej glömt;
Handrömmer blott, och säger hvadhan drömt,
Men, medvetslös och utan reglors twång
Gan drömmer visher och han talar sång.»

RUNEBERG (TALLTRASTEN).

«Блаженъ, кто на лонѣ природы заимствуетъ у нея любовь, слова и голосъ; блаженъ, кто въ странствіи своемъ не забылъ роднаго языка; онъ живетъ лишь грезами и говоритъ, что ему грезится, но, самъ того не зная и не стѣсненный правилами, онъ видитъ во снѣ мудрость и говоритъ—пѣснями»

РУНЕБЕРГЪ. (Дроздъ.)

Вдоль тѣсныхъ улицъ, грустно-безмятежныхъ,
Я въ сумерки блуждаю одинокъ;
Съ утра метель, и межъ сугробовъ снѣжныхъ
Потерянъ слѣдъ проложенныхъ дорогъ.
По сторонамъ угрюмыя жилища,
Гдѣ ранняго огня не тратитъ лѣнь;
Далеко вкругъ безжизненность кладбища;
Порой лишь путникъ промелькнетъ какъ тѣнь,
Иль тощій песъ залаетъ за калиткой,

Иль колокольчикъ вдругъ задребезжитъ,
Снѣгъ заскрипитъ подъ грузною кибиткой,
И конь, ее влекущій, пробѣжитъ...
Я здѣсь чужой, и гостемъ въ эти домы
Я не вхожу, и люди, въ ихъ стѣнахъ
Живущіе, со мною незнакомы;
Природа спитъ, нѣтъ радости въ поляхъ.
Но отъ чего жъ—хотя однообразно
Я дни веду въ сей мертвой тишинѣ,
Порой за книгою, но чаще праздно —
Такъ весело съ утра до ночи мнѣ?
Здѣсь есть Поэтъ. Въ его пріютной сѣни
Я хороню крылатые часы;
Вокругъ него толпится рой видѣній,
Исполненныхъ привѣтливой красы.
Мудрецъ, отъ бурь житейскихъ удаленный,
Свой міръ онъ носитъ въ глубинѣ души,
Чудесный міръ, съ которымъ, вдохновенный,
И счастливъ онъ и гордъ въ своей глуши.
Но, самъ собой не полнъ въ уединеньи,
Онъ пламенно сочувствуетъ всему,
Что намъ Господь явилъ въ своемъ твореньи,
Что родственно иль сердцу иль уму.
Люблю съ нимъ вести живые разговоры,
Когда какъ искры сыплются слова,
А за-одно съ словами блещутъ взоры
И грудь кипитъ и пышетъ голова...
За часомъ часъ несется неприметно:
Незваным гостемъ вдругъ подходитъ ночь...
Но дня не жаль: онъ прожитъ былъ не тщетно,
Когда ко сну иду я веселъ прочь.

Поэзія! непризнанное свѣтомъ,
Но мощное, святое божество!
Какъ въ бытіи, тобою не согрѣтомъ,
Должно быть все и блѣдно и мертво!
Но тамъ, гдѣ ты алтарь свой утверждаешь,
Хотя бъ то было въ царствѣ хладной тьмы,
Своей небесной силой побѣждаешь
Ты даже власть убійственной зимы.
О смертные, о родъ неблагодарный!
Когда жъ поймете вы, что все, чѣмъ дни
Для васъ порой бываютъ лучезарны,
Немилой вамъ поэзіи съ-родни?
Когда же вы поэта оцѣните?
Весна и радость, юность и любовь,
Все, отъ чего восторгомъ вы дрожите,
Все, что волнуетъ сладко вашу кровь,
Все то живой поэзіи владѣнье!
За что жъ поэта ненавидитъ вѣкъ?
Уже ль и впрямь такъ тяжко преступленье,
Что онъ въ чистѣйшемъ смыслѣ человѣкъ?
Онъ, торжество природы и науки,
Тревожимый творящей теплотой,
Для васъ невольно облекаетъ въ звуки
Міръ красоты, блестящій, но нѣмой?

Такъ, мрачный Борго, лишь своимъ Поэтомъ
Ты радовалъ меня; ты озаренъ
Какъ будто былъ какимъ-то чуднымъ свѣтомъ:
Мнѣ посреди тебя являлся *Онъ*,
Какъ страннику, бродящему въ пустынѣ,
Цвѣтущій сиро надъ песками злакъ,

Какъ въ тьмѣ полночной на морской пучинѣ
Пловцу—вдали сверкающій маякъ.

. . . . . .

Теперь прости, пріютъ, хотя печальный,
Но милый мнѣ! Твой сумракъ покидать
Мнѣ право жаль. Прими жъ мой вздохъ прощальный:
Богъ вѣсть, когда увидимся опять!
Прости и ты, мой милый *братъ по чашѣ* *!
Благодарю за дружескій пріемъ!
Благослови, какъ пастырь, братство наше:
Пусть богъ любви хранитъ твой тихій домъ.
Прости, мудрецъ и строгій и безпечный!
Сто лѣтъ живи, мой добрый хлѣбосолъ!
Благослови мой стихъ чистосердечный!
Богъ пѣсень пусть хранитъ тебя отъ золъ!

Но для чего прощаюсь я съ тобою?
Не самъ ли ты, чуть встанетъ новый день,
Какъ я, помчишься къ западу съ женою,
Ввѣряя небу дорогую сѣнь
Съ толпой малютокъ, на недѣлю сирой,
Съ пенатами наслѣдственными ихъ
И наконецъ съ висящей въ розахъ лирой,
Вновь жаждущей звучать въ рукахъ твоихъ.
Ты помнишь, братъ мой: завтра день воскресный;
Счастливый путь сулитъ *Надежда* намъ.
Предчувствую: то будетъ день чудесный!

* Въ Финляндіи есть обыкновеніе *пить братство*, послѣ чего говорятъ всегда другъ другу *ты*. *Примѣч.* Редак.

Отъ скалъ окружныхъ въ вашъ старинный храмъ
И Шведъ и Финнъ потянутся гурьбою,
А мы въ негрѣющемъ сіяньи дня
Покатимся надъ снѣжной пеленою,
Съ холма на холмъ коней своихъ гоня.
Начнутъ мелькать надъ бѣлою пустыней
То красный столбъ, дорогъ вѣщунъ нѣмой,
То елей пестрый рядъ: пушистый иней
Блеститъ надъ ихъ зеленой бахрамой.
Межъ-тѣмъ какъ вихрь мы будемъ мимо мчаться.
Но прежде насъ свой путь окончитъ день,
И станутъ сумерки къ землѣ спускаться,
И вмѣстѣ съ вечеромъ мы вступимъ въ сѣнь
Утесистой и дѣвственной столицы —
Ты — чтобъ безсмертью скромно передать
Новорожденное дитя цѣвницы;
А я... Богъ вѣсть, чего мнѣ ожидать!

г.

УНДИНА.

Когда невесело осенній день взойдетъ
И хмурится; когда и дождикъ ливьмя льетъ,
И снѣгъ летитъ какъ пухъ, и окна залѣпляетъ;
Когда камннъ уже гудитъ и озаряетъ
Янтарнымъ пламенемъ смиренный твой пріютъ,
И у тебя тепло, а твой любимый трудъ,
Отъ скуки и тоски заступникъ твой надежной,
А тихая мечта, милѣе дѣвы нѣжной,
Привыкшая тебя ласкать и утѣшать,
Уединенія краса и благодать,
Чуждается тебя; бездѣйственно и сонно
Идетъ за часомъ часъ, и ты неугомонно
Кручинишься: тогда будь дома и одинъ;
Стола не уставляй богатствомъ Рейнскихъ винъ,
И не вари изъ нихъ да сахару да рому
Питья, съ котораго бываетъ много грому;
И не зови твоихъ товарищей-друзей
Пображничать съ тобой до утреннихъ лучей —

Друзья, они придутъ и шумно запируютъ,
Состукнутъ чаши въ ладъ, тебя наименуютъ,
И пѣсню запоютъ во славу лучшихъ лѣтъ...
Развеселишься ты, а можетъ быть и нѣтъ —
Случалося, что хмѣль усиливалъ кручину —
Ихъ не зови; — читай Жуковскаго Ундину:
Она тебя займетъ и освѣжитъ; ты въ ней
Отраду вѣрную найдешь себѣ скорѣй;
Ты будешь полонъ силъ и тишины высокой,
Какихъ не дастъ тебѣ ни твой разгулъ широкой,
Ни пѣсня юности, ни чашъ заздравный звонъ —
И былъ твой грустный день какъ быстролетный сонъ.

Н. Языковъ.

Ница. Дек. 26, 1839.

ЧЕГО НЕЛЬЗЯ ЗАСТРАХОВАТЬ?

Son mal fermi quaggiù tutti i legami!

SILVIO PELLICO.

Страхуютъ жизнь, пожитки и имѣнье,
Страхуютъ все, что тлѣетъ и горитъ,
Что служитъ намъ въ вседневномъ столкновеньѣ
Заботъ и нуждъ; все, чѣмъ земной нашъ бытъ
И отягченъ, и вмѣстѣ обезпеченъ: —
Застраховать не могутъ только намъ
Ни радости, ни счастья! Скоротеченъ
По-прежнему ихъ срокъ, и свѣтлымъ днямъ
По-прежнему приходитъ скоро смѣна...
И мы глядимъ на небеса съ мольбой:
Лишь только тамъ упроченъ нашъ покой, —
Разлуки нѣтъ, и не грозитъ измѣна!..

Гр--ня Ев. Рас--на.

Петербургъ. 14-е Декабря, 1840.

КАРТИНА

ВЪ КАБИНЕТѢ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ,

ВЪ АНИЧКОВСКОМЪ ДВОРЦѢ.

Свершила Горлица свой путь,
Летитъ къ ковчегу отдохнуть;
И радостно ея явленье;
Съ любовью, съ вѣрой въ Провидѣнье
Ее готовятся принять:
Съ ней прилетѣла благодать.
Вотъ Кормчій, избранный отъ Бога;
Его душѣ чужда тревога;
Имъ управляемый ковчегъ
Свершаетъ съ твердостью свой бѣгъ.
При немъ, какъ ангелъ-небожитель,
Ковчега мирнаго хранитель,
Дочь несравненная стоитъ —
Небесный, свѣтлой, дивный видъ:
По плечамъ кудри золотые,
Улыбка, взоры неземные.
Поодаль пылкой, молодой
Наслѣдникъ, съ пламенной мечтой,

Съ восторгомъ Горлицу встрѣчаетъ,
И ей душею довѣряетъ
Блаженство, радость жизни всей.

Въ мечтѣ играющей моей
Такъ Кормчій Русскаго ковчега,
Среди торжественнаго бѣга,
Ждетъ гостью новую къ Себѣ,
Невѣсту, дочку — и судьбѣ
И счастью Русскихъ онъ отъ Бога
Въ ней проситъ новаго залога;
При немъ, нашъ ангелъ красоты,
Здѣсь отраженіе заоблачной мечты,
Стоитъ молитвою живою
Дочь несравненная душою;
Ея ужъ высказанъ привѣтъ —
И въ немъ обмана, лести нѣтъ.
Наслѣдникъ гостью тутъ, восторженный, встрѣчаетъ,
И счастье дней своихъ ей сердцемъ довѣряетъ.

Тебѣ картину посвятилъ
Художникъ, но не начертилъ
Тебя, Царица — и какою
Возможно кистію земною
Тебя достойно описать,
Тебя — Россіи благодать!
Я самъ Тебя описывать не смѣю,
Молчу, молюсь, благоговѣю.

Иванъ Мятлевъ.

С. Петербургъ.
8 Апрѣля, 1841.

ПРИГОВОРЪ.

Когда порой съ горячими слезами
На блѣдный листъ ложатся предо мной
Внушенья сердца мѣрными строками,
Тогда я втайнѣ думаю съ тоской:
Ахъ! въ этотъ мигъ мнѣ данъ языкъ двоякій;
Но лишь слова переживутъ сей мигъ;
А вамъ исчезнуть, пламенные знаки!
Неуловимъ столь ясный вашъ языкъ.
Въ моихъ строкахъ никто васъ не примѣтитъ,
И, можетъ быть, иной, кто ихъ прочтетъ,
Съ усмѣшкой на вопросъ о нихъ отвѣтитъ:
«Стихъ гладокъ, но и холоденъ какъ ледъ!»

Г.

Гельсингфорсъ.

ПУСТЫНЯ ИСКУШЕНІЯ.

Гдѣ знойное солнце горячей струей
Песчаную степь сожигаетъ,
Гдѣ Мертвое-Море нечистой волной
Содомъ и Гоморъ заливаетъ;
Тамъ нѣтъ ни былинки въ глубокихъ пескахъ,
Не слышно потоковъ журчанья,
Тамъ рыбы не видно на мутныхъ волнахъ,
Въ степи нѣтъ живаго созданья,
Лишь кой-гдѣ печальныя пальмы стоятъ,
Столпившись, какъ сирые братья —
И къ нимъ караваны на отдыхъ спѣшатъ,
А вкругъ тяготѣетъ проклятье...

Но дальше, за степью, есть жизнь — есть лѣса,
Утесы есть, пропасти, скалы;
Но въ полночь тамъ блещутъ тигрицы глаза,
И ходятъ, и воютъ шакалы;
А въ полдень все тихо межъ сѣрыхъ громадъ,
Межъ скалъ и утесовъ зубчатыхъ:
Журча тамъ не льется живой водопадъ,
Не видно оленей рогатыхъ;
Пещеры тамъ тѣ же, какъ Богъ ихъ создалъ:
Въ нихъ даже и тонкой струею
Ни отблескъ лазури, ни лучь не влеталъ.
Покрыты онѣ темнотою...
Священной завѣсой клубится туманъ
Надъ свѣжей, глубокой долиной.
Его не волнуетъ степной ураганъ:
Вкругъ скалы висятъ исполины...

Во прахъ, Христіанинъ, предъ ихъ тишиной,
Предъ ихъ красотой первозданной!
Какъ ты, тамъ молился Сынъ Бога Святой,
И въ кости и въ плоть одѣянный,
И такъ же тамъ плакалъ и такъ же страдалъ,
Какъ слезы ты льешь и страдаешь,
И тамъ въ Него адскій вопитель пыталъ
Влить грѣшное пламя сомнѣнья;
Шакалъ тамъ и вѣтеръ и камень внималъ
Возвышенной рѣчи смиренья...

Дерзнешь ли ты, смертный, туда заглянуть?
И какъ ты и чѣмъ обуянный

Безъ страха помыслишь твой прахъ прикоснуть
Къ скаламъ тѣмъ въ красѣ первозданной?..
Когда же ты гордой и дерзкой ногой
Войдешь въ этотъ храмъ искушенья,
Ты вспомнишь — и сладко твоею душой
Взыграютъ святыя волненья.
И если какъ камень ты хладенъ и дикъ,
Ни мысли, ни чувства не знаешь,
Въ восторгѣ воскликнешь: «великъ Богъ, великъ!»
И свято въ тотъ мигъ зарыдаешь.

Фонъ-Лизандеръ.

1 *Декабря*, 1840 *года*.

ОПАСЕНІЕ.

Не гроба я страшусь, не жизненныхъ тревогъ.
Блаженъ удѣлъ того, кто въ гробъ заранѣ легъ:
Надежной пристанью наречена могила.
Въ житейскихъ скорбяхъ есть спасительная сила:
Въ нихъ сердце бдительнѣй блюдетъ само себя,
Усерднѣе молясь и пламеннѣй любя.
Но я порой страшусь той жизни безотрадной,
Когда мы на землѣ блуждаемъ тѣнью хладной;
Когда ни радости, ни страсти, ни мечты
Уже не населятъ душевной пустоты,
Какъ бы въ развалину все сердце превратилось,
Любить, надѣяться и вѣрить разучилось.
Вотъ истинная смерть... смерть въ жизни: что предъ ней
Забвенье бытія и горя отъ людей?

Г.

Гельсингфорсъ.